

Вестник института

научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попов В. В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Шамсунов С. Х. — заместитель директора ФСИН России, доктор юридических наук;

Беляева Л. И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;

Бровкин В. Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Дедович И. Б. — заместитель начальника УФСИН по Северо-Западному федеральному округу;

Дебольский М. Г. — заместитель начальника Управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Дубровицкий Л. П. — первый заместитель начальника Правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Емельянова Е. В. — докторант Академии управления МВД России, кандидат экономических наук, доцент;

Зубков А. И. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР;

Игнатъевский В. А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент;

Конасов В. Б. — профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ;

Крымов А. А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Софийчук Н. В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Матвеев А. Г. — начальник управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России;

Нагорных Р. В. — начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н. С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Поздняков В. М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Полозюк В. Л. — начальник Управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Попова И. Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Ручкин Ф. В. — начальник Управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, кандидат филологических наук;

Санташов А. Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (ответственный секретарь);

Старостин С. А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

С. А. СТАРОСТИН
Административная реформа в Российской Федерации: окончание или только начало? 4

Л. П. ДУБРОВИЦКИЙ
Развитие правового обеспечения деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы 6

Л. И. БЕЛЯЕВА
Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних: международные стандарты 10

Е. П. ИЩЕНКО
О применении смертной казни 21

С. У. ДИКАЕВ
Некоторые вопросы современной наказательной политики России 29

Д. А. ШЕСТАКОВ, А. П. ДАНИЛОВ
Латентность политических убийств в современной России 34

А. М. ПОТАПОВ
Об особенностях развития уголовно-исполнительных правоотношений на современном этапе 36

В. Ф. ЛАПШИН
Вопросы дифференциации ответственности за преступления, посягающие на отношения образования финансов 38

Н. А. СОКОЛОВ, С. П. СЕРЕДА
К вопросу о понятии и содержании уголовной политики в отношении несовершеннолетних 41

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 44

В. Б. ШАБАНОВ, А. Л. ЛУКЪЯНОВИЧ
Организационно-правовые проблемы взаимодействия служб (отделов) исправительного учреждения в обеспечении правопорядка и безопасности осужденных 44

Н. П. КИМ, А. В. КЕНЖАЛИЕВА
Об основных направлениях профилактики женской преступности 46

М. Ю. КАШИНСКИЙ
Предупреждение аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы 47

Е. Н. КАЗАКОВА
Опыт ресоциализации и социальной реабилитации пожизненно заключенных в Канаде 51

БУЙТЕКУЛЫ КАЗБЕК БИ
К вопросу о международном сотрудничестве республики Казахстан в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков 56

А. В. СЕРВУЛИ
Причины и условия рецидивной корыстно-насильственной преступности молодежи 58

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . . 61

Г. В. ГАВРИШИНА
Моделирование инновационного процесса психолого-педагогической подготовки преподавателя непедагогического вуза: от идеи к образовательной программе 61

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 66

В. Б. КОНАСОВ
Первый руководитель УПВИ НКВД СССР П. К. Сопруненко 66

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 68

А. М. СЫСОЕВ
Эволюция хулиганства (критические заметки в адрес ст. 213 УК РФ) 68

О. М. КАМАЛОВА
Применение отсрочки отбывания наказания к беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей 70

Н. И. ТОЛСТИКОВ
Возмещение морального вреда (математика на службе права) 72

Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА, Е. В. ПОПАДЕНКО
Интерпретация в правоприменительной деятельности (на примере ст. 75, 76 УК РФ) 76

Н. И. МИНКИНА
Порядок оформления трудовых отношений: вопросы теории и практики 77

В. В. ЕГОШИН
Способы совершения незаконной охоты 79

ПАМЯТИ В. Б. КОНАСОВА 82

А. Л. КУЗЬМИНЫХ
Памяти Виктора Борисовича Конасова 82

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ 84

А. И. ОДИНЦОВ
Проблемы правового регулирования использования в деятельности учреждений и органов УИС персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей 84

Л. Л. МАЛКОВА
Проблемы организации труда осужденных к лишению свободы 86

Е. Л. СУЧКОВА
Правовые представления и установки осужденных к лишению свободы: диагностика и коррекция 88

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 90

РЕЦЕНЗИИ 91

Е. П. ИЩЕНКО
Рецензия на монографию А. С. Шаталова, А. А. Крымова, А. Т. Валеева, А. М. Лютынского «Особенности производства предварительного расследования по делам о преступлениях, совершаемых в учреждениях УИС» 91

И. П. БАШКАТОВ
Рецензия на монографию Э. В. Зауторовой «Нравственно-эстетическое воспитание осужденных к лишению свободы» 92

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 92

КОНСУЛЬТАЦИИ 93

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 94

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Административная реформа в Российской Федерации: окончание или только начало?

С. А. СТАРОСТИН — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Административная реформа, окончание которой было запланировано на 2008 г., продлена еще на четыре года¹. Можно полагать, что либо цели, которые были поставлены, не достигнуты, либо произошли события, которые вызвали необходимость внесения изменений в Концепцию административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. и план мероприятий по ее проведению.

И то и другие. Достигнуты ли цели административной реформы? Они были названы достаточно точно, их три: повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Не рассматривая первые две (их изучение требует более глубокого анализа), остановимся на третьей. В конце 2007 г. и Президент РФ В. В. Путин, и тогда еще кандидат в Президенты РФ Д. А. Медведев все чаще стали говорить о проблемах административной реформы и более всего о несовершенстве системы органов исполнительной власти в стране. Не прошло и двух дней после выборов 2 марта, как Д. А. Медведев одной из тех задач, которыми он будет заниматься в ближайшие месяцы, назвал определение «контуров» исполнительной власти.

Многие ученые и еще больше практики стали с нетерпением ожидать грядущих системных и структурных потрясений. Но, увы, к сожалению, реформы исполнительной власти были лишь «косметическими», и наши ожидания по поводу совершенствования системы и структуры исполнительной власти не оправдались.

Но все по порядку. Начиная с Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 — а именно с этого времени в нашей стране была введена многоуровневая система федеральных органов исполнительной власти — эта система подверглась многочисленным и глубоким (да и неглубоким тоже) изменениям. В настоящее время мы, по сути, имеем совершенно иную систему в отличие от существовавшей всего четыре года назад.

Авторами административной реформы в значительной степени была использована американская модель деления федеральных органов исполнительной власти на три уровня — министерства, службы и агентства. Несколько позднее в данную систему были

снова возвращены, а затем снова упразднены ранее существовавшие государственные комитеты.

Казалось бы, идея, использованная при реформировании, вполне понятна и обоснованна: разделить функции на три относительно независимые части. Это функции по выработке политики в установленной сфере деятельности, функции контроля и функции предоставления услуг. Первую часть передали федеральным министерствам, вторую — федеральным службам, третью — федеральным агентствам.

Казалось бы, все стало относительно логично, но последовавшие затем указы Президента РФ уже ставшую привычной систему реформировали снова: в систему федеральных органов исполнительной власти были введены государственные комитеты, преобразовывались и сами министерства, службы и агентства. Несколько слов о государственных комитетах. Никто не спорит о необходимости создания структур, которые занимались бы вопросами рыболовства и молодежи. Но почему ими не могли бы стать федеральное агентство по рыболовству, подчиненное непосредственно Правительству РФ или даже Президенту РФ? Почему бы еще в сентябре 2007 г. не создать полноценное министерство по делам молодежи? Но авторы не пошли по такому пути — они создали госкомитеты, передав им все те функции, которыми наделены и министерства, и службы, и агентства.

Едва ли самым обоснованным майским решением Президента РФ² явилось упразднение государственных комитетов и создание Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, а также Федерального агентства по рыболовству в составе Министерства сельского хозяйства РФ. Но, отмечая обоснованность данного решения, следует все-таки отметить, что вызывает сомнение целесообразность объединения в единое министерство и спорта, и туризма, и молодежной политики. Не вполне понятно, почему нельзя было оставить федеральные агентства по физической культуре и спорту и туризму самостоятельными и подчиненными Правительству РФ.

Еще одно совсем недавнее решение, которое вызывает недоумение. Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» создан уполномоченный орган управления использованием атомной энергии — Росатом. Указом Президента РФ № 369 20 марта 2008 г. Федеральное агентство по атомной энергии упразднено.

В соответствии с законом госкорпорация объединит предприятия ядерного оружейного комплекса, институты фундаментальной науки, структуры, работающие в сфере ядерной и радиационной безопасности. Таким образом, реорганизация системы федеральных органов исполнительной власти продолжилась. Более того, с созданием госкорпораций — а на февраль 2007 г. их уже создано пять — возникли многочисленные вопросы не только по функциям федеральных органов исполнительной власти, но и по полномочиям в распоряжении собственностью, огромными средствами и т. п.

Отдельный вопрос о качестве подготовки (в том числе и научной проработки) решений Президента и Правительства по проблемам системы и структуры федеральных органов исполнительной власти. О данной проблеме можно судить хотя бы по количеству изменений, внесенных только лишь в указы Президента РФ. Более десяти раз изменялся Указ от 9 марта 2004 г. № 314. Спустя всего лишь полтора месяца со дня его подписания Министерство транспорта и связи Российской Федерации было разделено на два министерства: Министерство транспорта и Министерство информационных технологий и связи Российской Федерации (Указ Президента РФ от 20 мая 2005 г. № 649). Тогда же были образованы Федеральные службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды и по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия; созданы новые и реформированы ранее существовавшие федеральные агентства.

Один из последних системных указов (от 24 сентября 2007 г. № 1274) уже менее чем через месяц тоже меняется: Указом Президента РФ от 11 октября 2007 г. № 1359 создано Федеральное агентство по обустройству государственной границы РФ. Уже упомянутые нами государственные комитеты просуществовали всего 193 дня.

Следует отметить еще один важный и проблемный момент: с 9 марта 2004 г. структура федеральных органов исполнительной власти строго разделена на две части — федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, а также органы, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации.

В связи с таким делением возникает ряд вопросов, на которые трудно найти аргументированные ответы. На наш взгляд, проблемы, связанные со структурой федеральных органов исполнительной власти, их полномочиями, напрямую связаны с функциональным построением этих органов. Законодатель изначально пошел по неопределенному и неясному пути, положив в основу формирования системы федеральных органов исполнительной власти критерии, не связанные с их целями, задачами и функциями.

Любой управленец скажет, что прежде, чем решать задачу построения эффективного органа управления, требуется максимально точно сформулировать цели его создания, задачи и функции. В данном случае было необходимо четко представлять исчерпывающий перечень целей и задач органов исполнительной

власти — тем более что они уже сформулированы в Конституции РФ, Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» и других нормативных правовых актах.

Требовалось классифицировать задачи федеральных органов исполнительной власти по группам, в соответствии с каким-либо наиболее существенным критерием, например по уровням управления: стратегическим, оперативным и тактическим. Можно предложить и другие критерии классификации задач, главное при этом, что данная классификация задач органов исполнительной власти должна быть максимально объективной и полной. В структуру задач должны войти только те, которые действительно присущи федеральным органам исполнительной власти. С другой стороны, ей не должны принадлежать несвойственные или избыточные функции, не должно быть их дублирования. При такой постановке те проблемы с функциями, которые мы получили в ходе административной реформы, не должны были вообще возникнуть при правильном, научном решении проблемы.

Из теории управления известно, что для решения одной задачи необходимо выделить несколько функций (лучше в пределах десяти). В этом случае мы получаем достаточно громоздкую, но, что очень важно, объективно созданную, четко структурированную, прозрачную, законченную и исчерпывающую пирамиду. В ее вершине цели, которые стоят перед федеральными органами исполнительной власти, каждая из этих целей имеет перечень задач, направленных на их достижение, наконец, для решения каждой задачи сформулированы функции.

Если бы был использован именно такой путь, тогда завершающий этап формирования системы и структуры федеральных органов исполнительной власти был бы совсем иным. Достаточно под каждую функцию (группу функций) создать орган исполнительной власти, который отвечал бы только лишь за их выполнение.

Здесь хотелось бы еще напомнить о напрасно и преждевременно забытом отраслевом принципе формирования организационных структур управления. На наш взгляд, игнорируя этот принцип, а следовательно, исторический опыт Российской империи и СССР, законодатель встал на ошибочный путь реформирования органов исполнительной власти. Исходя из функций органов исполнительной власти требуется структурировать всю систему управления исполнительной власти в соответствии со сложившимся разделением труда в экономической, социально-культурной, административно-политической сфере³.

Разработчики Указа Президента РФ № 314 (2004 г.) пошли по другому пути, который и привел к положению, когда требуется вновь и вновь менять систему и структуру органов исполнительной власти.

Вполне резонно возникает еще один вопрос: каким образом оказалось, что в ряде федеральных министерств либо нет ни служб, ни агентств (МЧС, Минэнергетики, Минрегионразвития), либо их одно или несколько: в Минсельхозе и МВД России — по одной службе, в МИДе и Минпромышленности и торговли — одно агентство и т. д.?

С другой стороны, в некоторых министерствах и служб, и агентств более чем достаточно: в Минобороны — три службы и одно агентство, в Министерстве природных ресурсов и экологии — три службы и два агентства и т. д.

По какой причине такой разброс в количестве служб и агентств? Возможно, что в различных федеральных министерствах разное количество функций по контролю и надзору, по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом. Да, в определенной степени это так. Но главное, конечно же, не в этом. Неужели МВД России не выполняет функции по предоставлению государственных услуг? Более чем достаточно: выдача гражданам и организациям лицензий на приобретение оружия и патронов к нему, разрешений на хранение, ношение и использование оружия, патронов и боеприпасов к нему, а также на их транспортирование, ввоз на территорию и вывоз с территории Российской Федерации; лицензирование отдельных видов деятельности и многое другое. Но в МВД России нет ни одного агентства. Кто тогда выполняет функции по оказанию государственных услуг?

В результате функции, которые должны выполнять агентства, ложатся на МВД России. Аналогично и со службами. Если говорить в целом, то практика формирования федеральных органов государственной власти по любому из принципов, отличному от единственно возможного и описанного нами ниже, приводит к таким последствиям.

Следует заметить, что майский Указ Президента РФ осуществил в этом направлении некоторые позитивные изменения. Так, некоторые службы и агентства,

руководство деятельностью которых осуществляло ранее Правительство Российской Федерации, переданы в соответствующие федеральные министерства.

Итак, нами названы лишь немногие из проблем административной реформы. Но есть еще и проблемы, связанные с формированием механизмов реализации полномочий органов исполнительной власти, противодействия коррупции, разработкой стандартов качества и доступности государственных услуг и административных регламентов их исполнения. Требуется совершенствования государственного контроля и надзор. Необходимо разработать и внедрить механизмы досудебного обжалования решений и действий государственных органов и должностных лиц.

И, наконец, еще одна проблема, к решению которой мы еще не подошли: реформа затронула в основном федеральный уровень власти, на региональном уровне она реализуется лишь в виде экспериментов.

Важно, чтобы процесс формирования эффективной государственной власти опирался не только на практический опыт, в первую очередь российский, но и на результаты научных исследований данной проблемы.

■ ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2008 г. № 157-р.

² См.: Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724.

³ См.: Манохин В. М. Отраслевой принцип в организации государственного управления // Административное право и процесс. 2008. № 1. С. 2–11. ■

Развитие правового обеспечения деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

■ **Л. П. ДУБРОВИЦКИЙ** — первый заместитель начальника Правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук

За прошедшее десятилетие уголовно-исполнительная система претерпела значительные изменения, которые обусловлены, прежде всего, кардинальными преобразованиями в российском праве.

В соответствии с указами Президента Российской Федерации от 08.10.1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» и от 28.07.1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» уголовно-исполнительная система с 1 сентября 1998 г. перешла под юрисдикцию Министерства юстиции Российской Федерации.

Следует отметить базовый Федеральный закон от 21.07.1998 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы», которым внесены изменения и дополнения в 20 законов и создана законодательная

основа функционирования уголовно-исполнительной системы в составе Минюста России.

Осуществлено переподчинение уголовно-исполнительной системе уголовно-исполнительных инспекций и ряда образовательных учреждений МВД России, лечебно-профилактических и санаторно-оздоровительных учреждений. Созданы научно-исследовательские учреждения уголовно-исполнительной системы Минюста России.

В период с 1 сентября 1998 г. по настоящее время было принято 32 федеральных закона, 11 указов Президента Российской Федерации, 30 постановлений Правительства Российской Федерации, 10 распоряжений Правительства Российской Федерации.

Развитие законодательства обусловило необходимость приведения законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих общественные отношения в сфере исполнения наказаний и деятельность учреждений

и органов уголовно-исполнительной системы, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации и другими законодательными актами Российской Федерации.

Уголовно-исполнительная система вступила в иное правовое поле, тесно связанное с общепринятыми принципами и нормами международного права и концепцией приоритета прав человека. Это потребовало новых подходов к решению вопросов деятельности уголовно-исполнительной системы в целом и, прежде всего, к правовому обеспечению этой деятельности.

Одним из первых важных шагов в этом направлении стало принятие Федерального закона от 09.03.2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации». Еще до вступления в силу нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации была существенно сужена практика применения в качестве меры пресечения содержания под стражей, а также изменены основания его применения. Были также ограничены сроки содержания под стражей подсудимых во время рассмотрения дела в суде. Продление срока содержания под стражей до постановления судебного решения стало возможно только по мотивированному постановлению суда.

В качестве альтернативы реальному лишению свободы значительно шире стал применяться институт направления в колонии-поселения лиц, осужденных за все виды преступлений, совершенных по неосторожности.

Расширены основания и изменен порядок применения различных видов досрочного освобождения от отбывания наказания (условно-досрочное освобождение, замена наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания), а также отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющим малолетних детей.

В Уголовно-исполнительный кодекс России внесены изменения, касающиеся осуществления цензуры корреспонденции осужденных к лишению свободы.

Большой блок поправок в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство был внесен в 2003 г. по законодательной инициативе Президента Российской Федерации. В частности, был изменен подход к применению правового института рецидива преступлений в отношении лиц, совершивших неоднократные преступные деяния, не представляющие большой общественной опасности. В совокупности со смягчением санкций по многим составам преступлений это позволило сократить численность осужденных в воспитательных колониях, исправительных колониях строгого и особого режимов без снижения эффективности достижения целей уголовного наказания.

Были существенно расширены права осужденных и лиц, содержащихся под стражей, на получение медицинской, психологической и юридической помощи, самостоятельное обращение в суд с ходатайством

об условно-досрочном освобождении, телефонные переговоры, свидания, выезды за пределы исправительных учреждений и проживание за их пределами, заочное обучение в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования, получение паспорта при освобождении, обеспечение индивидуальными средствами гигиены, а осужденным беременным женщинам — на получение дородовой и послеродовой специализированной медицинской помощи, выплату пособия по беременности и родам независимо от исполнения ими трудовых обязанностей. Отдельные наименее социально защищенные категории осужденных освобождены от оплаты питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены.

Отменены отдельные ограничения, в том числе на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека, а также на посещение осужденных священнослужителями в штрафных изоляторах или одиночных камерах в исправительных колониях особого режима, а также помещениях камерного типа.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации наделены правом на посещение при исполнении служебных обязанностей учреждений, исполняющих наказания, без специального разрешения независимо от наличия жалоб.

Установлены дополнительные гарантии обеспечения личной безопасности осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства. Отменены обязанности и запреты для осужденных к исправительным работам. Введен запрет на перевод в тюрьму осужденных к пожизненному лишению свободы. Упразднено раздельное содержание осужденных в колониях-поселениях, как это предусмотрено в международных рекомендациях. Исключены возрастные ограничения на заочное обучение несовершеннолетних осужденных в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования.

Существенно расширен круг лиц, осужденных к лишению свободы, которые могут быть оставлены в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, что позволяет администрации улучшить бытовые условия осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Расширены права осужденных, не работающих по независящим от них причинам, на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах.

Осуществлены меры, направленные на борьбу с терроризмом и организованной преступностью, в том числе и международными. Теперь лица, осужденные за организованные преступления и преступления, связанные с терроризмом, не отбывают наказания по месту проживания или осуществления преступной деятельности, а направляются в другие исправительные учреждения, определяемые Федеральной службой исполнения наказаний.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 12.08.2002 г. № 586 осужденным женщинам, отбывающим наказание в колониях-поселениях, предусмотрено ежемесячное пособие на период от-

пуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет.

Правовым управлением осуществлялись мероприятия, связанные с образованием Федеральной службы исполнения наказаний. Проведена большая работа по подготовке и проведению юридической экспертизы проектов законодательных и иных нормативных правовых актов.

Принималось участие в подготовке Указа Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний», где определены структура, правовой статус, основные задачи и полномочия федерального органа уголовно-исполнительной системы, порядок его взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти и иными организациями.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12.07.2005 г. № 796 «О дополнительных гарантиях обеспечения охраны прав, свобод и законных интересов лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федеральным законом от 15.04.2006 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона “О Федеральной службе безопасности” и в статьи 7 и 8 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» осуществлена передача следственных изоляторов ФСБ России в состав уголовно-исполнительной системы.

Работа по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, направленная на повышение эффективности системы исполнения наказаний, ее гуманизацию, приведение пенитенциарной системы России в соответствие с европейскими стандартами в области прав человека, постоянно продолжается. Только в 2007–2008 гг. принято 7 федеральных законов, непосредственно затрагивающих деятельность уголовно-исполнительной системы.

Исключены положения об отбывании наказания осужденными иностранными гражданами и лицами без гражданства в специальных исправительных учреждениях, а также об отдельном содержании от других подозреваемых и обвиняемых иностранных граждан и лиц без гражданства. Это соответствует основополагающему конституционному принципу равенства перед законом и не противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права.

Территориальные органы уголовно-исполнительной системы наделены правом по согласованию с органами местного самоуправления муниципальных районов либо органами местного самоуправления городских округов определять границы территорий, прилегающих к подведомственным учреждениям, на которых Министерством юстиции Российской Федерации по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации устанавливаются режимные требования.

В соответствии с рекомендациями Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания отменен запрет на пользование книгами, газетами, журналами и иной литературой подозреваемым и обвиняемым, водворенным в карцер.

Создана законодательная база реформирования системы трудовой занятости и профессионального обучения осужденных. Осуществлено преобразование федеральных государственных унитарных предприятий при учреждениях, исполняющих уголовные наказания, в центры трудовой адаптации осужденных и производственные мастерские. В результате реформирования деятельность производственного сектора уголовно-исполнительной системы будет переориентирована на решение социальных задач, связанных с подготовкой осужденных к нормальной жизни и работе после освобождения.

Внесение изменения в ст. 73 УИК РФ позволило осуществлять размещение осужденных исходя из реальных возможностей уголовно-исполнительной системы до создания необходимого количества исправительных учреждений в каждом субъекте Российской Федерации и тем самым обеспечить им надлежащие условия содержания.

Уточнен порядок перевода осужденных к лишению свободы в качестве меры поощрения из строгих условий отбывания наказания в обычные в пределах одного исправительного учреждения.

Установлено, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными.

Ранее было определено, что международные договоры Российской Федерации, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными, всего лишь учитываются в соответствии с экономическими и социальными возможностями.

Совсем недавно принят Федеральный закон от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», предусматривающий создание в каждом субъекте Российской Федерации общественных наблюдательных комиссий, которые будут осуществлять общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, на постоянной основе.

Члены общественной наблюдательной комиссии при осуществлении общественного контроля наделены правом без специального разрешения посещать места принудительного содержания. Порядок посещения устанавливается федеральными органами исполнительной власти, в ведении которых находятся места принудительного содержания.

На рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находятся еще 10 проектов федеральных законов, непосредственно касающихся деятельности уголовно-исполнительной системы. Законопроекты

внесены Правительством Российской Федерации и депутатами Государственной Думы, а также законодательными собраниями субъектов Российской Федерации. Еще ряд проектов готовится к внесению в Государственную Думу.

Наиболее важными из них представляются законопроекты:

— о введении в действие альтернативного лишению свободы наказания в виде ограничения свободы, которое будет заключаться в исполнении осужденными устанавливаемых судом обязанностей и запретов под контролем уголовно-исполнительных инспекций;

— внесении изменения в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», предоставляющий органам государственной власти субъектов Российской Федерации право участвовать в исполнении отдельных государственных функций ФСИН России, а также оказывать социальную поддержку и помощь осужденным, лицам, содержащимся под стражей, а также работникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы за счет средств собственных бюджетов;

— домашнем аресте подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, где предусматривается создание механизма реализации меры пресечения в виде домашнего ареста. В настоящее время эта мера процессуального принуждения практически не применяется именно из-за отсутствия такого механизма;

— внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, направленных на создание правовых основ для осуществления постпенитенциарного контроля за лицами, отбывшими уголовное наказание в виде лишения свободы.

20 июня 2008 г. в Государственную Думу депутатом П. В. Крашенинниковым внесен проект федерального закона «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». Данный законопроект направлен на совершенствование правового регулирования порядка зачета времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу в срок отбывания наказания в виде лишения свободы, а также на стимулирование правопослушного поведения осужденных. В целях обеспечения прав, свобод и законных интересов предусматривается возможность компенсации отдельным категориям осужденных издержек, связанных с их содержанием под стражей.

Концепция законопроекта основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и практике Европейского Суда по правам человека и предусматривает зачет времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу в срок отбывания наказания в виде лишения свободы с применением коэффициента выше единицы в зависимости от назначаемого судом вида исправительного учреждения. Принятие названного проекта позволит сократить численность осужден-

ных к лишению свободы, улучшить тем самым условия их содержания и в целом снизить напряженность в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Указом Президента Российской Федерации от 16.03.2007 г. № 359 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере юстиции» изменен порядок подачи ходатайств о помиловании. Координация деятельности по вопросам помилования передана от Минюста России в компетенцию ФСИН России.

Издан Указ Президента Российской Федерации от 30.04.2008 г. № 656 «Об организации охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию», в соответствии с чем Положение о Федеральной службе исполнения наказаний дополнено нормой, согласно которой ФСИН России осуществляет охрану психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию, обеспечение безопасности находящихся на их территориях лиц, сопровождение и охрану лиц, которым назначено принудительное лечение в таких стационарах, а также сопровождение указанных лиц в иные учреждения здравоохранения.

Большое внимание уделено совершенствованию ведомственной нормативной базы, регламентирующей деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, и приведению ее в соответствие с действующим законодательством.

В настоящее время полностью прекращено применение в деятельности учреждений и органов УИС нормативных актов ГУИН Минюста России. По всем направлениям деятельности изданы нормативные акты Минюста или ФСИН России. За десятилетний период было подготовлено и утверждено более 5 тыс. ведомственных актов.

В связи с вхождением Российской Федерации в Совет Европы и ратификацией конвенций о защите прав человека и основных свобод и по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания осуществлялось внедрение в практику деятельности учреждений УИС общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации в сфере обеспечения прав человека.

Проводилось взаимодействие с международными и российскими правозащитными организациями, осуществляющими международный и общественный контроль за соблюдением прав человека в следственных изоляторах и исправительных учреждениях.

Начиная с 1998 г. делегации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее — ЕКПП) 17 раз проверяли условия содержания в местах изоляции от общества. Оценивая положение дел в УИС, 13 марта 2007 г. ЕКПП в своем публичном заявлении указал, что в сфере условий содержания под стражей достигнут определенный про-

гресс, а российские власти демонстрируют стремление к открытости в отношении вопросов, связанных с условиями содержания под стражей. Более того, в ходе посещения представителями ЕКПП учреждений УИС в их адрес не поступило никаких заявлений от заключенных о неправомерном обращении со стороны персонала.

Благодаря взаимодействию Российской Федерации с Европейским судом по правам человека проведены расследования по 277 делам, в которых кроме жалоб на следственные и судебные органы имелись претензии к учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы.

Повышенное внимание ФСИН России к вопросам соблюдения прав лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также осужденных к лишению свободы, позволило значительно снизить количество жалоб граждан Российской Федерации в Европейский суд по правам человека на нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. Так, если в 2002 г. Европейский суд по правам человека принял к рассмотрению 68 таких жалоб, то в 2003 г. — 59, в 2004 г. — 40, в 2005 г. — 25, в 2006 г. — 23, в 2007 г. — 8, в 2008 г. — 4.

К настоящему времени из всех этих жалоб претензии заявителей к деятельности учреждений УИС были признаны обоснованными только по 35 делам (12,6%), а по 40 делам (14,4%) отклонены. По 202 делам (72,9%) решения длительное время не принимаются.

Анализ статистической отчетности о соблюдении прав человека в УИС показывает, что за прошедшее

время результаты работы УИС в обеспечении охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, ежегодно улучшаются.

Кроме того, правовым управлением осуществлялась работа по защите имущественных интересов ФСИН России в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, а также в Верховном Суде Российской Федерации, обеспечению договорно-правовой работы ФСИН России.

Проведена юридическая экспертиза более 3800 договоров и государственных контрактов, зарегистрировано более 3800 договоров. Подготовлено более 4300 отзывов на исковые заявления и 1740 кассационных жалоб по делам с участием ФСИН России.

Принято участие в судебных разбирательствах более чем 4300 дел, рассматриваемых в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, затрагивающих интересы УИС.

Осуществлена защита интересов УИС в Верховном Суде Российской Федерации по 54 делам. Решениями Верховного Суда Российской Федерации в удовлетворении требований к Минюсту и ФСИН России по 47 делам отказано.

Таким образом, в течение прошедших десяти лет правовым управлением проделана объемная, социально ориентированная и государственно значимая работа, созданы предпосылки для внедрения концептуально новой программы пенитенциарной деятельности, соответствующей международным стандартам.

Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних: международные стандарты

Л. И. БЕЛЯЕВА — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Международные стандарты — это правила, выработанные в области исполнения наказаний усилиями международного сотрудничества государств, ученых и практиков, юристов и педагогов, медиков и психологов.

Международные стандарты появились не сегодня и не вчера. Они уходят своими корнями в прошлое, они волновали лучшие умы наших предшественников, и в сегодняшней постановке вопросов отразились их искания, их опыт, их выводы и их предостережения. И от нас зависит продвижение накопленного десятилетиями опыта, его приращение и обогащение нынешней практикой.

Для понимания духа и сути международных стандартов, касающихся исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних, необходимо обратиться к истокам, истории их формирования и развития.

Исторические корни международных стандартов, касающихся несовершеннолетних осужденных

Международное сотрудничество в области исполнения наказания в отношении несовершеннолетних имеет богатую и давнюю историю. Начало ее относится к 40-м гг. XIX столетия. В это время возрос интерес к проблемам наказания и тюрьмы, положению заключенных в тюрьмах, в особенности несовершеннолетних.

Внимание прогрессивной и человеколюбивой общественности было обращено на ужасающие условия, в которых заключенные отбывали наказание в тюрьмах, на жестокое, бесчеловечное отношение к арестованным со стороны тюремной администрации. В разных странах широкое общественное движение за гуманизацию в отношении к заключенным, изменение целей наказания, укрепление чувства собственного достоинства лиц, отбывающих наказание,

приводило к реформированию тюремных систем. В том числе и в России, правда, несколько позднее, чем в других странах.

В ходе тюремных реформ возникало множество вопросов, вызванных преобразованиями и требующих разрешения. Они касались проблем организации труда арестантов, их религиозно-нравственного воспитания, образования, подготовки к освобождению, проблем режима, подготовки служащих, нравственного исправления и перевоспитания несовершеннолетних и др.

Для разрешения всех этих вопросов энтузиасты идеи гуманизации наказания пришли к мнению о необходимости объединения своих усилий и привлечения к этой проблеме всех, кто ею интересовался и мог помочь. С этой целью были учреждены международные пенитенциарные конгрессы, первый из которых состоялся в 1846 г. во Франкфурте-на-Майне, следующий в 1847 г. в Брюсселе. С 1872 г. они стали проводиться каждые пять лет¹, последний состоялся в 1910 г. Один из конгрессов проходил в Петербурге. Запланированный на 1915 г. в Лондоне не состоялся вследствие войны.

На обсуждение конгрессов выносились злободневные вопросы теории и практики: о целях наказания, организации деятельности тюрем, подготовке персонала, наказании заключенных, их размещении и питании, одежде, медицинском обслуживании, участии общественности в деятельности тюрем, становлении связи с семьей и др.

Практически на каждом конгрессе обсуждались вопросы, связанные с исполнением наказания в отношении несовершеннолетних. Предметом рассмотрения были проблемы создания специальных учреждений для несовершеннолетних осужденных с тем, чтобы отделить их от взрослых и дурного влияния тюрьмы. На пенитенциарных конгрессах обсуждались проблемы трудового воспитания, организации учебы, практики применения дисциплинарных взысканий, требований к личному составу служащих исправительных заведений для несовершеннолетних, отмены и запрещения телесных наказаний в колониях и приютах, организации медико-педагогического контроля, методов, средств и приемов воспитания и др.²

Деятельность конгрессов не сводилась лишь к обсуждению проблем. Их участники вырабатывали рекомендации для использования в практике исполнения наказания в отношении несовершеннолетних. Рекомендации, выработанные международными пенитенциарными конгрессами, отличались гуманистическими устремлениями и были ориентированы на формирование у служащих тюрем и учреждений для несовершеннолетних понимания своего предназначения и роли в деле исправления несовершеннолетних.

В работе конгрессов принимали участие ученые, практики, занимающиеся воспитанием несовершеннолетних правонарушителей, общественные деятели.

В 1872 г. была создана Международная пенитенциарная комиссия, в состав которой входили и наши соотечественники. В обязанности комиссии входила подготовка и проведение конгрессов, связь с национальными тюремными обществами, тюремная статистика, разработка программ конгрессов. С 1887 г.

ею издавался «Бюллетень международных пенитенциарных конгрессов» (на французском языке). Целью издания было не только обобщение опыта тюремного дела, но и распространение гуманистических идей, привлечение внимания общественности к проблемам «тюрьмы и воли». Многие из них становились предметом обсуждения на страницах газет и журналов, как отечественных, так и зарубежных. Но в первую очередь участники конгрессов старались развивать идеи гуманизма среди тюремных служащих. Этому способствовали ведомственные журналы, издававшиеся в разных странах. В России с 1893 г. издавался журнал «Тюремный вестник», где публиковались программы, доклады, выступления, резолюции конгрессов, выводы и предложения практиков. Журнал издавался до 1917 г. Несмотря на его ведомственную зашоренность, зависимость от властей, надо признать, что идеи гуманизма нашли отражение на его страницах. Проводниками этих идей, активными и последовательными, были М. Н. Галкин-Врасский, Д. А. Дриль, П. И. Люблинский, Ф. Н. Малинин и др. Особое внимание при этом уделялось вопросам воспитания несовершеннолетних правонарушителей в исправительных заведениях.

Углубление международного сотрудничества привело к основанию в 1889 г. Международного союза криминалистов³. Всего состоялось 12 съездов союза, последний — в 1913 г. На съездах ставились и тщательно обсуждались вопросы, вызывавшие большой интерес и являвшиеся принципиальными для уголовного права: об условном осуждении, рецидиве, соучастии, ответственности и наказании несовершеннолетних, исполнении наказания и др. Международному союзу криминалистов принадлежит заслуга в разработке теоретических основ условного осуждения. К несовершеннолетним оно применялось в России начиная с 1866 г. Особое внимание Международной союз уделял разработке проблемы подготовки заключенных к выходу на свободу, при этом вопросы подготовки несовершеннолетнего к выходу из заключения рассматривались самостоятельно. На съездах вырабатывались соответствующие рекомендации, в основе которых также лежали идеи понимания, сострадания и стремления облегчить переход к самостоятельной жизни, что обеспечивалось соблюдением ряда гарантий: трудовой занятости, медицинской помощи, найма жилища и др.⁴

В России, как и в некоторых других странах, была создана национальная группа этого союза. Русская группа Международного союза криминалистов внесла большой вклад в разработку вопросов развития законодательства о защите прав детей, условном досрочном освобождении, подготовке заключенных к освобождению, организации помощи лицам, вышедшим из заключения, в особенности несовершеннолетним, об условном осуждении⁵.

Развивая гуманистические идеи и привнося их в практику мест заключения, пенитенциаристы поняли, что все меры, связанные с тюремными реформами, окажутся бесполезными, если арестант, выйдя на волю, встретит непонимание и неприятие. Это указывало на необходимость более глубокой разработки основ подготовки заключенных к освобождению и организации помощи им в адаптации к жизни на свободе. Это называлось тогда патронатом. Здесь оказалась столь великое множество проблем, что они стали самостоятельным предметом рассмотрения

Международных конгрессов патроната. С 1890 по 1911 гг. состоялось пять таких конгрессов. Они проходили в Бельгии — стране, которая занимала одно из ведущих мест в деле рациональной постановки патроната. На конгрессах основное внимание уделялось вопросам защиты детей, помощи освобожденным из мест заключения, попечения о нищенствующим, бродягах, душевнобольным⁶.

Международное сотрудничество в области тюремного дела продолжалось до 1914 г., до начала Первой мировой войны.

Многие из резолюций съездов служили руководством, основой при осуществлении уголовно-правовых реформ в разных странах, в том числе и в России. Важное значение имели рекомендации, касающиеся несовершеннолетних правонарушителей, их положения и воспитания в местах заключения и специальных для них учреждениях.

После войны международное сотрудничество постепенно возрождалось начиная с 1925 г., приобретая новые формы и направления. Однако, не успев развиваться, оно приостановилось в годы Великой Отечественной войны⁷.

С 50-х гг. XX в. начинается новый этап международного сотрудничества в области проблем обращения с заключенными. Эти проблемы рассматриваются и решаются с позиций прав человека, что придает сотрудничеству качественно новый, иной, более глобальный характер. Организующим и координирующим международные связи центром становится Организация Объединенных Наций.

Деятельность ООН в указанной области заключается в содействии распространению информации и обмену соответствующими данными, подготовке кадров и направлении непосредственной помощи правительствам по их просьбе.

Один раз в пять лет проводятся конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Конгрессы имеют назначение содействовать обмену знаниями и опытом между специалистами различных государств, укреплению и развитию международного сотрудничества в борьбе с преступностью. В деятельности конгрессов важное место занимает проблема обращения с правонарушителями. Она становится предметом внимания практически на каждом конгрессе.

Наряду с ООН важную роль в координации международного сотрудничества по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями играют международные неправительственные организации, которые часто инициируют вынесение особо важных вопросов на рассмотрение конгрессов. Наиболее крупными такими организациями являются Международная ассоциация уголовного права (МАУП), Международное криминологическое общество (МКО), Международная социологическая ассоциация (МСА), Международное общество социальной защиты и др.⁸

Одним из направлений международного сотрудничества в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями стала разработка международных норм, стандартов, правил, руково-

дящих начал, закрепленных в различных соглашениях, декларациях и конвенциях. В их разработке принимали участие различные международные органы и учреждения, неправительственные организации. В указанных документах нашел отражение многолетний опыт как международного сотрудничества в целом, так и прогрессивный, основанный на гуманистических началах, опыт конкретных стран в интересующей нас области.

За время своего существования Организация Объединенных Наций разработала достаточно большое количество международных документов по вопросам предупреждения преступности и обращения с правонарушителями, исполнения уголовных наказаний. Это, например, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.), Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1975 г.), Европейский тюремные правила (1987 г.), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 г.) и др.⁹ Все они распространяют свое влияние и на несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы. Вместе с тем ООН исходит из принципа бережного и щадящего отношения к несовершеннолетним, минимизации отрицательного влияния на них лишения свободы. Исходя из этого ООН разработан ряд документов, которые касаются вопросов лишения свободы именно несовершеннолетних. К числу таких документов относятся Конвенция о правах ребенка (1989 г.), Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985 г.), Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде) (1990 г.), Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.)¹⁰.

Общая характеристика международных документов, касающихся деятельности учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, лишенных свободы

Для понимания сути международных правил исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних необходимо принять во внимание несколько обстоятельств, которые являются существенными для нашего интереса.

1. Несовершеннолетний осужденный — это человек, следовательно, на него распространяется влияние всех международных документов о правах человека.
2. Несовершеннолетний — это, как отмечается в Конвенции о правах ребенка, ребенок. Из чего следует, что необходимо принимать во внимание требования международных документов о правах и благосостоянии детей.
3. Несовершеннолетний осужденный — это лицо, находящееся в заключении, и к нему применимы положения документов, относящихся к этой области.
4. Несовершеннолетний осужденный — это ребенок, находящийся в особых, несвойственных детскому возрасту условиях. Это отражено в соответс-

твующих международных документах по данному вопросу.

5. Несовершеннолетний осужденный может оказаться умственно отсталым или инвалидом. В этом случае необходимо учесть положения конкретных международных документов, таких как Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971 г.), Декларация о правах инвалидов (1975 г.), Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1982 г.)¹¹.

Все правила, связанные с обращением с заключенными, вытекают из других положений документов более общего характера. Это документы, которые направлены на охрану прав и свобод человека: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и др.

В таких документах содержатся положения, имеющие общий характер, и естественно, что они должны быть учтены также и в деятельности персонала учреждений для несовершеннолетних осужденных.

В ряде специальных документов, ориентированных на установление правил обращения с заключенными, содержатся положения, уже отраженные в других, более масштабных. Иногда это понимается как повторение, не мешающее делу. Видимо, это не совсем верно. Скорее всего, включение в специальные документы положений из документов общего характера является свидетельством преемственности принципов и правил, последовательности в их осуществлении, особой важности и актуальности.

В числе документов имеются такие, которые провозглашают общие принципы, и такие, которые содержат систематизированное изложение основных правил содержания осужденных и обращения с ними.

Наиболее объемными и полными являются следующие:

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты в 1955 г. на Первом конгрессе ООН)¹². Они были разработаны на основе стандартов обращения с заключенными, предложенных Международной уголовной и пенитенциарной комиссией и утвержденных Лигой наций в 1934 г. Названная комиссия в 1951 г. была упразднена, а ее основные функции перешли к ООН.

В Правилах воплощены принципы гуманности, уважения человеческого достоинства, социальные цели и требования к администрации, которые являются основой для нормального функционирования пенитенциарных учреждений.

Минимальные правила не имеют целью подробное описание образцовой системы пенитенциарных уч-

реждений, а предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений мировой мысли и с учетом основных элементов систем, наиболее удовлетворительных в настоящее время, изложить то, что считается правильным с принципиальных и практических точек зрения.

За годы существования минимальные правила изменялись, дорабатывались, но при этом их основная идея, направленная на защиту прав человека, находящегося в заключении, оставалась неизменной.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными содержатся некоторые из правил содержания несовершеннолетних в исправительных учреждениях. Это касается помещений, в которых их следует содержать, оборудования этих помещений, спальных принадлежностей, одежды, рассмотрения жалоб и заявлений, контактов с внешним миром, питания, медицинского обслуживания, отправления религиозных обрядов, требований к персоналу и т. д.

В Процедурах эффективного выполнения минимальных стандартных правил обращения с заключенными¹³ определены различные меры, которые могут способствовать осуществлению минимальных правил. Это, например, включение правил в национальное законодательство, предоставление их в распоряжение персонала мест заключения и др.

Поскольку Минимальные стандартные правила были приняты достаточно давно, они нуждаются в уточнении и усовершенствовании. Именно с этой целью Советом Европы были приняты Европейские тюремные правила, содержанием которых являются пересмотренные, детализированные и адаптированные к современности основные положения Минимальных стандартных правил. Доминирующей идеей Европейских тюремных правил является человеколюбие, уважение человеческого достоинства, соблюдение прав человека. Поскольку правила относятся к местам заключения вообще, то эти требования следует учитывать и в деятельности учреждений для несовершеннолетних. От моральных и деловых качеств соответствующих должностных лиц зависит не только успех в решении профессиональных задач, но и, что не менее важно, защита основных прав человека. Важным документом в этой области является Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка¹⁴.

В резолюции о принятии кодекса отмечается, что характер функций по поддержанию правопорядка и то, каким образом они осуществляются, оказывает непосредственное воздействие на качество жизни отдельных людей и всего общества в целом. В резолюции отмечается, что при всей добросовестности и достоинстве, с которыми должностные лица выполняют свои обязанности, все-таки сохраняются возможности для злоупотреблений. В основе кодекса лежит мысль о том, что должностные лица, которые выполняют специальные функции, связанные с задержанием и принуждением, должны уважать и защищать права человека по отношению ко всем лицам. Кодекс запрещает применение пыток или совершение каких-либо актов, связанных с коррупцией, устанавливает ограничения для применения силы, предусматривает необходимость сохранения в тайне сведений конфиденциального характера и обеспечение полной охраны здоровья граждан.

Вопросы, связанные с ограничением применения силы и огнестрельного оружия, нашли отражение в Основных принципах применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка¹⁵. Здесь подчеркивается, что угроза жизни и безопасности должностных лиц по поддержанию правопорядка должна рассматриваться как угроза стабильности общества в целом. Учитывая, что Минимальные стандартные правила обращения с заключенными допускают применение силы и оружия, подчеркивается, что это должно осуществляться при надлежащем уважении прав человека.

В этом документе подробно регламентируется порядок применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, к которым относятся и сотрудники мест лишения свободы.

В принципах определены специальные положения, касающиеся применения огнестрельного оружия в случаях контроля за лицами, находящимися под стражей и в заключении. Особое внимание уделяется применению силы и огнестрельного оружия в качестве крайней меры, этическим вопросам в связи с этим, действиям должностных лиц по поддержанию правопорядка с учетом серьезности правонарушений и той законной цели, которая должна быть достигнута; соответствующей квалификации и подготовке должностных лиц в вопросах применения силы и огнестрельного оружия: консультированию в случаях стресса, испытываемого должностными лицами, которым в ходе осуществления должностных обязанностей приходится прибегать к силе или огнестрельному оружию; эффективным процедурам представления и разбора рапортов.

Основные положения названных документов следует учитывать и в деятельности персонала учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, поскольку эти учреждения являются составной частью всей системы исправительных учреждений. Вместе с тем и сами эти учреждения, и работа в них имеют свои особенности, что, безусловно, принимается во внимание и на международном уровне. Это находит отражение в документах, специально посвященных вопросам содержания несовершеннолетних правонарушителей и обращения с ними.

В Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)¹⁶, изложены приемлемые в международном плане минимальные правила обращения с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом. В правилах содержатся конкретные положения, касающиеся различных этапов правосудия в отношении несовершеннолетних. Часть пятая правил посвящена вопросам обращения с несовершеннолетними правонарушителями в исправительных учреждениях. Здесь обращается внимание на условия содержания несовершеннолетних, необходимость ограждения их от отрицательного влияния со стороны взрослых правонарушителей, должного внимания к женщинам-правонарушительницам, на применение Минимальных стандартных правил обращения с заключенными к несовершеннолетним, находящимся в заключении, в целях удовлетворения их нужд с учетом пола, возраста, особенностей личности.

Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних¹⁷ содержат стандарты по предупреждению преступности в данной среде. Руководящие принципы касаются периода, когда несовершеннолетние еще не вступают в конфликт с законом, но здесь содержатся положения принципиального характера, относящиеся к особенностям несовершеннолетних, которые необходимо учитывать и служащим исправительных учреждений. Это касается участия несовершеннолетних в социально полезной деятельности, формирования у подростков гуманистических взглядов на жизнь и общество, воспитания на принципах, не допускающих преступную деятельность.

В Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы¹⁸, содержатся конкретные положения, которые применяются ко всем несовершеннолетним, находящимся в исправительных и других учреждениях.

Цель правил состоит в том, чтобы установить минимальные стандарты, принятые ООН для защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, в соответствии с правами человека и основными свободами и противодействовать неблагоприятным последствиям всех видов заключения. Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, предназначены служить в качестве справочных норм и обеспечивать поддержку и руководство для специалистов, занимающихся управлением исправительными учреждениями для несовершеннолетних и служащих в них. В правилах излагаются специальные положения, охватывающие различные аспекты пребывания в учреждениях, такие как, например, условия содержания, образования, медицинского обслуживания, контактов с внешним миром и др.

Международные правила обращения с несовершеннолетними правонарушителями в исправительных заведениях

Основополагающие правила, которыми следует руководствоваться при исполнении наказания в отношении несовершеннолетних, содержатся в целом ряде документов: Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах¹⁹, Конвенции о правах ребенка и других международных документах, касающихся прав и благосостояния молодежи.

Основная идея этих документов заключается в том, что каждому лишенному свободы ребенку должно быть гарантировано гуманное, уважительное отношение. Все дети, совершившие правонарушение и отбывающие за это наказание, равны в своих правах, которые провозглашены Всеобщей декларацией прав человека и являются неотъемлемыми, за исключением ограничений, которые обусловлены фактом лишения свободы. Это положение отражено в Международном пакте о гражданских и политических правах, где отмечается, что все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.

В этом же документе, а также в Конвенции о правах ребенка определяется цель, которую должны преследовать как исправительные заведения, так и их служащие. Эта цель заключается в исправлении и

социальном перевоспитании, что способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других. При этом должен учитываться возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции в жизнь общества.

Эти основополагающие правила нашли отражение в целом ряде специальных документов ООН, в той или иной степени затрагивающих важный и актуальный вопрос об обращении с правонарушителями в исправительных заведениях. К числу этих документов относятся: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Основные принципы обращения с заключенными, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, и др.

Необходимо подчеркнуть, что все они пронизаны духом гуманизма, стремлением прививать сотрудникам исправительных учреждений чувство педагогического такта, индивидуального подхода к каждому осужденному, справедливости и заинтересованности в его судьбе.

В Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, отмечается, что лишение свободы несовершеннолетних должно осуществляться в условиях и обстоятельствах, обеспечивающих соблюдение прав человека. Следует гарантировать осуществление в интересах несовершеннолетних, содержащихся в исправительных учреждениях, эффективных мероприятий и программ, которые послужили бы поддержке их здоровья и самоуважения, воспитанию у них чувства ответственности и поощрению формирования таких взглядов и навыков, которые помогли бы им развивать свои возможности в качестве членов общины.

Как следует из Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, персонал должен стремиться прививать своим подопечным желание подчиняться законам и самостоятельно обеспечивать себе существование в будущем, после освобождения. Основные принципы обращения с заключенными продолжают и обогащают это положение. В них также подчеркивается, что в отношениях с заключенными необходимо должным образом уважать и ценить их человеческое достоинство и относиться к ним без какой-либо дискриминации. Очень важным является положение о том, что, если не считать необходимых ограничений свободы передвижения, все заключенные пользуются правами человека и основными свободами, провозглашенными в общепризнанных международных документах. Очень важно осознать и понять, что сколь бы важным ни был представитель администрации или чин любого государственного органа, ведомства, он не может, не должен, не имеет права выходить за рамки ограничений и требований, установленных законом для лиц, исполняющих наказание и его отбывающих.

Для определения правильной линии поведения персонала в исправительных заведениях и осознания должностной и личной роли важное значение имеет положение, закрепленное в Пекинских прави-

лах, где отмечается, что целью воспитательной работы с несовершеннолетними, содержащимися в исправительных учреждениях, является обеспечение опеки, защиты, образования и профессиональной подготовки в интересах оказания им помощи для выполнения социально полезной и плодотворной роли в обществе.

Из этого следует, что положение служащих в учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей обязывает не просто исполнять требования закона в связи с лишением свободы, но и заботиться об охране и защите прав и свобод несовершеннолетних, принимать должные меры к подготовке их к самостоятельной жизни, прививать лучшие нравственные качества, отвращать от правонарушающего поведения.

Известно, что в колонии оказываются подростки, совершившие тяжкие преступления. И тем не менее сотрудники не должны воспринимать своих подопечных в первую очередь как правонарушителей. За основу здесь необходимо принять одно из положений Эр-Риядских руководящих принципов, в котором отмечается, что определение молодого человека как нарушителя, правонарушителя во многих случаях способствует развитию устойчивого стереотипа нежелательного поведения у молодых людей. Таким образом, при обращении с несовершеннолетним, находящимся в колонии, как с правонарушителем, преступником есть риск невольного закрепления стереотипа правонарушающего поведения. На это обстоятельство еще в прошлом веке настойчиво обращал внимание знаток детей-правонарушителей, наш соотечественник Дмитрий Андреевич Дриль.

Принимая во внимание это положение, следует быть очень осторожными и в отношении к тем подросткам, которые допускают нарушения установленных правил в самом учреждении, с тем чтобы не формировать в них устойчивого негативного поведения.

Эр-Риядские руководящие принципы рекомендуют учитывать то обстоятельство, что поступки молодых людей или поведение, которое не соответствует общим социальным нормам и ценностям, во многих случаях связаны с процессом взросления и роста и что, как правило, по мере взросления поведение большинства самопроизвольно изменяется.

Предмет особого разговора — дети-инвалиды и умственно отсталые. Они есть в колониях, они доставляют немало хлопот, а их жизнь здесь наполнена унижениями, насмешками, издевательствами. Порой не только со стороны осужденных.

Непосредственно в тех документах, которые регламентируют обращение с заключенными, ничего не говорится именно об этих категориях осужденных. Однако имеются специальные документы ООН, которые позволяют определить правила обращения с умственно отсталыми и инвалидами, отбывающими наказание в колониях.

Так, например, в Декларации о правах умственно отсталых лиц (1971 г.)²⁰ подчеркивается, что умственно отсталым лицам необходимо оказывать помощь в развитии способностей, содействовать по мере возможности включению в обычную жизнь общества. Умственно отсталое лицо имеет те же права, что и

все люди, следовательно, ему должны быть созданы условия для образования, занятия трудом или каким-либо полезным делом. Такие дети должны быть защищены от эксплуатации, злоупотреблений и унижительного обращения. Нет никаких оснований к тому, чтобы персоналу колоний не принимать во внимание указанные положения.

В другом документе — Декларации о правах инвалидов²¹ — дается понятие инвалида и излагаются правила обращения с ним. «Инвалид — это лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его физических или умственных способностей» (п. 1). Как отмечается в Декларации о правах инвалидов, они обладают всеми правами человека без каких-либо ограничений (за исключением ограничений, устанавливаемых по закону для умственно отсталых лиц) и независимо от медицинских показаний.

Нужды инвалидов должны приниматься во внимание, необходимо создавать условия для их образования и занятий трудовой деятельностью.

Инвалиды должны быть защищены от какой бы то ни было эксплуатации, любых видов ограничений и обращения, носящих дискриминационный, оскорбительный или унижающий характер.

Хотя в указанных документах не говорится о положении таких людей в местах заключения, руководствуясь общими принципами, изложенными в Минимальных стандартных правилах, Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, а также в Конвенции о правах ребенка и Всеобщей декларации прав человека, следует сделать вывод о том, что персоналу учреждений следует проявлять должную заботу о таких осужденных и внимание к ним.

Нельзя не обратить внимания на то, что во всех документах звучит мысль об охране человеческого достоинства несовершеннолетних, об их защите. В документах подчеркивается, что обращение персонала с осужденными должно укреплять в них чувство собственного достоинства и сознание собственной ответственности. Как свидетельствует отечественный и международный опыт давнего прошлого, именно чувство собственного достоинства является тем стержнем, на котором держатся все позитивные изменения личности. В самом деле, невозможно побудить человека к лучшему путем его унижения, оскорбления достоинства. Именно поэтому международное сообщество так много уделяет внимания вопросам влияния персонала колоний на укрепление чувства собственного достоинства в питомцах. Когда-то Иван Сергеевич Тургенев, посетив однажды колонию для малолетних преступников, которой руководил талантливый педагог Александр Яковлевич Герд, быстро понял, в чем же суть. Об этом он писал в письме к Полине Виардо: «Тайная сторона всего этого дела — желание пустить в ход дружину человеческого самоуважения, самолюбия, если хотите, которая никогда не бывает окончательно сломана, как бы ни пал человек»²².

Это уважение к достоинству человека и должно лежать в основе обращения с несовершеннолетними, находящимися в колонии.

Часто при встречах с сотрудниками колоний приходится слышать, в особенности от молодых, неопытных сотрудников, недовольство тем, что, вот, дескать, многовато у нас в колониях гуманизма. Все на стороне осужденных, а вот сотрудники несправны и бессильны. И если бы их (осужденных) «зажать» как следует, тогда порядка было бы больше.

Хочу подчеркнуть, что такое утверждение и в принципе, и по существу неверно, и даже опасно. Объясню почему. Как выясняется, «зажать» означает «не кормить их три раза, а посадить на хлеб и воду», «укладывать не на белые простыни, а на солому» и «ходят пусть босиком» и т. п. — «тогда они как шелковые станут». Как свидетельствует история, такие попытки имели место. И там, где заключенные «спали на соломе и ходили босиком», дело всегда заканчивалось одним и тем же: бунтами, в ходе которых колонии разносились в щепки или превращались в пепел, а сотрудники не все оставались в живых. Так было в конце XIX в. в Нижегородской, Ташкентской колониях, Ярославском, Московском (Рукавишниковском), Одесском приютах. Так было и в совсем недавнем прошлом в Черемховской, Икшанской, Арзамасской и других колониях. Дело в том, что попытки «зажать» на самом деле означают ущемление в правах, которые являются общечеловеческими. Именно поэтому в правилах закрепляются положения о том, что заключенные должны быть обеспечены всем необходимым без каких-либо ограничений.

Неверно и утверждение, что сотрудники несправны и бессильны. Так, правилами допускается применение мер дисциплинарного взыскания и даже применение насилия к осужденным в случае самозащиты, попыток к бегству, неповиновения. Очевидно, что права сотрудников достаточно велики, но не безграничны. Эти границы установлены законом.

Генеральная Ассамблея ООН подчеркивает, что в результате лишения свободы несовершеннолетние становятся крайне уязвимыми для злоупотреблений, виктимизации и нарушения их прав. Вследствие этого они нуждаются в особом внимании и защите, их права и благополучие должны гарантироваться в течение и после периода лишения свободы.

Молодым женщинам-правонарушителям, помещенным в исправительное учреждение, должно уделяться особое внимание с учетом их личных проблем и нужд.

Условия содержания несовершеннолетних в исправительных заведениях

Основными документами, в которых изложены правила, касающиеся условий содержания несовершеннолетних, являются Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Европейские тюремные правила, Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), ключевая идея которых заключается в том, что несовершеннолетним в исправительных учреждениях должен быть обеспечен уход, защита и вся необходимая помощь — социальная, психологическая, медицинская, физическая, а также помощь в области образования и профессиональной подготовки, которые

им могут потребоваться с учетом их возраста, пола и личности, а также интересов их полноценного развития. Условия содержания несовершеннолетних в исправительных заведениях очень важны для сохранения здоровья, достоинства и обеспечения безопасности.

В этих документах обращается внимание на необходимость строгого учета всех несовершеннолетних, которые прибывают в учреждение. Администрации предписывается позаботиться о том, чтобы уведомить родителей или опекунов о месте нахождения несовершеннолетнего.

Прибывшие в учреждение должны быть ознакомлены с правилами поведения и правилами внутреннего распорядка. В случае, если прибывший несовершеннолетний окажется неграмотным, ознакомление с правилами осуществляется в такой форме, которая обеспечивает понимание сути.

В возможно короткий срок следует обеспечить первичное знакомство с несовершеннолетним, чтобы получить необходимую информацию, которая позволяет определить наиболее подходящее место его учебы, труда, обитания.

Условия, в которых находятся несовершеннолетние, должны отвечать требованиям санитарии, гигиены и уважения достоинства человека. Для несовершеннолетних очень важно, чтобы помещения, в которых они находятся, были светлыми, хорошо проветриваемыми и достаточными по площади. Несовершеннолетние должны иметь возможность для занятий, соответствующих возрасту.

Во время сна обеспечивается регулярное наблюдение за всеми спальными помещениями.

Необходимо требовать, чтобы несовершеннолетние следили за чистотой своего тела, одежды и обуви. Для этого следует создавать соответствующие санитарно-гигиенические и бытовые условия. Это означает, что санитарные узлы должны быть в таком состоянии и в таком качестве, чтобы каждый из подростков мог удовлетворить свои естественные потребности, когда ему это необходимо, в условиях чистоты и пристойности.

В учреждении должно быть достаточное количество душевых и банных мест, чтобы каждый из осужденных мог ими воспользоваться сообразно с климатическими условиями и требованиями гигиены. Все места общего пользования должны содержаться в чистоте и порядке. Персоналу необходимо следить за исправностью помещений и сантехники и за тем, чтобы там поддерживались порядок и чистота.

Каждый из обитателей учреждения должен иметь отдельную койку и индивидуальные постельные принадлежности, регулярно обменивающиеся на чистые.

Необходимо следить, чтобы одежда, которую они носят, была в порядке, чистой и имела надлежащий вид. Если заключенные не носят своей собственной одежды, то они должны обеспечиваться комплектом одежды, соответствующей климатическим условиям. В учреждении должны быть созданы условия для стирки и сушки своей одежды.

Пища, которую получают несовершеннолетние, должна быть достаточно питательна для поддержания здоровья и сил, хорошо приготовлена и подана. Прием пищи осуществляется в часы, отведенные для этого правилами внутреннего распорядка. Питьевую воду следует предоставлять без ограничений в любое время.

В Европейских тюремных правилах отмечается, что пища должна готовиться с учетом возраста, состояния здоровья осужденных и, по возможности, религиозных или культурных особенностей.

Учреждениям необходимо создать условия для получения или продолжения образования. В документах подчеркивается, что обучение должны вести квалифицированные преподаватели. Оно должно осуществляться по программам, соответствующим тем, которые имеются в образовательной системе страны. Особое внимание полагается уделять образованию несовершеннолетних иностранцев и имеющих особые культурные или этнические потребности. Документы об образовании, которые выдаются в учреждении, не должны содержать сведений о самом учреждении.

Образование несовершеннолетних в исправительном учреждении не должно отступать от требований, изложенных в Конвенции о правах ребенка, которая определяет, что образование должно быть направлено на развитие личности, талантов и умственных способностей в их самом полном объеме, воспитание уважения к правам и основным свободам; воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и национальным ценностям страны, в которой он проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от собственной; подготовку к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, терпимости, равноправия мужчин и женщин и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами, а также лицами из числа коренного населения; воспитание уважения к окружающей природе.

Необходимо отметить, что в рассматриваемых документах подчеркивается роль и важное значение библиотек в развитии несовершеннолетних.

Для будущей жизни несовершеннолетнему надо иметь специальность, которая может дать ему возможность самостоятельно обеспечивать себя. Учреждение должно позаботиться о том, чтобы несовершеннолетний мог получить такую специальность.

В учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей необходимо должным образом организовать их трудовую деятельность, с соблюдением всех норм по охране труда. Занятие трудом должно быть ориентировано на подготовку к нормальной трудовой деятельности после выхода из учреждения.

В Европейских тюремных правилах указывается, что работу необходимо рассматривать как положительный элемент в процессе перевоспитания и обучения.

Труд несовершеннолетних должен оплачиваться, при этом часть заработка несовершеннолетнему следует вручать при освобождении, другую часть осужденный может расходовать по своему усмотрению.

нию: на приобретение товаров для себя, возмещение ущерба, который причинен совершенным им правонарушением, оказание помощи семье.

Отдых несовершеннолетних следует должным образом организовать с учетом необходимости физического развития подростков, для чего следует располагать площадями и оборудованием. Подросткам должно предоставлять время для занятий творчеством и ремеслами. Во внимании и медицинском надзоре нуждаются несовершеннолетние, которым показаны занятия лечебной физкультурой.

В учреждении не должно быть препятствий для отправления религиозных обрядов в соответствии с правилами своей веры.

Персоналу учреждения следует быть внимательным к состоянию здоровья несовершеннолетних и при наличии оснований полагать, что кто-то из них нездоров, при жалобах на плохое самочувствие необходимо позаботиться о том, чтобы медицинская помощь была оказана специалистом как можно быстрее.

Международные правила требуют, чтобы медицинское обслуживание обеспечивалось квалифицированным медицинским персоналом. Медицинским работникам предписывается быть внимательными к жалобам или проявлению симптомов заболевания с тем, чтобы своевременно принять необходимые меры. В обязанности медицинских работников входит контроль за приготовлением пищи, санитарно-гигиеническими условиями в учреждении.

В документах подчеркивается важность для несовершеннолетнего поддержания им социально полезных связей с внешним миром. Для этого рекомендуется общение с семьями, друзьями, имеющими надежную репутацию. Поддержанию связи с окружающим миром могут служить переписка и телефонные переговоры.

Международными нормами устанавливаются ограничения для применения силы, однако если к ней приходится прибегать в качестве единственного и последнего средства обеспечения безопасности, то это не должно носить характера унижения или глумления над несовершеннолетними. Это требование согласуется с положениями других международных документов против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство человека видов обращения и наказания.

Соответственно запрещается применение любых дисциплинарных мер жестокого, негуманного характера или унижающих достоинство. Нарушитель дисциплины не должен наказываться более одного раза за один и тот же проступок, коллективные наказания считаются недопустимыми. По каждому случаю нарушения установленных в учреждении правил несовершеннолетний должен иметь возможность дать объяснения.

Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей подлежат периодическому инспектированию, а жалобы — соответствующей проверке.

В Европейских тюремных правилах, как, впрочем, и в других документах, подчеркивается, что подго-

товка к освобождению должна осуществляться таким образом, чтобы уменьшить вероятность совершения освобождаемыми новых преступлений в будущем.

Международными правилами рекомендуется осуществлять необходимые мероприятия по подготовке несовершеннолетних к освобождению.

Очевидно, что основные положения, изложенные в международных документах, носят общий характер, но они находят детальное развитие в национальном законодательстве.

Необходимо подчеркнуть, что основная идея рассматриваемых документов заключается в том, что права ребенка на его нормальное развитие, образование, труд, гуманное обращение и т. д. должны быть реализованы независимо от того, что он осужден и пребывает вне семьи. Как отмечается в Конвенции о правах ребенка, он должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе и воспитан в духе идеалов, провозглашенных ООН, особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности. Воспитание подростка в таком духе невозможно в условиях жестокости, унижений и бесчеловечности. Поэтому все положения документов пронизаны духом гуманизма, к которому призываются и служащие исправительных учреждений.

Требования к персоналу

Давно известно, что никакая самая совершенная система исправительных учреждений, никакие самые подробные и лучшие правила не будут иметь силы при слабо подготовленном и посредственном персонале служащих. И наоборот, многие просчеты и недостатки как всей системы, так и отдельных инструкторов и правил сглаживаются при хорошо подобранном и компетентном составе служащих.

Цели наказания, определенные законом, могут быть достигнуты лишь при одном необходимом условии: в учреждении должен быть хорошо организованный, сплоченный, ясно понимающий свои обязанности и человеколюбивый персонал.

Не случайно поэтому в международных документах обращается внимание на тщательный подбор персонала, формулируются требования к личности и профессиональной подготовке служащих. В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, подчеркивается, что служащие должны иметь соответствующую профессиональную подготовку, которая позволяла бы им эффективно выполнять свои обязанности. В документах указывается на необходимость иметь познания в области детской психологии, знать положения международных норм в области прав человека и ребенка, в области обращения с несовершеннолетними, находящимися в заключении.

Правила предписывают сотрудникам постоянно поддерживать и повышать свою квалификацию, ибо любые нормы как таковые не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица.

Из указанных документов следует, что служащие должны быть людьми высоконравственными, которых отличают такие качества, как честность, гуманизм, добросовестность, личная пригодность к работе и полная компетентность. Из совокупности всех этих качеств образуется авторитет, без которого невозможно положительное влияние на несовершеннолетних. Для успешного выполнения своей работы служащим необходима убежденность в ее важности и значимости. При всей сложности, трудности, внешней непривлекательности работы в колониях их персоналу следует подняться до уровня осознания государственной важности своего предназначения и ответственности перед обществом за результаты своей деятельности.

Очевидно, что слова, сказанные Яном Амосом Коменским несколько веков назад, не только не утрачивают своей актуальности, но приобретают новую силу и значение. Он подчеркивал, что наставники должны быть достойные, совершенно бесспорные в глазах людей, серьезные, все делающие с благожелательной строгостью, усердные, никогда не тяготящиеся своими обязанностями и не стыдящиеся их, неустанные в труде, наконец, благородные²³.

Общепризнанным является положение о том, что в деле воспитания нет ничего важнее личного примера. В условиях ограничения в общении, передвижении, составляющих суть заключения, пример сотрудников учреждения приобретает важное значение. В правилах на это обращено особое внимание. Там подчеркивается, что все сотрудники мест заключения должны вести себя и выполнять свои обязанности так, чтобы служить примером для заключенных и завоевать их уважение.

Все сотрудники должны работать согласованно, во взаимном понимании и помогая друг другу. Это условие благоприятствует эффективному выполнению возложенных на них обязанностей.

Исходя из необходимости подчеркнуть и особую важность, и особую ответственность должностных лиц по поддержанию правопорядка, ООН в 1979 г. принимает Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Как следует из руководящих принципов, для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка понятию должностные лица по поддержанию правопорядка придается как можно более широкое толкование. Следовательно, к должностным лицам следует относить и персонал мест заключения, в том числе и для несовершеннолетних, в соответствии с нашим национальным законодательством — воспитательных колоний.

В кодексе подчеркивается, что «при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам» (ст. 2). Это означает, что каждому сотруднику колонии необходимо осознать свою роль и свое предназначение, которые не сводятся лишь к выполнению определенной функции в обеспечении исполнения наказания. При всем этом каждый сотрудник призван защищать права каждого человека и всех осужденных.

Особый род деятельности сотрудников делает для них доступными многие сведения о личной жизни

осужденных, их родственников, других сотрудников. Кодекс предписывает с осторожностью относиться к такой информации и сохранять ее в тайне во всех случаях, за исключением интересов службы или правосудия.

В кодексе, как и в Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, обращается внимание на недопустимость актов коррупции или иного злоупотребления предоставленной им властью. Как следует из кодекса, «любой акт коррупции, как и любое другое злоупотребление властью, несовместимы со служебным статусом должностного лица» (ст. 7). Более того, они являются чрезвычайно вредными и опасными, поскольку подрывают авторитет государственной власти, вследствие чего «правительства не могут ожидать от граждан соблюдения ими правопорядка, если они, правительства, не могут или не хотят обеспечивать соблюдения законности самими должностными лицами»²⁴.

Все без исключения международные документы, относящиеся к интересующей нас проблеме, проповедуют идеи гуманизма. Международное сообщество стремится таким образом проводить в жизнь человеколюбие и взаимопонимание, брать под защиту тех, кто может быть ущемлен в своих правах или беззащитен и слаб, сдерживать наделенной силой и властью. Провозгласив во Всеобщей декларации прав человека, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающим достоинство обращению и наказанию», ООН проводит эту идею в Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Отражает ее и Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, где подчеркивается, что «ни одно должностное лицо не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» (ст. 5). Такие действия не могут быть оправданы ни распоряжением начальников, ни какими бы то ни было чрезвычайными обстоятельствами.

Кодекс требует от всех должностных лиц усвоения простого и непреложного правила: жестокое, бесчеловечное, унижающее достоинство человека обращение, в какой бы форме оно ни проявлялось, запрещено.

Желанием повысить эффективность борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных, унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания объясняется принятие других документов: Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания²⁵.

В конвенции дано понятие пытки, под которой понимается «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действия, которые совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье

лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иными лицами, выступающими в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включается боль или страдание, которые возникают лишь в результате законного лишения свободы или иных ограничений, основанных на законе» (ст. 1).

В Декларации о защите всех лиц от пыток отмечается, что любое из указанных действий должно быть оценено вполне определенно: «Любое действие, представляющее собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, является оскорблением человеческого достоинства и должно быть осуждено как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека» (ст. 2).

Как в декларации, так и в Конвенции против пыток указывается, что все акты пыток, как и «участие в них, соучастие в них, подстрекательство или намерение подвергнуть пытке», не могут рассматриваться иначе, как преступление, в соответствии с действующим уголовным законодательством. В документах подчеркивается, что независимо от того, имеется официальная жалоба или таковой нет, «каждый раз, когда есть разумные основания полагать, что пытка или другое жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание имели место, компетентные органы должны немедленно начать беспристрастное расследование. Если будет установлено, что пытка имела место, против нарушителя возбуждается уголовное дело или дисциплинарное или иное преследование» (ст. 9).

В указанных документах особое внимание обращается на готовность персонала к обращению с осужденными без применения пыток и унижения их достоинства, на принципах гуманизма и уважения личности. Этому вопросу посвящена ст. 5 Декларации против пыток. В ней отмечается, что «подготовка персонала, стоящего на страже соблюдения закона, и подготовка других официальных лиц, которые могут нести ответственность за лиц, лишенных свободы, должна обеспечивать такое положение, при котором полностью учитывалось бы запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Это запрещение должно также быть включено в такие общие правила и уставы, которые касаются обязанностей и функций каждого, кто может иметь дело с содержанием под стражей таких лиц или обращением с ними». Являясь логическим продолжением указанной декларации, Конвенция против пыток закрепляет положение о необходимости постоянного изучения персоналом материалов, относящихся к данному вопросу. В конвенции, в частности, отмечается, что необходимо, «чтобы учебные материалы и информация относительно запрещения пыток в полной мере включались в программы подготовки персонала правоприменительных органов, гражданского или военного, медицинского персонала, государственных должностных лиц и других лиц, которые могут иметь отношение к содержанию под стражей и допросам лиц, подвергнутых любой форме ареста, задержания или тюремного заключения или обращению с ними» (ст. 10). И если пытка недопустима в принципе, то нет

нужды обращать внимание, что тем более она недопустима по отношению к ребенку, каковым, в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, является несовершеннолетний осужденный.

Безусловно, в деятельности персонала воспитательных колоний не может иметь места жестокость, бесчеловечность и унижение человеческого достоинства. Это положение прямо вытекает из всех рассматриваемых документов.

Анализ документов показывает, что в них особо рассматриваются требования к медицинским работникам. Это легко объяснить тем общим предназначением медиков, которое заключается во врачевании душевных и телесных страданий. Но в условиях лишения свободы, отсутствия вблизи родственников, большого количества ограничений и минимальности самостоятельности медицинский работник воспринимается многими осужденными, а несовершеннолетними в особенности, как воплощение сострадания, человеколюбия, понимания и готовности помочь. Надо быть справедливыми и отдать должное всем медикам, работающим в колониях, — они проявляют и мужество, и терпение и во многом оправдывают ожидания осужденных, облегчая их боль, залечивая раны, возвращая по капле утраченное в неразумной жизни здоровье.

Именно поэтому, как предписывают международные документы, врачи должны не допускать бесчеловечного и жестокого обращения с осужденными. В документах содержится предостережение о недопустимости иных отношений с осужденными, кроме профессиональных. Перед врачами ставится задача охраны физического и психического здоровья осужденных, их лечения на таком же уровне и такого же качества, как и любого человека. Для медицинского работника является недопустимым любое насилие, за исключением случаев, когда создается угроза здоровью или безопасности самого осужденного. Все эти положения изложены в Принципах медицинской этики, относящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания²⁶, которые дополняют Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Эти документы в совокупности с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными предусматривают повышение ответственности работников здравоохранения за жизнь и здоровье заключенных. Как следует из этих документов, медицинский персонал при любой ситуации не имеет права поощрять или не замечать применения пыток или других видов бесчеловечного и жестокого обращения или принимать в них участие; он не должен присутствовать во время такого обращения. Врач несет полную медицинскую ответственность за заключенного, и только врач может определить режим существования заключенного в учреждении.

Очевидно, что все документы направлены на формирование у персонала умения правильно пользоваться предоставленной властью, чувства ответственности, гуманизма и справедливости.

Сегодняшние идеи гуманизма по отношению к осужденным, в особенности несовершеннолетним,

не принадлежат ни конкретному человеку, ни конкретной стране. Они принадлежат человечеству, поскольку в них слились многовековые боль и страдание, несправедливость и непонимание, излишние репрессии и бесчеловечность пенитенциарных учреждений всех стран и всех континентов. И поскольку мы, современники, живем между прошлым и будущим, то на нас лежит ответственность перед предками и потомками за собственный вклад в воплощение в жизнь, в практику каждого дня всеобщих идей прав человека.

Хочу подчеркнуть, что я не идеализирую опыт прошлых времен. Всем известно, что в тот период, к которому относится зарождение международного сотрудничества, и долго после него несовершеннолетние все еще оставались в тюрьмах вместе со взрослыми, что труд детей был непосильным для них, что телесные наказания еще долго применялись, что служащие исправительных заведений злоупотребляли своим положением и часто своим поведением возвращали воспитанников. Но здесь не ставилось цели в очередной раз заклеить «проклятое прошлое и его карательную систему» и присоединиться к многоголосому хору обвинителей. Памятуя о том, что никакой период жизни не может быть только отрицательным или только положительным, ставилась задача показать истоки гуманистических идей, их устойчивость и развитие. И то, что они, несмотря ни на какие сложности, трудности применения, не утрачиваются, а лишь кристаллизуются, приобретают от эпохи к эпохе новое содержание, свидетельствует об их закономерности и неизбежности. А значит, этим идеям противиться бессмысленно, и усилия всех и каждого, имеющего отношение к осужденным, должны направляться на осознание, понимание и усвоение сути того, что выработано многолетними коллективными усилиями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Фойницкий И. Я. Пенитенциарный конгресс в Риме // Вестник Европы. 1886. № 3.

² См.: Люблинский П. И. Международные пенитенциарные конгрессы. Международные съезды уголовного права за 10 лет. Пг., 1915.

³ В XIX в. криминалистами назывались все, кто занимался вопросами преступления и наказания.

⁴ См., напр.: Люблинский П. И. Брюссельский международный конгресс криминалистов // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 9.

⁵ См.: Международный Союз криминалистов, Русская группа. СПб., 1902.

⁶ См.: Международные конгрессы патроната // Тюремный вестник. 1905. № 10.

⁷ См.: Герцензон А. К организации Международного союза криминалистов // Административный вестник. 1925. № 11; Утевский Б. IX Международный тюремный конгресс // Право и жизнь. 1926. № 2–3.

⁸ См.: Бородин С. В., Ляхов С. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983.

⁹ См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.

¹⁰ См.: Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998.

¹¹ См.: Сборник СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М., 1989. С. 461–462, 478–479, 575–578.

¹² См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия. С. 102–119.

¹³ См.: Там же. С. 120–124.

¹⁴ См.: Там же. С. 158–160.

¹⁵ См.: Там же. С. 163–170.

¹⁶ См.: Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. С. 51–87.

¹⁷ См.: Там же. С. 86–102.

¹⁸ См.: Там же. С. 103–128.

¹⁹ См.: Международная защита прав и свобод человека. М., 1990.

²⁰ См.: СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М., 1989. С. 461–462.

²¹ См.: Там же. С. 478–479.

²² Цит. по: Зильберштейн И. Человек поистине замечательный... // Литературная газета. 1974. № 6.

²³ См.: Коменский Я. А. Избр. пед. соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 155–156, 422–423.

²⁴ Комментарий к ст. 7.

²⁵ См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия. М., 1992.

²⁶ См.: Сборник стандартов ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. М., 1992. С. 317–318.

О применении смертной казни

Е. П. ИЩЕНКО — заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Вопрос о взаимоотношениях власти и человека, государства и личности, публичного и частного издавна занимает одно из центральных мест в различных доктринах и учениях. Очень актуально он звучит применительно к такой лимитирующей права и свободы гражданина мере государственного принуждения, как уголовное наказание, особенно к его наиболее строгой разновидности — смертной казни, выделяющейся своими исключительными последствиями для человека, преступившего все мыслимые и немыслимые пределы жестокости. Еще в 1875 г. А. Ф. Кистяковский в «Элементарном учебнике...» писал, что «ни один вопрос уголовного права не пользуется такой известностью и таким свойством привлекать к себе дух исследования, как смертная казнь»¹.

Иным способом, нежели через уголовное судопроизводство, уголовное наказание наложено быть не может. Поэтому, когда расчет на нравственные и психические качества преступника оказывается бесплодным, суд должен иметь возможность назначить наказание, лишаящее подсудимого физической возможности совершить новое преступление, ибо в противном случае тот продолжит свою криминальную деятельность.

В настоящее время отечественное уголовное законодательство, впитавшее в себя либеральные идеи этико-утилитарных теорий, предусматривает такие общие цели наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Думается, что исправление осужденного лица заключается в применении к нему мер принуждения в такой степени, чтобы оно утратило общественную опасность, осознало неправильность и нецелесообразность преступного поведения, убедилось в необходимости поведения правомерного, социально одобряемого. Это и будет свидетельствовать о достижении целей наказания на личностном уровне. Исправление осужденного реализуется не только посредством назначения наказания, адекватного совершенному преступлению и личности виновного, но и процессом исполнения наказания.

Если исправление осужденного возможно путем применения к нему более мягкого наказания, чем назначенное, или отменой его прежде истечения установленного срока, то суд вправе изменить качественные или количественные характеристики принудительных мер воздействия, например заменить уголовное наказание другим — более мягким, освободить виновного от отбывания наказания условно-досрочно и т. д. Инициатива в этом случае должна исходить от должностных лиц, имеющих возможность наблюдать осужденного если не ежедневно, то, по крайней мере, систематически. В частности, постановку вопроса об изменении количественных и качественных параметров наказания, отбываемого в местах лишения свободы, логично предоставить администрации учреждений ФСИН России.

Думается, что общая превенция наказания означает формирование в сознании граждан России образа должного поведения, убежденности в недопустимости совершения преступлений. Она призвана не только укоренить в общественном сознании модель должного правопослушного поведения, но и перспективой наказания удержать граждан от совершения уголовно наказуемых деяний. Одно только устрашение, не имеющее мощных союзников во влиянии на нравственность и психику неопределенного круга людей, предназначается для тех из них, у кого образ должного поведения и убежденность в недопустимости совершения преступлений еще не сформировались. Тогда наказание, чтобы действовать в общепредупредительном плане, должно быть действительно устрашающим. Самым устрашающим из наказаний является смертная казнь, ибо она отнимает у человека его основу — жизнь.

Частная превенция наказания предполагает применение к лицу, совершившему преступление, принудительного воздействия с тем, чтобы оно не смогло совершить новое преступление.

В ст. 20 Конституции Российской Федерации записано: «Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законодательством в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Необходимо подчеркнуть, что правомерность применения высшей меры наказания даже за особо тяжкие преступления давно стала одной из самых животрепещущих тем, обсуждаемых общественностью. Потрясающие по своей жестокости преступления вызывают бурный социальный резонанс, граждане

ждут от государства адекватного ответа на очередной вызов, брошенный правопорядку.

Дебаты по поводу сохранения в уголовном законе данного вида наказания продолжаются уже очень давно и прекратятся, по всей вероятности, не скоро. Проблему смертной казни можно назвать вечной. Ее острота возросла после того, как с февраля 1999 г. в России был введен мораторий на применение высшей меры наказания. Его действие порождает множество вопросов и вызывает неоднозначную оценку думающих представителей формирующегося в стране гражданского общества. Отменяя применение смертной казни, государство тем самым сохраняет жизнь опасному преступнику. Но при таком подходе оно как бы становится союзником преступника, поскольку не обеспечивает остальным гражданам страны безопасность, не гарантирует им право на жизнь. Число таких преступников год от года увеличивается.

Имея в виду вышеизложенное, рассмотрим доводы, позволяющие более объективно взглянуть на такие, казалось бы, традиционно незыблемые аргументы противников смертной казни, как противоречие данного вида наказания идеям прогресса и цивилизованности, христианскому вероучению, а также низкая превентивная роль исключительной меры наказания.

Жаркая полемика вокруг необходимости сохранения в уголовном законе исключительной меры наказания прекратится не скоро. Создается впечатление, что дебаты непримиримых оппонентов — сторонников и противников смертной казни — если ненадолго и затихают, то лишь для того, чтобы на следующем историческом витке разгореться с новой силой.

Действительно, что в плане вечности представляет из себя отдельно взятая человеческая жизнь — некую условность, мираж, «эпизодическое преддверие к потустороннему»? Смерти же, напротив, принадлежит главенствующая роль в организации мироздания. Человек приговаривается к ней уже в момент своего рождения: что бы он ни делал, на какие бы ухищрения ни шел, он постоянно движется в изначально заданном направлении, с каждым мгновением все ближе подступая к роковой черте, отделяющей бытие от небытия.

Все, к чему люди прикасаются, пронизано флюидами смерти. Вся окружающая нас действительность несет на себе печать предстоящего финала, неумолимо надвигающегося завершения земного существования. Все вокруг проникнуто идеей конечности всего и вся. Горы — и те превращаются в песок, моря высыхают... Как остроумно заметили философы-нео-конформисты, смерть — архитектор жизни. А посему стоит ли вообще спорить о смертной казни, не все ли равно, когда и каким образом лишится жизни тот или иной индивид? На планете Земля нас более 6 млрд...

Человек, четко осознавая факт временной ограниченности своего пребывания на этом свете, тем не менее живет и действует так, как если бы он был бессмертным. И в то же самое время он испытывает панический страх перед смертью. В отличие от животного человеку обычно кажется, что его земная жизнь наполнена смыслом. Может быть, это и так. Только вот каким?

В представлении любого индивида смертная казнь принципиально отличается от естественной смерти и, как правило, подвергает в ужас. И это при том, что естественная смерть почти всегда бывает мучительной, тогда как давно практикуются физически безболезненные способы смертной казни. Отсюда вывод, что, пока человек остается тем, что он из себя теперь представляет, споры о смертной казни будут чрезвычайно актуальны и важны как для специалистов, так и для простых обывателей.

В процессе многовековой полемики аргументы сторонников (консерваторов) и противников смертной казни (аболиционистов) в общих чертах остаются прежними. На этот факт обращают внимание многие авторы, не без основания констатируя, что практически все приводимые по данному вопросу «за» и «против» когда-то уже высказывались². Со временем аргументы сторон лишь модифицируются, становясь логически все более изощренными и отточенными, однако по своей природе остаются теми же. С чем же все-таки связана такая изначальная ограниченность полемических доводов, почему столь беден содержанием интеллектуальный маневр, предпринимаемый в границах феномена смертной казни?

Причина, как представляется, состоит в следующем: уже стого самого момента, когда правомерность смертной казни как наказания была впервые поставлена под сомнение, спор развивался (и развивается) совсем не в том русле. Иными словами, критика сути проблемы низведена сторонами до частных, отдельных ее сторон, да и то лишь в том ракурсе, который представляет интерес для аболиционистов. Объявив смертную казнь исключительно юридическим институтом и оспаривая целесообразность ее применения только в этом качестве, аболиционисты оставили за рамками дискуссии серьезное обсуждение вопросов социально-политического, религиозного, морально-го, историко-культурного плана.

Итогом же стало отстаивание такого тезиса: смертная казнь — это всего лишь вид наказания, а последнее ни в коей мере не может быть чем-то более значительным, нежели просто комплекс правовых ограничений, применяемых к преступникам. Далее с помощью более мелких тезисов доказывалось, что смертная казнь как вид наказания чересчур избыточна по своему репрессивному воздействию, негуманна, архаична, неэффективна, а значит, и вообще не нужна.

Аболиционисты постарались низвести обсуждение феномена на заведомо не соответствующий его масштабу уровень, а затем и вовсе «развенчать» и, надо сказать, преуспели в этом. Итогом явилась масштабная дискредитация самой идеи применения смертной казни³. В результате сложилась та парадоксальная ситуация, которую мы имеем сегодня. Вместо того чтобы прояснить вопрос, дискуссия запутывает его еще больше, двигаясь по замкнутому кругу не первое столетие.

Либерально ориентированные авторы, к которым относятся противники смертной казни, получили в последнее десятилетие XX в. контроль над рядом ключевых позиций в научной, публицистической, культурной и многих других сферах жизни нашего общества. Обладая, таким образом, монопольным правом подачи, интерпретации, тиражирования ин-

формации, касающейся смертной казни, и соответственно неограниченной инициативой в производстве и распространении таких сведений, аболиционисты получили подавляющее, тотальное преимущество над консерваторами, чем без зазрения совести пользуются.

Административными по своей сути методами они искореняют точки зрения, обосновывающие необходимость сохранения в уголовном законе высшей меры наказания, спешно и интенсивно заполняя образовавшийся при этом вакуум своими идеями. Так, на страницах новейшей учебной литературы все чаще встречается оценка смертной казни как «варварства», «дикости», «рудимента темных веков», «узаконенного убийства» и т. п. Мнения же признанных ученых, ратующих за ее сохранение и применение, серьезно не разбираются⁴.

Сопоставляя в одной из своих работ доводы *pro et contra*, С. В. Бородин, например, приводит такой перечень аргументов: «Зависимость между ростом преступности и отменой смертной казни не установлена; отмена смертной казни позволит избежать лишения жизни невиновных; никто не вправе распоряжаться чужой жизнью; смертная казнь противоречит христианским и нравственным нормам; пожизненное заключение обрекает преступника на муки больше, чем казнь единойжды; расходы на пожизненное заключение осужденных перекрываются их каторжным трудом; живой преступник — живой укор, его не будет — о преступлении забудут»⁵.

Ничего принципиально нового в этом перечне нет, все аргументы, повторюсь, уже давно известны, однако обращает на себя внимание манера подачи материала, расстановка акцентов, «мягкое» навязывание единственно верной (на взгляд автора) точки зрения. Тезисы *contra* сформулированы таким образом, что всякий аболиционист предстает перед читателем как просвещенный и здравомыслящий интеллектуал-прагматик. Совершенно иной имидж уготован консерватору. Перед глазами читателя непременно должен возникнуть архаически жестокий, малограмотный и люмпенизированный субъект, ибо именно так его и характеризуют приведенные автором доводы, предельно упрощенные и огрубленные. Судите сами.

Вместо тезиса об уникальности России как веками складывающейся культурно-исторической общности, имеющей специфический уклад, и недопустимости поэтому слепого копирования Запада в вопросах уголовной политики звучит развязное «Совет Европы нам не указ»; о парадоксальности положения, когда родственники жертвы как налогоплательщики фактически содержат пожизненно приговоренного убийцу, — циничное «стрелять дешевле, чем содержать преступника»; о слабости воспитательной роли и бесперспективности уголовного наказания в виде лишения свободы для отдельных категорий граждан — «горбатого могила исправит»⁶.

С учетом сказанного выше крайне важными представляются альтернативные доводы, обосновывающие необходимость применения смертной казни. Для этого нужно взглянуть на исследуемое явление гораздо шире, обратившись, в частности, к культурно-историческим истокам появления уголовного наказания.

Напомню, что меры социального принуждения без какого-либо изъятия или исключения уже давно монополизированы государственной властью, органы которой карали преступников за содеянное ущемлением либо отнятием любого из возможных человеческих благ — имущества, чести, свободы, здоровья и, наконец, жизни. Иными словами, в вопросах наказания возможности государственно-принудительного воздействия на виновного ничем не ограничивались. На этом постулате издавна базировалась уголовно-правовая политика, и он никем не оспаривался на протяжении многих веков.

Легитимность данного принципа была впервые поставлена под сомнение только в XVI–XVII вв., когда, по мнению некоторых мыслителей, наметился разрыв с прежней парадигмой миропонимания — как в сфере науки и искусства (Возрождение), так и в сфере религии (Реформация)⁷.

«Смертная казнь есть дикость, варварство, анахронизм; она противоречит идеям прогресса и цивилизованности», — утверждают аболиционисты. Но так ли это? В настоящее время слово «прогресс» воспринимается людьми как нечто настолько привычное, само собой разумеющееся, что попытка посмотреть на него под иным углом зрения расценивается как некая странность.

Идея прогресса, весьма распространенная в современном мире, не имеет, подчеркнем это, аналогов ни в одной духовной традиции. Более того, она им всем резко противоречит, ибо представляет собой нечто совершенно противоположное самой сути последних, а именно «обратный аналог однонаправленному времени теории деградации». Напомним, что буддизм, индуизм, ислам, иудаизм и христианство единодушно расценивают современность как предапокалиптические «последние времена». Поэтому объявить «пик регресса» современного мира его «эволюцией» со ссылкой на эти религии может только персонаж, символически называемый сатаной⁸.

Впрочем, идею движения человечества по пути прогресса можно опровергнуть и вполне светскими доводами. Технократы рисуют будущее исключительно в технических терминах, сводя развитие цивилизации к совершенствованию технологий, информационных систем и научных методик. Нетрудно заметить, что при таком логическом подходе одно явление подменяется другим: усовершенствование технических средств выдается за позитивное развитие человека и общества в целом. Прогресс технический отождествляется с прогрессом во всех сферах жизни индивида, в первую очередь — в моральной.

Однако так ли все обстоит в действительности? Есть ли основания утверждать, что с началом научно-технической революции люди твердо встали на путь духовного совершенствования, постепенно избавляясь от диких привычек и нравов, доставшихся им в наследство от «эпохи темных веков»?

О каком прогрессе в моральной сфере можно говорить, когда все пороки Содомы и Гоморры: алчность и лицемерие, ложь и вероломство, похоть и чревоугодие, насилие и убийство, жестокость и агрессивность, отсутствие жалости и милосердия — представлены в современном «высокотехнологичном» потребитель-

ском обществе самым широким спектром? Нет и еще раз нет.

Но суть даже не в этом. Главное, что современная цивилизация активно продуцирует и насаждает многие пороки, проповедуя ничем не оправданную терпимость к целому ряду социально-негативных явлений: наркомании, алкоголизму, сексуальным извращениям, тоталитарным сектам, преступному образу жизни... Видимо, неслучайно многие исследователи сравнивают современное «глобальное общество» (и его флагман — США) с гигантским «виртуальным Колизеем» поздней Римской империи, в котором с помощью СМИ отправляется культ зрелищ, потакающих самым темным, самым низменным сторонам человеческой природы⁹. А в результате почти 2 млн американцев находятся в тюрьмах, 4,5 млн отпущены на поруки или под залог. Напомним, что в 1980 г. количество узников в США составляло полмиллиона человек и с тех пор, как видим, многократно возросло. Сегодня в США 6 млн наркоманов¹⁰.

При этом «публика Колизея», население страны, искренне симпатизирует подчас откровенно провокационному и аморальному творчеству «модных» деятелей масс-культуры, рукоплещет спортсменам — «машинам для убийств», буквально грызущим своих соперников на ринге, приходит в восторг во время трансляции в режиме реального времени бомбардировок объектов жизнеобеспечения и жилых домов на Балканах или в Ираке. И творится это не только на Западе.

Депутат Госдумы РФ Н. Павлов предложил «сделать профессиональный мониторинг и анализ телепрограмм, идущих в прайм-тайм на всех основных федеральных каналах». Он озабочен тем, что «с помощью телевидения идут сознательная быдлизация и оскотинивание нашего населения». Депутат провел скромный анализ и увидел, «что так называемые премьеры... ничего, кроме убийств, насилия и разврата, не несут!» Это его мнение было опубликовано в начале ноября 2007 г. в «Парламентской газете».

И он не одинок в своей обеспокоенности, ибо на государственном уровне идет проповедь «золотого тельца». Нравственность не поддерживается ни на йоту. Сравните эфирное время, занимаемое разными сериалами, рекламой, ток-шоу и прочими передачами, проводящими одну мысль «бери от жизни все», с эфирным временем, посвященным формированию нравственности, и вы увидите наمشку над здоровым смыслом. Сегодня всякого рода проституция, блуд духа возводятся в ранг достоинства. Этой пропаганде дают лучшее время эфира!..

СМИ стали оружием массового поражения. «Телевизор точно так же расстреливает сознание простого человека, как вчера пушки расстреливали города... Оба варианта бомбардировки ведут к разрушению и хаосу. В одном случае дымились руины городов, в другом дымятся руины сознания. Верхом цинизма является то, что оболванивание народа происходит за счет... народа, который оплачивает свою дебилизацию. С каждой новой порцией отравы он глупеет все больше, понимает все меньше и покупает оглуляющую продукцию все чаще. Технология достаточно проста. Посредством сюжета, спецэффектов, игры актеров и прочего основную мысль упаковывают в привлекательный «фантик». Упаковка призвана соб-

лазнить человека. Основная мысль вшита между строк, вплетена в поведение героя, в сюжет, в общую атмосферу произведения. Зрители никогда не догадываются, что их не развлекают, им дают модель поведения, преподносят образцы для подражания, формируют взгляд на мир»¹¹. И что-нибудь в этом смысле изменилось? Ничего!

А вот несколько шокирующих фактов из зарубежной действительности. Бельгийский университет провел исследование, в ходе которого выяснилось, что из каждых десяти смертей одна происходит по вине врачей — или в результате смертельного укола (без согласия пациента), или в результате ненадлежащего лечения. Был пациент — были проблемы...

28 ноября 2000 г. нижняя палата парламента Нидерландов 104 голосами против 40 приняла закон, легализующий помощь самоубийцам и добровольную эвтаназию, первой среди европейских стран после гитлеровской Германии узаконила прямое убийство больных врачами. Парламент пошел на поводу у голландских эскулапов, которые на протяжении десятилетий практиковали подпольную эвтаназию. По новому закону дети в возрасте от 12 до 15 лет должны получить согласие родителей на совершение самоубийства или обратиться за помощью в умерщвлении себя к врачу. После 16 лет родительского согласия уже не требуется. Зачем же подавлять у подростков свободную волю к смерти? Это, по мнению голландских законодателей, недемократично и негуманно. Вот жизнь педофила надо поберечь, а жизнь подростка...

Потому и приходится констатировать, что все известные ранее и вновь приобретенные негативные черты в моральной сфере в наши дни не просто наличествуют, а бурно прогрессируют. Таким образом, при столь явном падении нравов, их очевидной деградации говорить всерьез о моральном прогрессе, эволюции духовно-нравственных качеств современного человека по сравнению с прежними веками — значит безбожно лукавить. А ведь именно на тезис о моральном прогрессе опираются «просвещенные» аболиционисты, толкуя о цивилизованности, сменившей «вопиющее варварство».

Резюмируем сказанное: бесспорный факт «технократического рывка» сам по себе еще не служит достаточным основанием для отмены смертной казни, рассуждения же о духовно-нравственном прогрессе являются не более чем демагогией, ибо человечество постепенно становится только хуже. Следовательно, тезис о том, что смертная казнь противоречит идеалам прогресса и цивилизованности, является совершенно бездоказательным.

«Смертная казнь есть варварство, жестокость, зверство, легализованная пытка, мучительство; посредством исполнения смертного приговора государство ставит себя на одну доску с преступником; смертная казнь есть месть, а месть — примитивное, низменное чувство»¹², — настаивают аболиционисты.

Ретроспективный анализ, однако, показывает, что появление в уголовном законодательстве смертной казни стало подтверждением проверенного веками принципа, согласно которому суверенная власть не ограничена в средствах воздействия на злостных нарушителей общественных устоев.

Нельзя признать убедительным и тезис, что смертная казнь — это акция, посредством которой государство низводит себя до уровня преступника, «ставит себя на одну доску» с ним. Ни о каком уравнивании акта государственного реагирования при исполнении смертного приговора с преступным посягательством на жизнь не может быть и речи.

Нельзя не отметить, что всякое социально опасное деяние помимо причинения вреда объектам своего непосредственного воздействия посягает в определенной мере также на интересы публичной власти, выражающиеся в нерушимости установленных ею правил регулирования общественной жизни. Поэтому преступник, подрывая своими противоправными действиями социальные устои, бросает вызов также верховной власти. Следовательно, вмешательство последней не может быть низведено до уровня третейского судьи, разрешающего спор виновного с потерпевшим. Оно должно содержать прямой ответ индивиду, грубо оскорбившему власть. Потому в наказании всегда должна присутствовать «доля государства», являющаяся важнейшим элементом «уголовно-правовой ликвидации преступности».

Иначе чем объяснить тот факт, что вся процедура судебного разбирательства вообще и назначения наказания в частности призвана внушить гражданам, что сколь бы тяжким и опасным для общества не было совершенное деяние, преступник слишком слаб и ничтожен по сравнению с государством, защищающим безопасность своих законопослушных граждан.

Для того чтобы придать факту казни особо опасного преступника широкую огласку, вовсе не обязательно исполнять приговор на центральной площади. Недавний тому пример — казнь Т. Маквея, взорвавшего в 1994 г. здание торгового центра в Оклахома-сити. Сам процесс казни наблюдали лишь родственники жертв трагедии, однако благодаря стараниям СМИ вся Америка знала о приговоре и практически поголовно его поддерживала.

Итак, ни о каком равенстве, низведении государством себя до уровня преступника в момент исполнения смертного приговора не может быть и речи. Скорее, все обстоит с точностью до наоборот: виновный, причиняя кому-либо смерть, пытается сравняться с публичной властью, присваивая себе ее монопольное право на применение насилия, за что впоследствии и несет самую суровую ответственность.

Признак возмездия в наказании имеется, ибо оно назначается за преступление и соответствует тяжести последнего. «Наказание, — отмечал Н. А. Стручков, — кара за преступление. В силу этого оно несет в себе свойство оплаты, возмездия за совершенное зло. И вряд ли можно уходить от такой оценки наказания. Она соответствует элементарным представлениям морали»¹³. Суть наказания — предупреждение новых преступных посягательств при помощи фактора устрашения.

Столкнувшись с чудовищным по своей жестокости преступлением, человек хочет воздать злодею за содеянное, ответить на насилие еще большим или хотя бы таким же насилием. Это главный довод сторонников применения смертной казни — она есть единственное равноценное воздаяние за особо тяжкие преступления.

Пределы наказания должны определяться пределами преступления, иначе говоря, наказание по своей тяжести должно соответствовать тяжести совершенного преступления. Древнегреческий философ Платон целью наказания считал не нравственное исправление преступника, а его физическое уничтожение, необходимое для общественного благополучия и пресечения дурного примера, способного совратить кого-либо в будущем. И. Кант и Г. Гегель, будучи ревностными сторонниками смертной казни, утверждали, что для некоторых наиболее тяжких преступлений невозможно найти другой эквивалент.

С ними солидаризируются представители антропологической школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри и др.), требующие для прирожденных преступников единственно эффективной меры полного их устранения — казни. Такая мера не только реализует идею возмездия за содеянное, но и обеспечивает общественную безопасность, спокойствие и порядок. Сторонник смертной казни поэт В. Жуковский полагал, что казнь — «не что иное, как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный...». Даже не будучи сторонником смертной казни, И. Я. Фойницкий в 1889 г. писал: «Смертная казнь есть... самая решительная мера, какою обладает государство для достижения безопасности: раз уничтожен преступник, он уже абсолютно лишен возможности вредить обществу»¹⁴.

Как уже отмечалось, все разглагольствования о моральном прогрессе не имеют под собой серьезных оснований. Человек «цивилизованный» по своей сути мало чем отличается от примитивнейшего дикаря. Разница лишь в том, что он не испытывает «культурного шока» при виде технических достижений цивилизации, но оценивает их при помощи того же «багажа» чувств, что и прапредок, опосредует их практически теми же первичными, «животными» потребностями.

Поэтому более чем наивными выглядят надежды на то, что объявление возмездия «древним и подлым пережитком», «языческой мезью» и отмена смертной казни позволят хоть немного изменить природу человека, ликвидировать саму потребность в удовлетворении чувств, поправных особо тяжким преступлением. Потребность эта все равно останется, она лишь будет искать иные, нелегитимные пути и способы своего удовлетворения.

Односторонний политико-юридический отказ от исполнения смертной казни, являющийся по своей сути декларативным, приводит к активизации нелегальных форм расправы, имеющих внесудебный характер. Самодеятельная смертная казнь будет осуществляться уже не «сверху», а «снизу». При этом роль «теневой юстиции», отправляющей «правосудие», вполне могут взять на себя родственники жертв (вспомните фильм «Ворошиловский стрелок», а также В. Колоева!), сочувствующие сотрудники правоохранительных органов и, что наиболее опасно, организованная преступность¹⁵.

«Только Всевышний вправе забрать жизнь, ибо именно Он ее человеку дает; этого не вправе делать государство, значит, смертная казнь глубоко безнравственна», — упрямо твердят аболиционисты.

Из всего вороха приводимых ими соображений данный аргумент действует, пожалуй, наиболее без-

отказно. Он апеллирует к высоким материям, обосновывая неприемлемость смертной казни нравственными соображениями, указывает на несовместимость высшей меры наказания с этической стороной религиозных учений и традиций, прежде всего христианства. Ссылаясь на многочисленные примеры милосердия, сострадания, прощения и любви к ближнему, приведенные в Новом Завете, аболиционисты ставят сторонников смертной казни в весьма затруднительное положение. Последним остается либо расписаться в собственной приверженности к «кровожадным» и «языческим» формам уголовно-правового воздействия и тем самым прямо противопоставить себя духовным ценностям, либо уклониться от анализа данного контрдовода, замалчивая его¹⁶.

Так неужели смертная казнь безнравственна с точки зрения христианской традиции и полностью ей противоречит? Неужели государство как организация публичной власти ни при каких условиях не вправе забрать жизнь, дарованную человеку Богом? Отнюдь.

Между христианским вероучением и государственно-властной деятельностью по назначению и исполнению высшей меры наказания не существует того непреодолимого противоречия, на которое упирают аболиционисты. Во-первых, тезис «только Всевышний дает жизнь, следовательно, никто, кроме него, не вправе ее забрать» абсолютно некорректен. Натянутость этого довода столь очевидна, что первый же «наивный» вопрос подрывает его кажущуюся убедительность. Ну, а как быть с преступником, который эту жизнь у ближнего забирает? Признать его статус равным божественному, поскольку, причиняя смерть, он «отваживается» на то, что вправе сделать только Господь? Иными словами, уравнивать душегуба с тем, кто эту душу в тело вдыхает? По логике аболиционистов получается именно так.

Логика эта грешит богохульством, однако для противников смертной казни, чьи духовные отцы позволяли себе в адрес РПЦ фразы типа «раздавить гадину», она, похоже, вполне приемлема. Возникает, впрочем, и второй вопрос. Каким образом в рамках приведенного аргумента можно юридически и морально обосновать причинение смерти в результате необходимой обороны? Если только Создатель вправе забрать жизнь, то и данное деяние глубоко безнравственно, с чем ну никак нельзя согласиться. И почему то, что позволяет себе преступник, идя на поводу у своих низменных страстей, непозволительно государству, защищающему общество от тех, кто грубо попирает условия его существования?

Таким образом, жизнь индивиду дает Всевышний, а вот лишить его этого блага в современном мире может кто угодно. Так почему же не признавать такую возможность за легитимным актом государственной деятельности? Все упреки в неправомерности исполнения смертных приговоров, адресованные аболиционистами публичной власти, поскольку она не имеет ничего общего с Господом Богом, лишены разумных оснований.

В нашем безблагодатном мире, где воцарилась «цивилизация антихриста», кто угодно и сколь угодно жестоким способом может посягнуть на человеческую жизнь. Вспомните террористические акты последних лет с их многочисленными жертвами! Так

как же можно в подобных условиях ратовать за ограниченность государства в принудительных средствах воздействия на организованную преступность? Исходя из соображений невозможности бороться со злом с помощью другого зла (государственного принуждения в его максимально жесткой форме)? Государственное принуждение во всех его разновидностях абсолютно неизбежно там, где добро вынуждено бороться со злом. Отрекаясь в таком мире от принуждения, добро становится немощным и тем самым предвещает торжество зла. «Нельзя выплыть из зла в этом мире, не приняв на себя его следов, хотя бы в области применяемых... средств борьбы. Отсюда и физическая неизбежность борьбы со злом путем насилия»¹⁷.

«Смертная казнь как вид уголовного наказания имеет крайне низкое превентивное значение, поэтому она не нужна», — настаивают аболиционисты.

В отечественной криминологии общепризнано положение, согласно которому уровень преступности определяется не силой репрессии, не строгостью наказания, а глубинными факторами социального, экономического, нравственного характера. На этот аргумент чаще всего и ссылаются противники смертной казни, подчеркивая, что преступность — это болезнь общества, для излечения которой «шоковая терапия» в виде смертной казни и многих других мер уголовного наказания оказывается безрезультатной¹⁸.

Существует определенная категория людей, которых наличие в уголовном законе смертной казни удерживает от совершения убийств. Кстати сказать, это обстоятельство признают и такие известные криминологи-аболиционисты, как Ю. М. Антонян и С. В. Бородин¹⁹. Поэтому отнюдь не случайно, что в 1998 г., когда приговоры к высшей мере наказания еще выносились и исполнялись, прирост убийств составил всего 0,9 %, а в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, возрос почти в 5 раз и достиг 4,4 %²⁰. Факты — упрямая вещь.

Страх подвергнуться смертной казни побуждает человека воздерживаться от совершения преступления именно потому, что это наказание лишает его самого дорого блага. Вычеркнуть смертную казнь из перечня наказаний — значит лишить правоохранительные органы наиболее действенного средства. И. И. Карпец правильно подчеркивал, что исключить из содержания наказания фактор устрашения — «значит идеалистически смотреть на сущность вещей. Если преступника не будет устрашать наказание, зачем тогда оно нужно? Чем тогда объяснить, что мы не только пользуемся им, но и устанавливаем за различные деяния разные по тяжести наказания? Это и есть своеобразная дозировка устрашения»²¹.

Кроме того, все доводы аболиционистов о низкой эффективности смертной казни в плане сдерживания преступности имеют один общий недостаток. Действительно, обладая относительно невысоким устрашающим (сдерживающим) потенциалом, высшая мера наказания не способствует уменьшению числа преступлений. Да, преступность не остановить только жесткими мерами, ибо ее причины кроются в глубинных социальных противоречиях. Все верно. Вот только не совсем понятно, причем здесь смертная казнь или, точнее говоря, только смертная казнь? Разве удержит корыстно-насильственного преступ-

ника конфискация имущества, а коррумпированного чиновника — лишение свободы? Ответ очевиден: нет, не удержит. Если ответить на этот вопрос положительно, то как же тогда объяснить значительный рост преступлений против собственности и тотальную коррумпированность государственных органов?

Следовательно, тезис о низком общепреventивном воздействии наказания подменяется другим — о низком общепредупредительном воздействии одного из наказаний²². А ведь еще в конце XIX в. Н. Д. Сергеевский писал, что следует «неуклонно исходить из того положения, что смертная казнь... есть одна из карательных мер уголовного правосудия и подлежит поэтому одинаковой с ними оценке по одним общим правилам», и констатировал, что «только смертная казнь может прекратить преступную мысль»²³. Если согласиться с предложенным аболиционистами подходом, то придется вообще отказаться от института уголовного наказания, ибо с помощью одних наказаний преступность ни снизить, ни преодолеть невозможно! Однако подобная логика выглядит по меньшей мере абсурдной.

Наказание было и есть не главное, а вспомогательное средство борьбы с преступностью, поэтому криминогенную обстановку в обществе нельзя напрямую связывать с наличием в уголовном законе тех или иных мер государственного принуждения²⁴. Наказание, в том числе смертная казнь, выполняет свою роль в деле борьбы с преступностью (в ряду экономических, социокультурных, воспитательных и правовых мер) настолько, насколько может, и большего от нее требовать нельзя. В том-то и дело, что смертная казнь только посильно участвует в обуздании преступности наряду с другими наказаниями, а также экономическими, социальными, политическими и духовными факторами²⁵.

Очень часто тезис о низкой превентивной роли смертной казни ее противники подкрепляют таким вспомогательным аргументом, как возможность осуждения человека вследствие ошибки, что предопределяет необходимость ее замены другим видом наказания, в частности пожизненным лишением свободы. Оно, по их мнению, исключает необратимые последствия, когда уже ничего нельзя исправить.

Да, цена ошибки при исполнении смертного приговора весьма высока, но только если будет казнен совершенно невиновный человек. Однако правомерен вопрос: разве ниже эта цена в других, не связанных с наказанием сферах социальной жизни? Разве не ошибаются врач, водитель, проектировщик высотного здания? Так что же, отказаться от врачебной деятельности, использования автотранспорта, высотного домостроения? В любом деле могут быть ошибки, и непонятно, почему только в вопросе применения смертной казни возможность их появления должна категорически отсутствовать.

Кроме того, судебные ошибки, связанные с применением смертной казни, крайне редкое явление. Исследовавший данный вопрос А. С. Михлин приводит всего два таких случая. Первый, когда вместо серийного убийцы Михасевича был осужден и расстрелян совершенно невиновный человек. Во втором случае в одном из убийств, совершенных маньяком Чикатило, обвинили другого мужчину, который, правда, оказался виновным в шести убийствах, но лишь

седьмое было вменено ему неправильно²⁶. Немного расширил перечень таких приговоров Н. Н. Китаев²⁷.

Однако упрек в судебных ошибках следует направлять в адрес уголовно-процессуального, а не уголовного законодательства, ибо положения УПК, а вовсе не УК, детально регламентируют порядок досудебного и судебного разбирательства уголовных дел (впрочем, при нынешнем УПК РФ упреков этих будет еще больше).

Исследования целого ряда авторов показывают, что в абсолютном большинстве случаев необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности было результатом нарушения требований закона о всесторонности, объективности и полноте исследования всех обстоятельств уголовного дела. Неполнота расследования усугублялась обвинительным уклоном следователей, в результате чего важные обстоятельства проверялись в рамках только одной версии о личности преступника²⁸.

Что же касается пожизненного лишения свободы, которое наиболее часто предлагается в качестве альтернативы смертной казни, то и здесь ошибка может стоить очень дорого. Кто вернет человеку два десятилетия, проведенные в условиях строгой изоляции от общества? Может быть, ратуя за замену высшей меры наказания пожизненным лишением свободы, авторы исходят из того обстоятельства, что в этом случае у человека сохраняется самое ценное благо — жизнь. Возможно. Но давайте задумаемся, сохраняется ли в действительности у него это благо? Можно ли назвать жизнью постоянное пребывание в четырех стенах камеры, без малейшей надежды хотя бы перед смертью увидеть свободу, отягощенное массой ограничений, способных превратить человека в жвачное животное? Скорее это похоже на существование в формате биологической массы, лишенное сколь-либо значимого социального содержания. И даже если обнаружится ошибка, куда узник вернется после долгих лет, проведенных в условиях строгой изоляции? Что и кто ждет его во внешнем мире? Вопрос, увы, риторический.

Все сказанное позволяет сильно усомниться в гуманности пожизненного лишения свободы. В литературе отмечалось, что замена расстрела пожизненным заключением зачастую обрекает человека на более мучительные страдания, оставляя его один на один с жесткими требованиями особого режима и ощущением полнейшей безнадежности. А потому поставим перед противниками смертной казни вопрос: что же на самом деле гуманнее — исполнить смертный приговор в отношении человека, совершившего тяжкое преступление, или обречь его на смерть «в расщелину»?

И другая сторона медали: гуманизм исключительно к преступнику означает демонстрацию преступного равнодушия к его жертве, тем более что подобный гуманизм оказывается для осужденного еще более тяжелой мерой государственного принуждения.

Итак, высшая мера наказания за наиболее тяжкие преступления против жизни, несомненно, имеет право на исполнение. Ее применение не противоречит ни идеям технического прогресса человеческой цивилизации, ни христианским заповедям, ни нормам морали; она имеет определенное сдерживающее

значение и играет в системе мер борьбы с преступностью четко отведенную ей роль.

Практически это означает, что сегодня мораторий на применение высшей меры наказания не соответствует представлениям граждан России о справедливости. Пока люди совершенны не настолько, чтобы не совершать особо тяжких преступлений, смертная казнь необходима. Такой вывод напрашивается сам собой.

Уголовное наказание в целом и смертная казнь как его наиболее репрессивная часть есть неотъемлемый атрибут государственной власти и суверенитета. Еще П. И. Люблинский более века назад верно заметил: «Вопрос о смертной казни давно вышел за пределы уголовного права и стал вопросом государственной политики. Назначение и исполнение смертной казни есть уже не столько дело суда, сколько органов, руководящих политической жизнью страны. Суд только высказывается первым, но за ним обязательно должен раздаться голос правительства и голос верховной власти, желающей или не желающей применить право помилования»²⁹.

И если из диапазона уголовно-правового воздействия изъята самая жесткая и самая серьезная по социально-правовым последствиям для индивида мера государственного принуждения, то, стало быть, политическая организация больше не обладает «монополией на насилие» в обществе и не может считаться полностью суверенной.

Будем мы жить в суверенном государстве или нас вполне устроит прозябание в «доминионе клерков»? Именно в таком контексте (пусть достаточно пафосном) следует рассматривать проблему высшей меры наказания. Смертная казнь — это такой же атрибут суверенитета, как флаг, герб, гимн и ядерная кнопка. Не есть ли отказ от применения этого наказания первый, пусть даже символический, шаг, за которым последуют другие, более значительные? В свете «триумфального шествия» глобализма с его двойной моралью, тотальными экономическими кризисами, бомбардировками неугодных и «независимыми» трибуналами вопрос звучит более чем актуально³⁰. Как Россия ответит на него? Будем надеяться, утвердительно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999. Т. 4. Россия XI–XIX вв. С. 710.

² См.: Иванов Л. О. Не равняться с преступником // *Общественные науки и современность*. 1992. № 1. С. 65.

³ См.: Гулиев В. Е. Отмена смертной казни — преступное сопротивление злу насилием // *Юридический мир*. 2002. № 1. С. 9; Петрухин И. Л. Еще раз о смертной казни // Там же. № 4. С. 9.

⁴ См.: Кизилев А. Ю. Смертная казнь: апология. М., 2002. С. 3–9.

⁵ Бородин С. В. Еще раз о смертной казни за убийство // *Государство и право*. 2001. № 4. С. 61.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. С. 22.

⁸ См.: Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997. С. 6.

⁹ См.: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная Империя Зла. М., 2001. С. 107 и др.

¹⁰ См. подр.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2007. С. 279.

¹¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М., 2007. С. 65, 165, 204.

¹² Кизилев А. Ю. Указ. соч. С. 10–17.

¹³ Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 59–60.

¹⁴ См.: Антология мировой правовой мысли. Т. 4. С. 794.

¹⁵ См.: Малько А. В. Смертная казнь в России: проблемы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1. С. 155.

¹⁶ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 19–23.

¹⁷ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 578.

¹⁸ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 28–36.

¹⁹ См.: Бородин С. В. Указ. соч. С. 60.

²⁰ См.: Милуков С. Ф. Указ. соч. С. 163.

²¹ Карпец И. И. Высшая мера: за и против // Советское государство и право. 1991. № 7. См. также: Володько М. В. Морально-правовые аспекты смертной казни // Южно-уральские криминалистические чтения. Уфа, 2003. Вып. 11. С. 170–177.

²² См.: Михлин А. С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000. С. 151.

²³ Сергеевский Н. Д. Лишение жизни как уголовное наказание // Избр. тр. М., 2008. С. 258, 261.

²⁴ См.: Смертная казнь: за и против / Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 359.

²⁵ См.: Малько А. В. Указ. соч. С. 148.

²⁶ См.: Михлин А. С. Смертная казнь — быть ли ей в России // Журнал российского права. 1998. № 10. С. 142.

²⁷ См.: Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2000. С. 3–74.

²⁸ См.: Там же. С. 10.

²⁹ Смертная казнь: за и против. С. 217.

³⁰ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 38–46.

Некоторые вопросы современной наказательной политики России

С. У. ДИКАЕВ — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

На протяжении многих веков ученые задаются вопросом о способности уголовного наказания, каким бы жестким и жестоким оно ни было, решить проблему преступности. В середине XX в. наконец-то человечеству стало ясно, что наказание не является панацеей от преступности, что оно больше не выступает в качестве сдерживающего преступность фактора (возможно, что оно никогда им и не было). Рост преступности во всех странах мира — показательный пример того, что социальный механизм самоорганизации общества, позволяющий держать преступность в безопасных для общественного развития масштабах, неэффективен. Даже повышение общего благосостояния, расширение свободы и демократии, гуманизация государства, ослабление контроля над гражданами не только не уменьшают рост преступности, а напротив, способствуют ее увеличению.

Значит, вполне обоснованно можно говорить о реальности кризиса уголовного наказания, и эту реальность нужно признать и искать решение этой проблемы.

Выход из кризисного состояния наказания одни авторы видят в признании кары как цели уголовного наказания, другие предлагают установить цивилизованные взаимоотношения общества с преступностью, третьи — приспособиться и сосуществовать с преступностью как с неизбежным злом.

Но приспособление к проблеме не есть ее решение. Через некоторое время общество опять столкнется с теми же, а то и еще более сложными проблемами. Поэтому предлагаемые учеными модели неспособны вывести институт уголовного наказания из кризисного состояния. Наиболее верный путь — это поиск причины, приведшей человечество к такому состоянию. Для этого необходимо вернуться к истокам человеческой истории, проследив весь путь развития, установить, на каком этапе был сделан неправильный шаг, чем он был вызван, и попытаться восстановить утраченное.

Я склонен считать, что причиной кризиса наказания являются, с одной стороны, государственная мо-

нополия на разрешение уголовно-правовых отношений, с другой — постановка перед уголовным наказанием изначально недостижимых, а значит, и ложных целей.

О необходимости пересмотра целей уголовного наказания мною было написано в журнале «Российский криминологический взгляд» (№ 2, 2007). Сейчас я хочу остановиться на проблеме государственной монополии на регулирование уголовно-правовых отношений и высказать свои соображения относительно того, как лишить государство этих монополий и нужно ли это делать.

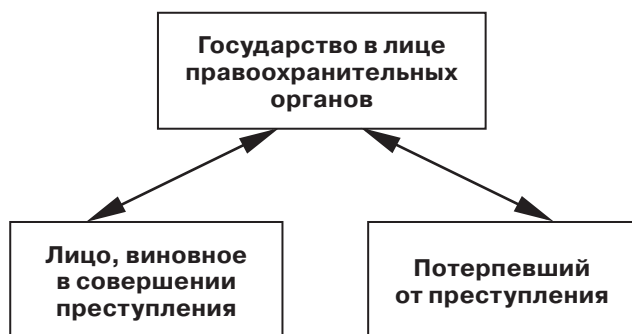
Из истории любого народа видно, что изначально вопросы преступления и наказания человечество решало, исходя из сложившихся в течение многих веков обычаев и традиций конкретного рода или племени. Обычное право предполагает народную дипломатию и реальное существование межличностных, межгрупповых социально полезных связей, основывающихся на нравственных и этических началах.

Нормы обычного права предусматривали более жестокие наказания (изгой из племени, убийство и съедение, отдача на растерзание диким зверям, позднее — откуп, взятие виновным на себя моральных (или) материальных обязательств и т. д.), чем нормы современного публичного права. Вместе с тем они также были призваны восстановить социальную справедливость, утешить наказанием, исправить нарушителя обычая. В этом отношении современное публичное право ничего нового не придумало, поскольку уголовные законодательства многих стран мира закрепляют аналогичные цели наказания. Весь вопрос в содержании целей и в выборе средств их достижения. В тех республиках России, где сильны законы обычного права, страх перед моральным осуждением всегда являлся и до сих пор является большим сдерживающим фактором, чем страх быть осужденным по современному публичному праву, какое бы жестокое наказание оно ни предусматривало. Ведь моральное осуждение затрагивает не только интересы самого виновного, но и его родственников, которым общество вменяет в вину плохое или недостаточно хорошее воспитание, плохой надзор за нерадивым

членом своей семьи (сыном, братом, племянником). Тем самым обычное право вызывает моральные обязательства между виновным и потерпевшим, между виновным и родственниками потерпевшего (родителями, детьми), между родственниками виновного и родственниками потерпевшего. Наличие этих связей определяет, что в основе социальных отношений в группе лежат моральные начала.

В публичном праве, как и в праве обычном, виновность имеет определяющее значение для возникновения уголовно-правовых отношений. Но справедлив вопрос: виновность перед кем? Так, например, лицо, причинившее тяжкий вред здоровью потерпевшего, по обычному праву виновато именно перед потерпевшим и его близкими родственниками, а сам этот институт ориентирован на справедливое разрешение возникшего социального конфликта путем восстановления нарушенных прав потерпевшего, а если это невозможно, то путем компенсации за причиненный вред.

В публичном праве почти все случаи совершения преступления рассматриваются как конфликт лица, совершившего преступление, со всем обществом в лице государства. Схематично эти отношения выглядят так:

Как видим, государство выступает в качестве арбитра, требующего решать вопросы ответственности за преступление только через него, от его имени и перед ним. Если лицо виновато перед потерпевшим, а ответственность несет перед государством и от имени государства, то получается, что потерпевшие автоматически выбывают из уголовных правоотношений, потерпевшие не являются субъектами уголовно-правовых отношений. Это позволяет рассматривать современные уголовно-правовые отношения как форму сведения государством своих личных счетов с нарушителями его запретов, возведенных в форму закона. При этом потерпевший представляет интерес для государства постольку, поскольку необходимо соблюсти некоторые юридические формальности при назначении наказания виновному в совершении преступления. С тех пор как государство наделило себя правом назначать наказания за преступления, оно всегда делало это, преследуя собственные интересы. Государство, как и любой другой посредник в экономических отношениях, очень дорого обходится, прежде всего, потерпевшему от преступления. Он вынужден платить за преступность тройную цену: а) он терпит ущерб от преступления; б) он платит налоги за содержание государственного аппарата правопорядка; в) он вынужден претерпеть массу неприятностей, связанных с расследованием преступления и отправлением правосудия.

Логика российского (советского) законодателя, монополизировавшего право разрешения уголовно-правовых отношений, легко просчитывалась в период царизма, когда посредством каторжан освобождались необъятные просторы Родины. А в периоды индустриализации и плановой экономики сотни тысяч людей по надуманным основаниям осуждались и использовались как дешевая рабочая сила при создании государственного, то есть «ничейного», богатства, при освоении природных богатств, строительстве заводов, фабрик и т. д.

В условиях рыночной экономики наказательная политика государства имеет ту же направленность — максимальное извлечение прибыли от преступности (как и от других человеческих пороков). Только делается это сейчас не так грубо, как раньше (из-за технического прогресса теперь не требуется много рабочих рук), а весьма ухищренно — путем изменений законодательства. Это хорошо видно на примере тех новаций, которые были внесены в УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ¹.

Для иллюстрации в качестве примера рассмотрим изменения уголовного закона, касающиеся штрафа. В частности, названный закон, вводя денежный штраф в рублевом эквиваленте, определяет его пределами от 2,5 тыс. до 1 млн руб. (за преступления небольшой или средней тяжести — от 2,5 до 500 тыс. руб.). Проанализировав некоторые данные официальной статистики о совершенных преступлениях, попытаемся вычислить «ожидаемую» прибыль от преступности.

Так, в 2005 г. в России было зарегистрировано 1 572 996 случаев краж (прирост составил 23,2 %), а в 2006 г. — 1 676 983 таких преступления.

Санкция ст. 158 УК РФ (кража) составляет в части первой от 2,5 до 80 тыс. руб., в части второй — до 200 тыс. руб., в части третьей — от 100 до 500 тыс. руб., а в части четвертой — до 1 млн руб.

Нетрудно подсчитать, что при назначении судами за все случаи совершения краж только нижнего предела штрафа (2500 руб.) бюджет государства за 2005 г. предположительно мог пополниться на сумму чуть менее 4 млрд руб., а в 2006 г. — более 4 млрд руб.

А если произвести расчеты, исходя из минимальной суммы штрафа, предусмотренного санкцией ч. 3 ст. 158 УК РФ (100 тыс. руб.) (а их совершено: в 2005 г. — 676 933; в 2006 г. — 625 980), то, соответственно, доход государства составил бы в 2005 г. более чем 67,7 млрд руб., а в 2006 г. — около 63 млрд руб.

Конечно, пока еще далеко не ко всем виновным применяется наказание в виде штрафа. Специальные исследования дают ясные представления о том, что, например, в Санкт-Петербурге в 2004 г. процент применения штрафа составил 0,6 %². Столь редкое обращение судей к штрафу отчасти может быть объяснено тем, что на практике они довольно часто сталкиваются с отсутствием работы и денежных накоплений у подсудимых, вследствие чего применение отмеченных видов наказания оказывается невыполнимым.

Хотя ученые, опираясь на опыт зарубежных стран, обосновывают вывод о том, что именно денежные

наказания представляются наиболее желательными альтернативами по отношению к лишению свободы³, следует отметить, что в условиях современной российской действительности данный тезис срабатывает не всегда. Так, специально проанализировав уголовные дела, по которым суд назначил наказание в виде штрафа, можно сделать вывод о том, что все виновные являлись добросовестными работниками, имеющими небольшие, но стабильные заработки, и что штрафные санкции бьют в первую очередь по добросовестным труженикам, примерным гражданам⁴.

Действительно, труженик, которому присуждена эта мера наказания, попадает в весьма трудное положение, так как оплатить штраф даже в 100 тыс. руб. при низкой заработной плате абсолютному большинству россиян не под силу. При нынешней средней зарплате по России виновный в течение года должен бесплатно работать исключительно на государство. Это было бы оправданным, если бы данная мера наказания назначалась в интересах потерпевших. Однако последние в этом процессе «сведения счетов государства и преступника» довольствуются только своим статусом уголовно-процессуального положения потерпевшего. Если хватает сил и средств, добиваются компенсации (как правило, частичной) причиненного вреда в соответствии с гражданским законодательством либо ждут возмещения ущерба по исполнительным листам. Между тем ст. 52 Конституции России гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Получается, что и Конституция России, являясь актом прямого действия, содержит неработающую и фактически постоянно нарушаемую государством норму.

Но как ревностно государство охраняет собственность самих «воришек».

Законом от 08.12.2003 г. из УК РФ без какого-либо научного обоснования была исключена существовавшая в качестве дополнительной меры наказания конфискация имущества. Хотя есть серьезные основания подозревать законодателей в том, что сделано это было небескорыстно, но наказательная политика России в результате стала выглядеть как политика гуманизации уголовного законодательства. На самом деле гуманизация касается лишь лиц, которые на волне демократии сколотили себе огромные состояния, приобретение которых не могло не быть преступным, и единственным способом возвращения похищенных ценностей государству при данных обстоятельствах являлась конфискация имущества лиц, осуждаемых за корыстные преступления, в чем было и по сей день остается заинтересованным большинство населения страны.

Результаты опроса населения показывают, что 97 % опрошенных считают, что конфискация имущества как мера наказания должна присутствовать в УК. При этом характерно, что все они считают себя малообеспеченными. Те 3 % из числа опрошенных, которые полагают исключение из УК конфискации имущества правильным решением, считали себя обеспеченными людьми. Полагаю, что решение об исключении из УК конфискации является политическим решением, призванным стабилизировать политическую и экономическую ситуацию в стране. Вмес-

те с тем отсутствие в УК конфискации имущества как меры наказания гарантирует нуворишам спокойное существование без боязни ответственности и лишения нажитого преступным путем имущества, даже если конфискация будет возвращена в УК в прежнем виде. Ведь, как известно, закон, ухудшающий положение осужденного, обратной силы не имеет.

Если уплата штрафа в один миллион рублей (примерно 40 тыс. долларов США) для нуворишей не такая уж страшная мера наказания, то для абсолютного большинства российских граждан размеры этих штрафов являются воистину «драконовскими». Такое законодательное установление можно рассматривать как государственную гарантию социального статуса нищих и состоятельных, при котором состоятельные люди не потеряют своего состояния, а немилые могут лишиться и того, что у них есть. Ведь им нужно будет как-то выплачивать штраф, нередко это будет сопровождаться продажей нажитого имущества.

Европейские государства в современный период стремятся строить свое уголовное законодательство, исходя из идеи правового государства, общечеловеческих ценностей, гуманизма, приоритета норм международного права. Уголовные законы западноевропейских стран предусматривают различные виды наказаний, не связанных с изоляцией преступника от общества. В странах Западной Европы доминирует мнение о том, что такая карательная мера, как лишение свободы, малоэффективна, негуманна и не способна стать действенной защитой для общества и государства от преступных посягательств. В большинстве развитых в промышленном отношении государств Западной Европы самыми распространенными уголовными наказаниями являются штраф и конфискация имущества. По мнению многих юристов, применение этих мер в качестве уголовного наказания выгодно государству. Во-первых, эти виды наказаний, в отличие от тюремного заключения, не оказывают чрезмерно негативного влияния на преступника, во-вторых, их исполнение не требует отвлечения больших финансовых средств из государственной казны, и, в-третьих, эти виды наказаний сами являются хорошим источником пополнения государственного бюджета.

Следует отметить, что отказ от конфискации как меры уголовного наказания является современной мировой тенденцией. Так, согласно ст. 17 Конституции Аргентины конфискация «навсегда исключается из Уголовного кодекса Аргентины». Однако Бразилия, отказавшись от конфискации в 1824 г., вернула ее в УК в 1988 г. Например, в Индонезии запрещена полная конфискация. В Колумбии, согласно Конституции (ст. 34), запрещаются конфискация (исключая имущество, приобретенное в ущерб общественному имуществу или с «грубым нарушением социальной морали»). Мексиканская Конституция (ст. 22) запрещает применение не только конфискации, но и чрезмерных штрафов⁵.

В Германии в 2002 г. решением Конституционного Суда признан ничтожным § 43а (имущественный штраф). В этом направлении развивается законодательство некоторых республик бывшего СССР (Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан), а в Грузии и Азербайджане эта мера наказания исключена из УК уже несколько лет назад.

Эту тенденцию для постсоветского пространства можно рассматривать как государственную политику легализации преступно нажитого в ходе реформ капитала.

Если для европейских стран отказ от института конфискации можно считать вполне приемлемым по причине того, что первоначальное накопление капитала производилось столетия назад, то для государств постсоветского пространства отказ от конфискации является по меньшей мере преждевременным. Процесс передела собственности в республиках бывшего СССР еще далек от завершения, и в законодательстве имеется множество лазеек для преступного обогащения. Кроме того, у народов бывшего СССР еще свежа память о неисчислимых бедствиях и лишениях, которые пришлось им претерпеть в то время, когда происходил преступный передел государственной собственности. Многие из тех, кто преступно нажил капитал на волне ликвидации СССР, демократизации и передела общенациональной собственности, не только еще живы, но и, легализовав нажитые капиталы, продолжают его приумножение, эксплуатируя природные богатства и мало беспокоясь о благополучии нации.

Можно предположить, что конфискация как мера уголовного наказания в России восстановлена в УК не будет. Хотя полагаем, что для российского уголовного законодательства конфискация имущества является традиционной и проверенной временем дополнительной мерой наказания, и ее отмена преждевременна и криминологически не обоснована. Думаем, что она должна быть восстановлена в УК РФ в прежнем статусе хотя бы до завершения экономических и политических реформ России.

Следующий вопрос — что нужно сделать, чтобы лишить государство монополии назначать уголовные наказания?

Выход из кризиса наказания видится в изменении сложившейся порочной практики тотального вмешательства государства во все случаи возникновения уголовно-правовых отношений. Для чего предлагаем ввести трехуровневую систему регулирования этих правоотношений.

Первый уровень предполагает выделение в уголовном законе группы преступлений, при совершении которых преступник и жертва сами регулируют конфликт. Здесь потребуются расширить возможности института примирения с потерпевшим, для чего необходимо:

— во-первых, распространить его действие не только на преступления небольшой и средней тяжести, но и на тяжкие и особо тяжкие преступления;

— а во-вторых, в ст. 76 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) слова «лицо... может быть освобождено от уголовной ответственности» заменить на «лицо... освобождается от уголовной ответственности». Соответствующие изменения необходимо будет внести и в ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ.

Полагаем, что для применения ст. 76 УК РФ необходимо полное заглаживание вреда виновным до освобождения от уголовной ответственности, что

должно быть главным условием признания примирения добровольным со стороны потерпевшего. В случае же частичного заглаживания вреда или в случае признания виновным на себя обязательств в будущем заботиться о потерпевшем или его детях необходимо применять иные способы поощрения виновного лица, примирившегося с потерпевшим: смягчение наказания (ст. 61 УК РФ), назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено в санкции на основании ст. 64 УК РФ, или условное осуждение (ст. 73 УК РФ).

В тех случаях, когда лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, при наличии этого обстоятельства оно должно учитываться как смягчающее его вину. Для чего предлагаем следующую редакцию пункта «к» ст. 61 УК РФ: «оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, примирение с потерпевшим».

Сказанное вовсе не означает, что государство на этом уровне самоотстраняется и участники правоотношений (преступник и жертва) предоставлены сами себе. Государство остается арбитром в разрешении этого дела и вмешивается в конфликт в следующих случаях:

а) когда участники не могут прийти к согласию относительно способа и условий разрешения конфликта и примирению. Например, совершена квартирная кража, жертва выдвигает изначально несправедливые, завышенные или невыполнимые требования (возместить моральный вред, приобрести новые предметы взамен похищенных и какое-то время использовать поврежденные предметы, произвести ремонт квартиры и т. д.);

б) когда контрольный или наблюдательный орган (условное название органа) приходит к обоснованному выводу о том, что действием одной из сторон по примирению не были добровольными. Например, имели место угрозы, шантаж или применение насилия к одной из сторон с целью обеспечения сговорчивости;

в) когда необходимо создать и обеспечить условия примирения (принуждение к исполнению сторонами условий примирения). Например, стороны достигают согласия, но впоследствии одна из сторон предпринимает шаги по изменению условий примирения или виновная сторона отказывается выполнять условия соглашения;

г) когда виновное лицо не установлено. В этом случае государственные органы проводят процессуальные действия, в том числе и по установлению или розыску виновного, а разрешение дела откладывается до момента установления виновного. С установлением виновного возобновляется разрешение дела в порядке, предусмотренном первым уровнем.

Этот уровень регулирования уголовно-правовых отношений позволяет сохранить социальные связи между участниками правоотношений, максимально учитывать превентивные возможности обычного права конкретной социальной группы. Учет в регули-

ровании уголовно-правовых отношений превентивно значимых особенностей социальных групп особенно важен в многонациональных государствах, так как это способствует сохранению национальной, культурной и иной самобытности группы, управлению ею путем использования понятных этой группе методов воздействия, что обеспечивает в конечном счете динамичное развитие государства. Кроме того, такой подход позволит существенным образом изменить наши представления о преступлениях, преступниках и способах регулирования уголовно-правовых отношений. Однако в рамках действующего института примирения не определены ни процедуры осуществления примирения, ни форма контроля за договоренностями между сторонами, ни социально-реабилитационная инфраструктура реализации подобных решений (ст. 25 УПК РФ).

На втором уровне отношения регулируются посредством государства, при этом часть из них регулируется государством с учетом интересов сторон, то есть пожеланий жертвы и ее родственников, преступника и его родственников. В регулировании другой части преступлений (например, преступления без потерпевших) приоритетное значение имеют установления закона и судебское усмотрение.

На третьем уровне интересы сторон конфликта имеют второстепенное значение по отношению к государственным или общественным интересам (государственные, воинские, налоговые преступления, преступления против общественной безопасности, общественной нравственности и т. д., то есть те преступления, жертвой которых по существу является само государство или общество). На этом уровне государство, применяя вид и размер наказания к виновному, может исходить из своих интересов, в том числе и интересов пополнения государственного бюджета путем применения штрафных санкций. А на первых двух уровнях во главу угла при назначении наказания должны быть поставлены интересы пострадавшей стороны. Если виновный подвергается наказанию в виде, например, штрафа, то вся сумма штрафа или какая-то его часть должна быть взыскана в пользу пострадавшего⁶. Это придаст подлинный смысл такой цели наказания, как «восстановление социальной справедливости», установленной ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Осуждение к лишению свободы, тем более на длительные сроки, должно быть последним средством решения проблемы, применяемым в исключительных случаях — в случаях регулирования отношений третьего уровня. Тогда использование труда осужденных в интересах государства, «драконовские» штрафы и конфискация имущества обретают логический смысл. Для обеспечения государственных интересов по преступлениям, посягающим на основы государственности, таким как преступления террористического характера, экстремизм, разжигание национальной розни, измена, шпионаж, фальшивомонетничество, наркоторговля, «отмывание» денег и др., нужно ввести в УК РФ и шире практиковать изъятие нажитого (пусть даже честно) имущества и доходов, полученных от преступной деятельности. Для этого необходимо вернуть в УК России конфискацию имущества.

За последние пятнадцать лет наибольшее число осужденных отбывали наказание за кражи, грабежи и разбои.

Так, в 2003 г. в России таких преступлений было зарегистрировано 50,8 % от общей массы зарегистрированных преступлений, в 2004 г. — 54,2 %, в 2005 г. — 55,7 %, а в 2006 г. — 54,3 %.

	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Количество лиц, совершивших корыстные преступления (%)	54,2	55,7	54,3
Количество лиц, совершивших преступление и не имевших постоянного источника дохода (%)	58,8	60,3	59,6

Таким же стабильным начиная с 1996 г. остается и процент лиц, совершивших преступления при отсутствии постоянного источника дохода (в 1996 г. — 50 %, 1997 г. — 54,2 %, 2003 г. — 55,7 %, 2004 г. — 58,8 %, 2005 г. — 60,3 %, а в 2006 г. — 59,6 %).

Это подтверждает вывод, сделанный норвежским ученым Н. Кристи, который заключается в том, что, если большинство осужденных принадлежат к одной социальной категории, можно с уверенностью сказать, что в системе есть серьезный изъян.

Приведенная статистика преступности вопреки заверениям политиков о повышении уровня жизни показывает удивительную стабильность как количества преступлений против собственности, так и удельного веса лиц, совершивших преступления, не имеющих постоянного источника дохода. Пока такая тенденция будет сохраняться, любые рассуждения о противодействии преступности малопродуктивны.

Позитивных сдвигов в противодействии преступности (по крайней мере, в снижении корыстной преступности, которая составляет более 50 % всех совершаемых в России преступлений) можно добиться путем справедливого решения вопроса «внутреннего распределения» материальных ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Федеральный закон РФ от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
² См.: Силкин В. П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 21.
³ См.: Шестаков Д. А. Наказание по Уголовному кодексу России: Признаки кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Тр. Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2003. № 1(6).
⁴ См.: Дикаев С. У. Сравнительный анализ европейского законодательства об изъятии прибылей, полученных от незаконной торговли наркотиками // Контроль за оборотом наркотиков и предупреждение преступности в России: Материалы всероссийской науч.-практ. конф.: В 5 ч. СПб., 2005. Ч. 1.
⁵ См.: Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. 3-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. М., 2003.
⁶ Следует отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 41 Налогового кодекса Российской Федерации средства, полученные в результате применения мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности, в том числе штрафы, конфискации, компенсации, а также средства, полученные в возмещение вреда, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, и иные суммы принудительного изъятия являются неналоговыми доходами бюджетов. Вместе с тем согласно ст. 32 Бюджетного кодекса Российской Федерации все государственные и муниципальные расходы подлежат финансированию за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов, аккумулируемых в бюджетной системе Российской Федерации.

Латентность политических убийств в современной России

Д. А. ШЕСТАКОВ — президент Санкт-Петербургского криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор;

А. П. ДАНИЛОВ — соискатель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, член Санкт-Петербургского криминологического клуба

Официальная статистика далеко не полно отражает подлинную распространенность преступлений, значительная их часть остается официально не учтенной, или, как принято говорить, латентной. Следует различать неучтенность: 1) преступной государственной политики; 2) вновь возникающих видов преступлений, которые или прямо не предусмотрены уголовным законом, или, если и предусмотрены, в практике применяющих закон не признаются в качестве таковых; 3) преступлений, не учтенных в силу невыполнения чиновниками обязанности регистрировать соответствующие заявления; 4) преступлений, о которых не заявлено потерпевшими и свидетелями; 5) скрытых преступлений, известных только самим преступникам¹.

Из предложенных видов неучтенности преступлений для убийств по политическим мотивам характерно следующее:

Во-первых, преступность государственной политики является причиной совершения убийств по политическим мотивам. Но именно государственная преступность в силу специфичности субъекта, является наиболее латентной. В качестве примера хотелось бы привести трагическую гибель в автокатастрофе губернатора Алтайского края Михаила Евдокимова. В данном случае уместно замечание А. И. Долговой о том, что латентная часть преступности включает скрытые и скрываемые преступления². Причину латентности можно обнаружить в недостаточности информации о политических преступлениях, ее фрагментарности, недостоверности источников такой информации³. Именно такое положение дел характерно, например, для России. Долгое время не существовало никаких данных о количестве жертв политического террора в нашей стране, а ставшие доступными за последнее десятилетие сведения весьма противоречивы.

Основной вопрос, дебатруемый криминологами: что отражает регистрируемая преступность? Большинство современных авторов весьма скептически относятся к данным официальной статистики. И дело не столько в естественной латентности, сколько в селекции, осуществляемой полицией и уголовной юстицией, когда в ее жернова попадают пьяницы, неряхи и извращенцы, по образному выражению А. Liazos, а огромный пласт «беловоротничковой», «элитарной», «респектабельной» преступности остается вне поля зрения⁴.

Во-вторых, обращает на себя внимание латентность политических убийств в силу того, что далеко не все должностные лица, обязанные регистрировать заявления о преступлениях, реагируют на данные заявления согласно своим обязанностям.

Следует учитывать высокую латентность преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, и специфику такой латентности: с одной стороны, преступность сотрудников правоохранительных органов способна быть более латентной, чем некоторые другие виды преступности, ибо, во-первых, криминальное поведение профессионалов, способы продумывать, способы маскировки и ухода от ответственности затрудняют выявление, раскрытие и изобличение виновных; во-вторых, существуют определенные иммунитеты для следователей, судей, прокуроров⁵.

В-третьих, о многих фактах совершенных убийств свидетелям преступлений лучше молчать, заботясь о сохранении собственной жизни. Этим можно объяснить «молчание» очевидцев убийства Игоря Талькова. Трагедию наблюдала целая группа его коллег: Андрей Державин, Олег Газманов, Михаил Муромов, дуэт «Академия». Однако никто из них пролить свет на случившееся не смог (или не захотел?!).

В-четвертых, следует обратить внимание на тот факт, что остается большой массив политических убийств, о совершении которых известно только исполнителю и заказчику. Таковых при глубоком анализе гибелей и несчастных случаев можно выделить множество. Яркий тому пример — несчастный случай с сенатором от Архангельской области Юрием Сивковым. В субботу вечером Сивков отправился к своему баркасу на резиновой лодке, что видели его товарищи по рыбалке. Утром лодку Сивкова обнаружили перевернутой рядом с баркасом. «Выехавшие на место спасатели-водолазы неподалеку от баркаса нашли тело погибшего», — говорит источник. По его словам, видимых следов насильственной смерти на теле нет. Все вещи на баркасе остались нетронутыми. В МЧС полагают, что, скорее всего, это несчастный случай⁶.

Неслучайно во введении к тексту прогноза ВНИИ МВД РФ председатель Комитета по безопасности Государственной Думы А. И. Гуров отметил, что «следует учитывать очень высокую латентность современной преступности: реально, по экспертным оценкам, в стране совершается 15–20 млн преступлений»⁷.

Нами было проведено эмпирическое исследование феномена убийств по политическим мотивам. Выборка составляла 50 наиболее крупных, значимых и заметных политических убийств, совершенных в России в период с 1991 по 2007 гг. На основании исследования были сделаны выводы о явлении политического убийства, его детерминантах и возможном противодействии.

Таблица 1

Квалификация политических убийств в момент возбуждения уголовного дела

Квалификация основного преступления	Абс.	Доля (%)
Убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ)	17	34,0
Убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ)	17	34,0
Причинение смерти вследствие:		
неосторожности (ст. 109 УК РФ)	1	2,0
нарушения правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ч. 3 ст. 263 УК РФ)	2	4,0
нарушения правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности смерть человека (ст. 264 УК РФ)	3	6,0
посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ)	3	6,0
посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ)	1	2,0
«Случай»:	5	10,0
в т. ч. отравление:	1	2,0
Итого:	50	100,0

В представленной таблице показана квалификация политического убийства в момент возбуждения уголовного дела. Уже здесь прослеживается тенденция по сокрытию совершенного убийства за счет его перекалфикации на другие виды преступлений или даже «случай», 12 фактов убийств (24,0 %) остались неучтенными.

Преступность характеризуется высокой латентностью. Даже убийства, так как иногда убийства маскируются под самоубийства, тщательно скрываются, уничтожаются следы преступлений. Латентность бывает особенно высокой при наличии развитой организованной и профессиональной преступности. Криминологами был сделан вывод, что так называемая «общеуголовная» преступность, как правило, при всей ее латентности отражается в статистике в большей своей части, то есть представительно. А экономическая преступность — только в очень небольшом проценте (иногда 1–5 %), поэтому по данным уголовной статистики нельзя судить о ее фактических тенденциях⁸.

Таблица 2

Способ совершения политического убийства в соотношении с констатацией следствием события преступления

Вид политического убийства	Способ	Абс.	Доля в общем (%)	Доля по виду убийства (%)
Явное	Использование огнестрельного оружия	26	52,0	67,6

Явное	Использование взрывчатых веществ	6	12,0	15,6
	Использование холодного оружия	3	6,0	7,8
	Использование тупого предмета	1	2,0	2,25
	Использование яда или отравляющих веществ	1	2,0	2,25
	Утопление	1	2,0	2,25
	Неизвестно	1	2,0	2,25
	Итого	39	78,0	100,0
Скрытое	Гибель в автокатастрофе	4	8,0	36,3
	Гибель в авиакатастрофе	2	4,0	18,2
	Отравление	2	4,0	18,2
	Гибель на снегоходе	1	2,0	9,1
	Падение под поезд	1	2,0	9,1
	Утопление	1	2,0	9,1
	Итого	11	22,0	100,0

В этой таблице представлены данные о способе совершения политического убийства в соотношении с констатацией следствием события преступления. Интересующие нас скрытые (латентные) политические убийства чаще всего совершаются с помощью инсценировки гибели человека в автокатастрофе, что можно объяснить удобством организации преступления и сокрытия улик, а также постоянным использованием автотранспорта всеми лицами в своих личных целях, что облегчает и способствует в определении способа; гибель в авиакатастрофе и отравление занимают второе место; на третьем месте — гибель на снегоходе, утопление и падение под поезд.

К концу 90-х гг. стало очевидным, что уголовные дела и официальная статистика перестали содержать не только полные, но и представительные сведения о криминальной ситуации в России: а) нарастала латентность преступности; б) необоснованно декриминализировалось все большее число фактически общественно опасных деяний; в) сдерживалось создание надлежащей правовой базы противодействия новым общественно опасным деяниям организованных, профессиональных, экономических и должностных преступников⁹.

Криминологические исследования показывают, что к 1997 г. латентность преступности приобрела беспрецедентный характер. Стало трудно оценивать фактические тенденции даже тех особо тяжких преступлений, которые оценивались ранее как невысоко латентные¹⁰.

Таблица 3

**Динамика совершения политических убийств
в соотношении с констатацией следствием
события преступления**

Год	Абс.	Доля (%)	Вид политического убийства			
			Явное		Скрытое	
1991	1	2,0	1	2,0	–	–
1992	–	–	–	–	–	–
1993	1	2,0	1	2,0	–	–
1994	1	2,0	1	2,0	–	–
1995	5	10,0	5	10,0	–	–
1996	3	6,0	1	2,0	2	4,0
1997	1	2,0	1	2,0	–	–
1998	5	10,0	5	10,0	–	–
1999	1	2,0	1	2,0	–	–
2000	1	2,0	–	–	1	2,0
2001	1	2,0	–	–	1	2,0
2002	4	8,0	2	4,0	2	4,0

2003	3	6,0	1	2,0	2	4,0
2004	5	10,0	5	10,0	–	–
2005	3	6,0	2	4,0	1	2,0
2006	7	14,0	7	14,0	–	–
2007	8	16,0	6	12,0	2	4,0
Итого	50	100,0	39	78,0	11	22,0

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учеб. СПб., 2006. С. 154.

² См.: Долгова А. И. Криминология. М., 1999. С. 85–86.

³ См.: Brown S., Esbensen F.-A., Geis G. Criminology: Explaining crime and its context. Ohio, 1991. P. 667.

⁴ См.: Гилинский Я. И. Criminology Today. Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2001. № 1(11). С. 29.

⁵ См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М., 1999. С. 37.

⁶ См.: <http://www.rosbalt.nord.ru/print/422333.html>

⁷ Криминальная ситуация на рубеже веков в России. С. 3–4.

⁸ См.: Там же. С. 11.

⁹ См.: Там же. С. 10.

¹⁰ См.: Там же. С. 13.

Об особенностях развития уголовно-исполнительных правоотношений на современном этапе

А. М. ПОТАПОВ — преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Существующая система правоотношений находится в постоянной динамике, отражая процесс развития общества. Уголовно-исполнительные правоотношения, являясь элементом данной системы, подчинены тенденциям совершенствования уголовно-исполнительного права и законодательства, а также правоприменительной практики. В качестве одного из основных факторов, влияющих на развитие указанных правоотношений, выступает реализуемая государством политика в сфере исполнения уголовных наказаний. Именно последняя предопределила процесс формирования уголовно-исполнительного права как самостоятельной отрасли права и, как следствие, самостоятельность уголовно-исполнительных правоотношений.

Смещение акцента на самостоятельность уголовно-исполнительных правоотношений является ключевым в рассматриваемой нами проблеме. Собственно, только данный признак отграничивает существующие правоотношения друг от друга, что позволяет определить перспективы их развития в будущем.

Вопрос о сущности и содержании уголовно-исполнительных (исправительно-трудовых) правоотношений всегда был дискуссионным и, как правило, выступал следствием признания самостоятельности уголовно-исполнительного права.

Так, некоторые ученые (А. А. Герцензон, А. А. Пинотковский) утверждали, что исправительно-трудовое право является подотраслью уголовного права, поскольку при назначении и исполнении наказания преследуются одни и те же цели, а правовая основа исполнения наказания развивает, конкретизирует само наказание¹.

Другие ученые (С. С. Алексеев, О. Э. Лейст) считали, что эта отрасль права, частично обеспечивая реализацию уголовно-правовых правоотношений и определяя таким образом процедуру исполнения наказания, являет собой продолжение уголовно-процессуальной отрасли права².

Тем не менее по мере своего развития исправительно-трудовое право стало считаться самостоятельной отраслью права. Этому мнению придерживались ведущие ученые-пенитенциаристы, стоявшие у истоков формирования данной отрасли: Н. А. Стручков, А. Е. Наташев, М. П. Мелентьев, В. П. Артамонов, Ю. М. Ткачевский, А. С. Михлин, А. И. Зубков и др.

В настоящее время, когда на смену исправительно-трудовому пришло уголовно-исполнительное право и в целом определился его предмет — общественные отношения, складывающиеся при исполнении всех уголовных наказаний, утверждение о том, что уголов-

но-исполнительное право и, как следствие, уголовно-исполнительные правоотношения не являются самостоятельными, потеряло свою актуальность³.

Однако представление о том, что уголовно-исполнительные правоотношения охватывают своим предметом исключительно процесс исполнения уголовных наказаний, назначенных приговором суда исходя из оценки действующего уголовно-исполнительного законодательства, представляется не вполне состоятельным. В частности, это касается правовых институтов, основа которых закреплена в уголовно-исполнительном законодательстве, а часть содержания отражена в иных нормативных правовых актах, то есть налицо их комплексный характер.

Вопрос о данном свойстве уголовно-исполнительного права вообще и уголовно-исполнительных правоотношений в частности уже поднимался в юридической литературе⁴. Так, отдельные авторы признавали исправительно-трудовое право комплексной отраслью в силу того, что оно включало в себя нормы многих отраслей права и соответственно распространяло указанное свойство отрасли и на образующиеся правоотношения⁵.

Проанализируем сложившуюся ситуацию с точки зрения основных признаков, присущих уголовно-исполнительным (исправительно-трудовым) правоотношениям⁶.

Во-первых, они являются частью существующих в данном обществе отношений между людьми.

Во-вторых, они служат средством перевода норм уголовно-исполнительного права в плоскость индивидуализированных связей субъективных прав и юридических обязанностей.

В-третьих, они урегулированы нормами уголовно-исполнительного законодательства.

В-четвертых, отношения между субъектами осуществляются через их юридические права и обязанности на основе норм уголовно-исполнительного права.

В-пятых, уголовно-исполнительные правоотношения характеризуются наличием специальных субъектов этих правоотношений — учреждений и органов, исполняющих наказания, и лиц, осужденных к уголовным наказаниям.

В-шестых, они поддерживаются принудительной силой государства.

Так выглядят основные признаки уголовно-исполнительных правоотношений. В нашем случае два из них, касающиеся регулирования данных правоотношений исключительно нормами уголовно-исполнительного закона и определения круга специальных субъектов, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях, свидетельствуют об изменении их характера.

Например, отдельные положения уголовно-исполнительного законодательства касаются правового положения лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также лиц, отбывших уголовное наказание, что позволяет рассматривать последних в качестве субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. Кроме того, правовой

статус указанных категорий регулируется не только уголовно-исполнительным законодательством, что свидетельствует об их комплексном характере. Речь, в частности, идет об особенностях правового регулирования такой меры пресечения, как заключение под стражу, а также о постпенитенциарной ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание, и осуществлении социального контроля за ними.

Таким образом, рассуждения о расширении уголовно-исполнительных правоотношений и признании их комплексного характера вполне состоятельны. В то же время они вступают в определенное противоречие с положениями доктрины уголовно-исполнительного права.

На наш взгляд, возможны два варианта решения указанной проблемы.

Во-первых, это признание на доктринальном уровне комплексного характера уголовно-исполнительных правоотношений. Исходя из тенденций развития уголовно-исполнительного законодательства можно предполагать, что государство идет именно по данному пути.

Во-вторых, вполне допустимым считаем выделение отдельных групп правоотношений с самостоятельным объектом и содержанием. В частности, если говорить об уже упоминавшихся лицах, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, то, по мнению отдельных авторов, можно вести речь о существовании самостоятельной отрасли (подотрасли) «стражного права» и соответственно «стражных» правоотношений⁷, а в связи с лицами, отбывшими уголовное наказание, допустимо употреблять термин «постпенитенциарные правоотношения».

Кроме того, в случае закрепления правового положения лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, на уровне самостоятельного нормативного акта⁸ можно говорить о существовании самостоятельной отрасли (подотрасли) права с аналогичным названием.

Безусловно, возможны и другие способы решения указанной проблемы. Тем не менее обозначенные направления, как и иные варианты развития уголовно-исполнительных правоотношений, бесспорно, имеют право на существование. Основопологающим фактором при их реализации должен стать процесс взаимозависимости уголовно-исполнительной политики и доктрины уголовно-исполнительного права.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб.: В 2 т. М.—Рязань, 2006. Т. 1. Общая часть. С. 281.

² См.: Там же. С. 282.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Полищук Н. И. Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики. Рязань, 2006. С. 66.

⁵ См.: Пинчук В. И. Исправительно-трудовые правоотношения. М., 1968. С. 18.

⁶ См.: Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. С. 149–150.

⁷ См.: Андреев В. Н. Правовое положение подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. М., 2000. С. 160.

⁸ Полагаем, что таким нормативным актом мог бы стать федеральный закон «О правовом положении лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы».

Вопросы дифференциации ответственности за преступления, посягающие на отношения образования финансов

В. Ф. ЛАПШИН — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В заявленную группу общественно опасных посягательств с учетом норм финансового законодательства России представляется целесообразным включить деяния, предусмотренные ст. 185, 186 и 187 Уголовного кодекса России. Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ) в качестве общественно опасного деяния в действующем уголовном законодательстве были закреплены относительно недавно. Несмотря на безусловную актуальность уголовно-правовой охраны отношений, возникающих в области охраны прав и законных интересов инвесторов, которые осуществляют вложение капитала в ценные бумаги, практическая реализация ст. 185 УК РФ остается весьма незначительной¹. В то же время изготовление или сбыт поддельных денег уже в древнейших источниках отечественного уголовного права рассматривались как тяжчайшее преступление, влекущее наказание вплоть до квалифицированной смертной казни².

В настоящее время изготовление и сбыт фальшивых денег приобрели характер транснационального бизнеса. Это связано как с международным движением национальных денежных единиц различных стран, так и с развитием международной специализации преступных групп многих государств на отдельных стадиях этого преступного бизнеса (изготовление, накопление, реализация)³. Противодействие общественно опасной деятельности данного вида осуществляется как на государственном, так и на международном уровнях⁴, что, к сожалению, не снижает ее масштабы⁵.

Общеизвестно, что эффективность профилактики и противодействия совершению общественно опасных посягательств зависит в том числе от качества техники построения соответствующих норм уголовного законодательства и дифференциации уголовной ответственности, осуществленной в рамках одной или нескольких норм УК. Исследование положений ст. 186 и 187 действующего уголовного закона позволяет сделать вывод о существовании ряда недостатков в данной области. Прежде чем указать на них, представляется целесообразным дать юридический анализ элементов каждого рассматриваемого состава преступления.

Так, непосредственным объектом изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ) являются общественные отношения, сложившиеся в области функционирования денежно-кредитной и фондовой системы государства. Рассматриваемое посягательство, в первую очередь, затрудняет регулирование денежного обращения и подрывает устойчивость национальной валюты. В соответствии с п. 2 ст. 4 и ст. 29 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁶ эмиссия наличных денег (банкнот и монет), организация их обращения и изъятия из обращения на территории Российской Федерации осуществляются исключительно Банком России.

Отнесение преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, к исключительно экономическим уголовно наказуемым деяниям было бы не совсем правильным, поскольку в результате его совершения возможно причинение вреда и государственным интересам. Вследствие этого помимо основного объекта необходимо выделить факультативный объект — отношения по обеспечению экономической безопасности государства. Отношения собственности в данном случае нельзя рассматривать в качестве объекта преступления, поскольку причиненный собственнику вред в результате распространения фальшивых денег или ценных бумаг полностью охватывается ст. 186 УК РФ и дополнительной квалификации по соответствующей статье гл. 21 не требует⁷.

Предметом преступления признаются поддельные: 1) банковские билеты Центрального банка России; 2) металлическая монета; 3) государственные и другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации или иностранной валюте; 4) иностранная валюта.

Банковские билеты Центрального банка России, равно как и металлическая монета, являются средствами наличного денежного обращения России. Это безусловное обязательство Центрального банка России, которое обеспечивается всеми его активами. Металлическая монета — любые виды монет Центрального банка России, в том числе изготовленные из драгоценных металлов (золотые, серебряные, платиновые), если они выпускаются в обращение и не изъяты из него.

В соответствии со ст. 142 ГК РФ ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. Согласно диспозиции ч. 1 ст. 186 УК РФ ценная бумага может быть любого вида. Для квалификации не имеют значения ни то, кем обеспечена ценная бумага, ни вид валюты, в которой определяется ее стоимость.

Иностранная валюта представляет собой денежные знаки, казначейские билеты, металлические монеты и иные средства платежа, находящиеся в обращении в качестве законного платежного средства на территории какого-либо государства. Сюда же следует отнести изымаемые из обращения денежные знаки, подлежащие обмену в соответствии с их номиналом, когда обмен гарантируется государственным банком-эмитентом.

Не могут рассматриваться в качестве предмета данного посягательства денежные средства и ценные бумаги, изъятые из обращения, то есть не обеспеченные ни государственным банком, ни иным эмитентом и представляющие в отдельных случаях лишь коллекционную ценность. Также не являются предметом

преступления фальшивые купюры грубой подделки, так как их участие в денежном обращении исключено. Подобная низкокачественная подделка, равно как подделка с последующей реализацией изъятых из обращения денежных средств, при наличии иных юридически значимых признаков квалифицируется как мошенничество.

Состав преступления, предусмотренного рассматриваемой нормой, является формальным. Объективная сторона представлена двумя альтернативными действиями: изготовлением в целях сбыта и сбытом поддельных денег или ценных бумаг. Для признания преступления окончанным необходимо установить совершение хотя бы одного из перечисленных деяний, однако не исключается возможность последовательного совершения и изготовления, и сбыта изготовленных фальшивых денег или ценных бумаг. Преступление признается окончанным, когда изготовлена хотя бы одна поддельная банкнота, монета или ценная бумага с целью последующего сбыта, независимо от того, удалось ли осуществить ее последующий сбыт, либо когда хотя бы одна фальшивая купюра (монета, ценная бумага) в результате умышленных действий поступила в обращение. Приобретение заведомо поддельных денег или ценных бумаг в целях их последующего сбыта в качестве подлинных рассматривается как приготовление к совершению преступления и квалифицируется по ст. 30 и 186 УК РФ.

Сбыт как деяние, предусмотренное диспозицией ч. 1 ст. 186 УК РФ, подразумевает любые варианты введения в обращение фальшивых денег и ценных бумаг: оплату товаров (работ, услуг), передачу в долг, размен, дарение и т. д. Однако не могут рассматриваться в качестве уголовно наказуемого деяния (сбыта) действия, направленные на отчуждение поддельных денежных знаков и ценных бумаг без цели их введения в легальное обращение: уничтожение, разбрасывание, использование в процессе проведения зрелищных мероприятий, применение для удовлетворения бытовых потребностей и т. п.

Наступившие вредные последствия юридическое значение для квалификации не имеют и учитываются только в процессе назначения наказания. Аналогичным образом решается вопрос в отношении факультативных признаков объективной стороны: способ, время, обстановка и т. д. Они также не влияют на квалификацию, но обязательно учитываются при определении срока или размера назначаемого наказания.

Субъект преступления является общим, что не характерно для подавляющего большинства финансовых преступлений. Им признается любое физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

Субъективная сторона состава преступления определяется только прямым умыслом. В случаях сбыта поддельных денег или ценных бумаг лицом, которое не участвовало в процессе их изготовления, в содержание умысла включается осознание факта фальшивости денежных средств или ценных бумаг и желание пустить их в легальное обращение.

При привлечении к ответственности за изготовление поддельных денег или ценных бумаг необходимо

установить наличие у виновного цели их последующего сбыта. При отсутствии такой цели (в случае спора, развлеченного, демонстрации собственных умений и др.) уголовная ответственность исключается.

Иные факультативные признаки субъективной стороны не предусмотрены диспозицией ст. 186 УК РФ, хотя сущность совершения рассматриваемых действий свидетельствует о наличии у виновного во всех случаях желания незаконно обогатиться (корыстного мотива).

Квалифицирующим признаком рассматриваемого состава преступления является совершение деяния «в крупном размере» (ч. 2), то есть в размере, превышающем 250 тыс. руб. (примечание к ст. 169 УК РФ), а к особо квалифицирующим признакам законодатель относит совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 186 УК РФ, «организованной группой» (ч. 3).

Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187 УК РФ) по соотношению с рассмотренным выше деянием является смежным составом преступления. Разграничение данных составов можно осуществить по таким признакам, как объект и предмет преступления.

В частности, непосредственным объектом в данном случае выступают общественные отношения, сложившиеся в сфере осуществления безналичных расчетов и платежей. Эти отношения регламентируются большим количеством законных и подзаконных нормативных актов, основными из которых являются: ГК РФ, Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ (в ред. от 26.07.2006 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле», Положение об осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт без применения контрольно-кассовой техники⁹ и многие другие.

Предметом преступления являются поддельные кредитные карты, расчетные карты и иные платежные документы, не являющиеся ценными бумагами. Таким образом, данный перечень исчерпывающим не является. Подделываемые карты и платежные документы в момент совершения преступления должны находиться в обращении, то есть обладать способностью использоваться при расчетах, переводах и т. д. В соответствии с положением Центрального банка России от 24.12.2004 г. № 266-П (в ред. от 21.09.2006 г.) «Об эмиссии банковских карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт» выпуск (эмиссия) кредитных и расчетных, а также предоплаченных карт может осуществляться только кредитной организацией.

Кредитная карта предназначена для совершения безналичных платежей за счет денежных средств, предоставленных кредитной организацией-эмитентом клиенту в пределах установленного лимита в соответствии с условиями кредитного договора.

Расчетная (дебетовая) карта служит для совершения безналичных расчетов, платежей и переводов в пределах установленной кредитной организацией-эмитентом суммы денежных средств (расходного лимита), расчеты по которым осуществляются за

счет денежных средств клиента, находящихся на его банковском счете, или кредита, предоставляемого кредитной организацией-эмитентом клиенту в соответствии с договором банковского счета при недостаточности или отсутствии на банковском счете денежных средств (овердрафт).

К иным платежным документам, не являющимся ценными бумагами, можно отнести документы, которые в соответствии с действующим законодательством позволяют производить расчеты и в наличной, и в безналичной форме: чеки, платежные поручения и т. д.

К этой же категории целесообразно было бы отнести и предусмотренную Положением Банка России № 266-П разновидность платежных карт — предоплаченные карты. При их использовании платежи осуществляются кредитной организацией-эмитентом, а сама предоплаченная карта удостоверяет право требования ее держателя к кредитной организации-эмитенту по оплате товаров (работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности) или выдаче наличных денежных средств. Однако буквальное толкование диспозиции рассматриваемой нормы не позволяет отнести фальшивую предоплаченную карту к предмету преступления, поскольку в отличие от кредитной и расчетной карты данный вид не назван в диспозиции статьи.

В соответствии с абзацем 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 29.12.1994 г. № 77-ФЗ (в ред. от 18.12.2006 г.) «Об обязательном экземпляре документов» документом является материальный носитель с зафиксированной на нем информацией в виде текста, звукозаписи (фонограммы), изображения или их сочетания, предназначенный для передачи во времени и пространстве в целях общественного использования и хранения. Таким образом, любые карты кредитных организаций, используемые для осуществления расчетов и переводов, не могут рассматриваться в качестве платежных документов, поскольку не обладают всеми перечисленными в законе признаками документа.

Также не могут быть признаны предметом рассматриваемого преступления поддельные карты эмитентов, предназначенные для получения их держателями предварительно оплаченных товаров, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности или скидок при покупке товаров, оплате выполненных работ или оказанных услуг: топливная, дисконтная, клубная карта, карта постоянного клиента и т. п. Подделка и последующее использование последних при наличии иных юридически значимых признаков может квалифицироваться как мошенничество.

Данным составом не охватывается незаконное приобретение денежных средств по поддельным кредитным, расчетным картам и платежным документам. По этой причине в случаях причинения имущественного ущерба действия виновного должны квалифицироваться по совокупности со ст. 159 УК РФ.

Квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления является совершение деяния организованной группой (ч. 2). Таким образом, дифференциация ответственности за совершение данного преступления осуществлена в незначительном

объеме даже по сравнению с составом, предусмотренным ст. 186 УК РФ. Как это ни парадоксально, но законодатель не посчитал необходимым включить в ч. 2 ст. 187 УК РФ квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а также не учел, что рассматриваемое деяние может причинить гражданам, организациям и (или) государству ущерб, превышающий 250 тыс. или 1 млн руб.

Установление подобного незавершенного варианта дифференциации ответственности за совершенные рассмотренных преступлений, посягающих на отношения образования финансов, может вызывать лишь недоумение, тем более что в теории уголовного права давно уже получила поддержку идея о «блоковом» применении квалифицирующих и особо квалифицирующих однородных признаков, существенным образом увеличивающих степень общественной опасности по сравнению с типовым составом⁹. В данном случае было бы логично применить единый набор взаимосвязанных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков: «группой лиц по предварительному сговору» — «организованной группой», «крупный размер» — «особо крупный размер» (для ст. 186 УК РФ), «крупный ущерб» — «особо крупный ущерб» (для ст. 187 УК РФ), а равно квалифицирующего признака «лицом с использованием своего служебного положения».

Неприменение данных блоков-связок квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков свидетельствует о недостатках дифференциации уголовной ответственности за совершение рассматриваемых деяний, что может быть устранено только посредством внесения изменений и дополнений в ст. 186 и 187 действующего уголовного закона России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См.: Официальный сайт МВД России (www.mvd.ru).
- 2 См. подр.: Рушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV века. Киев, 1991. С. 69 и далее.
- 3 См.: www.omamvd.ru/Data/Obuch/Docs/ch77177/ch88888/uch/ch8p3.htm#4
- 4 См.: Женевская конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков от 20.04.1929 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1933. Вып. VII. С. 40–53.
- 5 Более подробно см.: Пономарева Н. С. Современное фальшивомонетничество требует совершенствования международно-правовых документов в этой сфере // Международное публичное и частное право. 2007. № 1. Правовая система «КонсультантПлюс».
- 6 См.: Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 26.04.2007 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (банке России)» // Правовая система «КонсультантПлюс».
- 7 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Российская газета. 1994. 14 июля.
- 8 См.: Постановление Правительства РФ от 31.03.2005 г. № 171 «Об утверждении Положения об осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт без применения контрольно-кассовой техники» (в ред. от 05.12.2006 г.) // Правовая система «КонсультантПлюс».
- 9 См.: Волжекин Б. В. О дифференциации ответственности за коррупционные правонарушения // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994. С. 165; Кругликов Л. Л., Дулатбеков Н. О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001. С. 64, 67; Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 256–259.

К вопросу о понятии и содержании уголовной политики в отношении несовершеннолетних

Н. А. СОКОЛОВ — старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

С. П. СЕРЕДА — научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Ежегодно в нашей стране несовершеннолетними совершается около 150 тыс. преступлений, их удельный вес в общей массе преступлений не опускается ниже 10,5 %, а в некоторых регионах достигает 16,5 %¹.

Особую тревогу вызывает рост количества групповых преступлений несовершеннолетних. Так, 70 % правонарушений, совершаемых подростками, являются групповыми, причем около 80 % из них совершается в досуговых группах. Наблюдаются тенденции омоложения и ожесточения преступности несовершеннолетних. Абсолютное большинство совершаемых подростками преступлений составляют кражи и хулиганские действия. Вместе с тем в последние годы фиксируется рост количества умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований, совершаемых группами несовершеннолетних².

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости более детального изучения проблемы формирования уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Безусловно, требует совершенствования законодательная база, которая могла бы способствовать эффективному противодействию преступности несовершеннолетних, достижению целей наказания. Однако, на наш взгляд, нельзя ограничиваться рассмотрением лишь законодательного аспекта формирования уголовной политики. Выявление сути проблемы, определение путей повышения эффективности реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних возможно лишь при углубленном рассмотрении вопроса с точки зрения теории юриспруденции. Только при правильном понимании понятия «уголовная политика», компонентов, ее составляющих, возможно решение проблем по ее формированию в действующем законодательстве.

Уголовная политика является составной частью политики государства, ее относительно самостоятельным направлением. И как часть политики государства она в силу специфики своего объекта социального управления, то есть преступности, оказывает прямое и мощное воздействие на политику государства в целом, вплоть до изменения сущности последней. Преступность, корни которой уходят глубоко в экономику, политику и духовную жизнь общества, все больше становится фактором, определяющим все системообразующие элементы³.

Исторически доказано, что искоренить преступность невозможно, поскольку она побочный продукт цивилизации. Более того, ряд криминологов считает, что преступность — это вообще нормальная функция общества, которая выражается в определении границ социального контроля над поведением индивида⁴.

В своей работе «Синергетика и теория современной уголовной политики» Г. Ю. Лесников отметил, что в настоящее время у ученых, политических и государственных деятелей уже нет иллюзий относительно человеческого общества как общества, способного существовать без преступности. Ее уровень никогда не будет стабильным, так как стабилизация с точки зрения неравновесных систем, каковой и является преступность, приводит к еще большей неустойчивости⁵.

В современной науке встречается большое количество определений уголовной политики, причем формулировки понятия отличаются по содержанию, а иногда и вовсе по принципиальным позициям.

Так, Б. В. Здравомыслов полагает, что «уголовная политика — это совокупность взглядов, идей и предостережений, господствующих в обществе на данном этапе, об основных направлениях, средствах и путях борьбы с преступностью»⁶. На наш взгляд, такая формулировка не охватывает полностью понятия уголовной политики, так как она должна включать в себя и практическую сторону, то есть деятельность органов государственной власти. Данное же определение охватывает только идеологический, теоретический уровень политики государства в сфере борьбы с преступностью. Высказанные представителями государства идеи, взгляды, намерения о методах, формах, направлениях, средствах борьбы с преступностью еще не формируют уголовную политику, а являются лишь ее частью. В большей степени о направлениях, тенденциях в уголовной политике, о ее состоянии можно судить по конкретным действиям различных субъектов, складывающимся в определенную систему. Именно эта система и образует то, что следует называть уголовной политикой государства.

Кроме того, в литературе встречаются определения, в которых ученые рассматривают уголовную политику в узком и широком смысле⁷. Однако, по нашему мнению, такое деление лишь приведет к путанице в понимании содержания уголовной политики.

В традиционной юридической литературе содержание уголовной политики иногда рассматривается как управление традиционными методами борьбы с преступностью, что, как справедливо отмечает Д. И. Чистов, является научной тавтологией⁸. Содержание уголовной политики не сводится к управлению методами борьбы с преступностью. Управление является внешним выражением уголовной политики, отражая формы ее осуществления. Содержание же составляют конкретные методы, меры, мероприятия, действия отдельных субъектов в сфере борьбы с преступностью, их реальное воплощение и реализация

на практике. В содержание уголовной политики входят ожидаемые и достигнутые результаты в сфере борьбы с преступностью.

В то же время представляется достаточно спорной точка зрения Д. И. Чистова, считающего некорректным семантическое звучание, осмысление института уголовной политики⁹. Как отмечает Д. И. Чистов, «поскольку слова “уголовник”, “уголовный” в русском языке связаны с совершением преступления, преступником, то уголовная политика дословно истолковывается как преступная политика государства. В современной школе кибернетики уголовного права она заменяется на уголовно-правовую политику»¹⁰.

Если следовать этой логике, то необходимо признать некорректными и такие понятия, как «уголовное право», «уголовный закон», «уголовный кодекс», которые основательно вошли в юридическую терминологию, юридическую науку и не могут быть заменены другими терминами. Кроме того, уголовная и уголовно-правовая политика — это различные понятия, обозначающие различные уровни общей политики государства в борьбе с преступностью. При этом уголовная политика понимается в более широком смысле, а уголовно-правовая политика рассматривается в качестве одной из ее составляющих. Такого мнения придерживается А. И. Александров, определяющий уголовную политику как «направление деятельности правотворческих и правоприменительных органов государственной власти по выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений»¹¹.

Данное определение уголовной политики нельзя считать безупречным, так как автор не включает в него реализацию выработанных положений уголовного законодательства. Однако А. И. Александров выделяет пять составных частей уголовной политики: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-розыскную, уголовно-предупредительную и уголовно-исполнительную¹².

С таким широким пониманием уголовной политики соглашаются и некоторые другие авторы. Уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную составляющие в уголовной политике выделяет, например, Н. И. Газетдинов¹³. При этом различие между данными направлениями уголовной политики автор видит не в сферах отношений, в которых они осуществляются, не в правовой основе, методах, средствах или результатах их осуществления, а в том, что уголовно-правовая политика в большей степени определяется законодательным процессом, наличием законов, а уголовно-процессуальная политика реализуется в большей степени путем воздействия на общественные отношения, как правило, с помощью норм-принципов, имеющих более общий характер¹⁴. Такое представление о направлениях уголовной политики является абстрактным и не позволяет определить ее структуру и содержание.

Рассматривая различные составляющие уголовной политики в отношении несовершеннолетних приходится констатировать, что политика эта осуществ-

ляется теми же самыми методами и средствами, что и в отношении совершеннолетних лиц.

Психологические особенности несовершеннолетних, особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в соответствии с нормами УК РФ, особенности исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, отдельный вид исправительного учреждения, предназначенный для содержания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, особенности в криминологической характеристике несовершеннолетней преступности — все это дает право говорить об уголовной политике в отношении несовершеннолетних, однако не как об отдельной особой системе, а лишь как об одном из направлений уголовной политики в целом.

Необходимость формирования особой уголовной политики в отношении несовершеннолетних вызывает оживленные дискуссии ученых¹⁵. При этом высказываются достаточно резкие доводы по поводу того, что законодатель не сформулировал новый взгляд на «детский» уголовный процесс как на процедуру воспитательную и охранительную, а нормы международного права, несмотря на постановление Пленума Верховного Суда РФ, пока не закрепились и не работают¹⁶. С первым утверждением можно согласиться, поскольку существенных изменений, преобразований в уголовной политике в отношении несовершеннолетних пока не произошло. Самостоятельная, отдельная система ювенальной юстиции в России пока не создана. Однако со вторым утверждением мы согласиться в полной мере не можем.

За последние несколько лет в России проведена значительная работа по развитию ювенального законодательства. Активная законодательная деятельность, направленная на защиту прав несовершеннолетних, создание для этого твердых гарантий, реализующихся в том числе и в процессе правосудия, отмечена в докладе ООН о реализации Российской Федерацией Конвенции о правах ребенка¹⁷.

В последние годы активно обсуждаются вопросы, связанные с ювенальной юстицией в России. Социальная потребность в создании ювенальной юстиции связана, прежде всего, с необходимостью нормализации условий жизни и воспитания детей и подростков путем защиты их прав и свобод, оказания правового воздействия на лиц, обязанных осуществлять их воспитание, обучение, подготовку к труду, охрану здоровья¹⁸.

При этом зачастую создание ювенальной юстиции связывают только с созданием специальных судов по делам несовершеннолетних. Однако ювенальный суд не является основным и, как мы считаем, обязательным элементом ювенальной юстиции. Его создание и функционирование в условиях российской правовой культуры целым рядом ученых ставится под сомнение¹⁹. Ювенальное правосудие не сводится лишь к ювенальным судам, а подразумевает специфическую систему государственных органов и институтов гражданского общества²⁰.

Главное направление принципа ювенальной юстиции заключается в том, что производство по таким делам должно быть ориентировано на применение к подросткам не уголовного наказания, а иных принудительных мер воспитательного характера, и обес-

печение мер по возмещению материального ущерба потерпевшему, то есть иных некарательных мер реабилитационного характера, как, например, предлагаемые сегодня меры восстановительного правосудия²¹.

Как справедливо отмечают А. И. Зубков и В. И. Зубкова, «роль принуждения, наказания (кары) нельзя недооценивать, но и ни в коем случае не следует и переоценивать, видя в них залог успеха в борьбе с таким социальным недугом, каким является преступность. Они должны быть достаточными и дополнять усилия государства и общества в устранении причин преступности, носящих прежде всего социальный характер и находящихся в недрах нашего бытия»²². Ювенальная юстиция немыслима без программ ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя. В реализацию этих программ должны включаться все государственные учреждения, общественные организации, семья, учебные заведения, поскольку, как отмечают психологи, направляющая и ведущая роль в социализации подростков принадлежит воздействию среды, и особенно микросреды — семьи и ближайшего окружения²³.

Таким образом, возрастные особенности несовершеннолетних правонарушителей, особенности в криминологической характеристике, в предупреждении и профилактике преступности несовершеннолетних позволяют говорить об отдельной государственной уголовной политике, осуществляемой в отношении несовершеннолетних. При этом, проанализировав мнения различных ученых, под уголовной политикой в отношении несовершеннолетних следует понимать организованную и реализуемую государством при содействии представителей общественности деятельность, направленную на формирование и реализацию норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного права, а также осуществление иных мер специального и общесоциального характера в целях борьбы с преступлениями и иными правонарушениями несовершеннолетних.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Информационный сборник ГИЦ МВД России. М., 2007. С. 33.

² См.: Костина Л. Н. Групповая преступность несовершеннолетних в современной России // Право и политика. 2007. № 3. С. 23.

³ См.: Гребцов О. В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 2.

⁴ См.: Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 19–20.

⁵ См.: Лесников Г. Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. 2004. № 3. С. 27–31.

⁶ Уголовное право: Учеб. / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 2006. С. 11.

⁷ См.: Босхолов С. С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 32; Миньковский Г. М. О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР // Конституционно-правовые основы организации и деятельности ОВД. М., 1982. С. 82–83.

⁸ См.: Чистов Д. И. Конституционному реформированию уголовно-правовой политики — кибернетический подход // Юридический мир. 2006. № 10. С. 15.

⁹ См.: Там же. С. 16.

¹⁰ Там же.

¹¹ Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. СПб., 2003. С. 9.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Газетдинов Н. И. Современная уголовная политика и отечественная доктрина о принципах уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 18.

¹⁴ См.: Там же. С. 18.

¹⁵ См.: Трунов И. Л., Айвар Л. К. Вопросы уголовного права и уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 27.

¹⁶ См.: Там же. С. 28.

¹⁷ См.: Телешева-Курицкая Н. А. Некоторые показатели эффективности ювенального законодательства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 1. С. 36.

¹⁸ См.: Зиядова Д. З. Проблемы создания ювенальной юстиции // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 2. С. 13.

¹⁹ См.: Ведерникова О. Н. Современные тенденции развития ювенальной юстиции за рубежом // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 73; Марковичева Е. В. Правосудие для несовершеннолетних в контексте проблем Российской правовой культуры // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1. С. 207.

²⁰ См.: Марковичева Е. В. Указ. соч. С. 208.

²¹ См.: Гуськова А., Ширшов Е. Проблемы ювенальной юстиции в России // Уголовное право. 2006. № 2. С. 125.

²² Зубков А. И., Зубкова В. И. Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 24.

²³ См.: Цветков В. Л. Проблемы преступности несовершеннолетних: психологические особенности малолетнего преступника // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 4. С. 128.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Организационно-правовые проблемы взаимодействия служб (отделов) исправительного учреждения в обеспечении правопорядка и безопасности осужденных

В. Б. ШАБАНОВ — начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

А. Л. ЛУКЬЯНОВИЧ — преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Академии МВД Республики Беларусь

Исполнение наказания в виде лишения свободы в настоящее время, на наш взгляд, следует рассматривать с точки зрения задач обеспечения правопорядка и личной безопасности осужденных в период отбывания наказания, так как новое уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь предусматривает существенное изменение подходов в этой сфере. В таких условиях важны не только провозглашение прав человека, но и их обеспечение, разработка эффективного механизма защиты. Механизм результативен только в том случае, если он в практической деятельности имеет систематический и упреждающий характер.

Совершенно очевидно, что современные проблемы функционирования исправительного учреждения имеют глубокие исторические корни, а их решение немалозначимо без объективного учета опыта прошлого, отразившего как моменты развития, изменения данного института, так и элементы преемственности, длительного сохранения, в том числе негативные, а также нерешенности ряда принципиально значимых вопросов.

Анализ законодательства, а также практики его реализации показывает, что обеспечение требований режима осуществляется через комплексную систему мер, реализуемых различными структурными подразделениями ИУ. В связи с этим остро встает вопрос о деятельности различных служб (отделов) ИУ и их взаимодействии в обеспечении правопорядка и безопасности осужденных. Н. П. Барабанов и С. А. Кутуков отмечают: «Взаимодействие не должно быть стихийным, оно требует создания правовых и функционально-организационных основ»¹. Как показывает анализ нормативной правовой базы, правовое регулирование вопросов взаимодействия структурных подразделений ИУ разрешено лишь на уровне установления функциональных обязанностей работников этих служб. В такой ситуации говорить об организационной стороне и правовой регламентации не имеет смысла, поскольку имеет место ряд недостатков, которые, на наш взгляд, заключаются в следующем: в функционировании большинства ИУ заметна тенденция к разобщенности деятельности структурных подразделений. Это обусловлено тем, что в ходе выполнения оперативно-служебных задач руководители обозначают в качестве приоритета не

общую цель, стоящую перед ИУ, а отдельные виды деятельности своих структурных подразделений. В связи с этим каждый сотрудник считает свой участок работы наиболее важным, и в результате имеет место скрытое или явное противостояние между службами (отделами) ИУ. Это приводит к профессиональной, моральной и психологической разобщенности, сокрытию недостатков в своей деятельности. Руководитель же не получает объективной информации о состоянии дел в целом по учреждению, а следовательно, и конкретно по каждому осужденному. Необходимость в качественном взаимодействии, на наш взгляд, обусловлена еще и тем, что большинство осужденных, совершающих в ИУ противоправные деяния, уже имеют представление о характере деятельности администрации ИУ в сфере обеспечения правопорядка и безопасности и в надежде уйти от ответственности за содеянное пытаются в различной форме затруднить соответствующую работу.

Всегда случаи нарушения правопорядка и возникновения угрозы личной безопасности осужденных в той или иной мере влекут создание чрезвычайных ситуаций, которые мгновенно могут привести к изменению оперативной обстановки, связанной с состоянием правопорядка в учреждении. Поэтому деятельность по обеспечению режимных требований должна иметь комплексный характер.

Таким образом, необходимо отойти от сложившихся стереотипов по поводу важности или значимости работы того или иного структурного подразделения, так как деятельность любого из них вносит определенный вклад в деятельность другого, а координатором всего должен выступать начальник ИУ.

Однако некоторые виды деятельности носят закрытый характер в силу специфики выполняемых функций и форм достижения результата. Одна из сложных задач по обеспечению правопорядка в исправительных учреждениях — выявление осужденных, не отказавшихся от совершения преступлений, склонных к нарушению установленного порядка отбывания наказания, а также каналов и источников поступления в исправительные учреждения запрещенных предметов и веществ². Согласно закону такие функции выполняют работники оперативных и

режимных подразделений, осуществляя комплекс оперативно-розыскных, режимных и индивидуально-профилактических мероприятий по раскрытию, предупреждению и профилактике правонарушений со стороны осужденных. Именно эти подразделения, по мнению Н. П. Барабанова и С. А. Кутукова, должны выступать инициаторами организации внутреннего взаимодействия между всеми службами учреждения³. С этим положением мы не можем в полной мере согласиться, так как в таком случае нарушается баланс в инициативе реализации со стороны иных служб и отделов (воспитательного, медицинского, производственного и других структурных подразделений ИУ) информации о нарушении прав и возникновении угроз личной безопасности осужденных.

Исходя из этой позиции следует выделить основные направления деятельности различных структурных подразделений ИУ, в первую очередь в плане обмена информацией для организации профилактической и предупредительной работы по стабилизации правопорядка и безопасности осужденных. Так, работники воспитательного отдела, используя методы психолого-педагогического воздействия на осужденных, могут выявлять среди них тех, кто предрасположен к созданию угроз личной безопасности других осужденных и тем самым совершению правонарушений.

В целях повышения эффективности надзора за осужденными большое внимание должно уделяться вопросам взаимодействия между оперативным, режимным подразделениями, начальником отряда, производственным отделом, дежурной службой, а также военнослужащими, осуществляющими охрану осужденных и надзор за ними.

С позиции обеспечения выполнения осужденными режимных требований важное значение приобретает взаимодействие медицинской службы с работниками иных подразделений, так как медперсонал имеет большие возможности для изучения личности осужденного. Результаты последнего могут быть использованы как начальником отряда, так и другими сотрудниками.

Взаимный обмен информацией между структурными подразделениями без боязни вскрыть просчеты в своей деятельности позволит выработать более эффективные и оперативные меры воздействия индивидуального и общепрофилактического характера, направленные на стабилизацию обстановки в ИУ.

Большую роль в процессе взаимодействия между структурными подразделениями ИУ призваны сыграть технические средства надзора и контроля за поведением осужденных, которые выполняют функции защиты осужденных, регистрации событий правонарушений и т. д. В соответствии со ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания, а также получения необходимой информации о поведении осужденных.

Однако следует отметить, что одной из проблем, влияющих на эффективность деятельности УИС, является недостаточное развитие технических средств контроля и надзора за осужденными.

Кроме того, следует обратить внимание на такую личностную особенность сотрудников, как требовательность по отношению к осужденным. Хотя это не закреплено в законодательстве, но надо отметить актуальность данного вопроса. Так, например, Н. А. Стручков относит требовательность администрации к средствам обеспечения режима⁴.

В настоящее время прослеживается тенденция к снижению требовательности администрации в лице молодых сотрудников, не имеющих опыта работы или по своим морально-деловым качествам неспособных к требовательному обращению к осужденным. Однако необходимо помнить, что требовательность не должна переходить в беззаконие и несправедливость. Стоит пересечь эту грань, как требования режима перестают вызывать у осужденного нужную реакцию, наступает чувство безысходности и безразличия ко всему. В таких ситуациях обеспечение своих прав осужденные расценивают не как должное, а как льготу, предоставляемую по усмотрению администрации.

Сложившиеся за многие годы существования мест лишения свободы авторитарные методы воздействия на осужденных, в основе которых зачастую лежат умышленно жесткие санкции, использование властных полномочий вразрез с законом, обязывают осужденных спланиваться для отпора. Из-за этого углубляются противоречия между администрацией и осужденными, что всегда приводит к возникновению психологического барьера (неумение сотрудника и нежелание осужденного понять друг друга). Значимость решения данной проблемы в деятельности ИУ делает необходимым существенное повышение профессиональной и психологической компетентности сотрудников.

Представляется, что для эффективного взаимодействия структурных подразделений ИУ в сфере обеспечения правопорядка и безопасности осужденных должны учитываться следующие факторы:

— тенденции возникновения нарушений правопорядка и угроз безопасности осужденных;

— достоверность выводов об условиях жизнедеятельности осужденных, проведение с ними воспитательной работы, организация режимно-профилактических мероприятий и трудового использования;

— объективность анализа деятельности всех структурных подразделений и каждого сотрудника по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, их профессиональных качеств и способностей, необходимых для выполнения поставленных задач, а также их информирование о проблемах деятельности учреждения в целях выработки прогнозных решений по улучшению мер обеспечения правопорядка и безопасности осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Барабанов Н. П., Кутуков С. А. Организация взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения по обеспечению правопорядка // Человек: преступление и наказание. 2003. № 4. С. 9.

² См.: Там же. С. 12.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 229.

Об основных направлениях профилактики женской преступности

Н. П. КИМ — заместитель начальника Академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан по научной работе, доктор педагогических наук, профессор;

А. В. КЕНЖАЛИЕВА — магистрант Костанайского юридического института Комитета УИС Министерства юстиции Республики Казахстан

Анализируя общую структуру женской преступности, а также уголовно-правовую характеристику лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, исследователи-юристы указывают на устойчивую тенденцию увеличения удельного веса преступниц, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления, а также обращают внимание на тенденцию к увеличению числа женщин, вовлеченных в сферу незаконного оборота наркотиков. Женщины стали заниматься сбытом и перевозкой наркотиков особенно активно, причем возрастные показатели виновных различны — от 10 до 60 лет. Во многих случаях их толкает на совершение преступления, о котором они раньше и не помышляли, открывшаяся нужда. Не только в регионе печально известной Шуйской долины, городе Темиртау, но и в других городах и селах республики, на железнодорожных станциях и перегонах участились случаи задержания наркокурьеров и сбытчиц наркотиков, давно перешагнувших пенсионный барьер, а также нарушительниц школьного возраста¹.

Предупреждение незаконного оборота наркотиков зависит от эффективности целого комплекса средств, имеющих различную идеологическую, правовую и организационную природу.

Наряду с общим предупреждением немаловажную роль играет и такой элемент уголовно-правового предупреждения, как специальная превенция.

Специальное предупреждение как процесс воздействия на конкретную личность, виновную в совершении преступления, предусмотренного ст. 246 Уголовного кодекса Республики Казахстан, реализуется через воздействие уголовного закона, деятельность правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью, и воздействие уголовного наказания.

В этой связи, по мнению исследователей, большой резерв в плане расширения возможностей использования системы наказаний для воздействия на организаторов наркобизнеса содержится в таком наказании, как штраф, ведь доходы последних добыты незаконным путем.

В отличие от наркомании женский наркобизнес представлен участницами более зрелого возраста, у которых уже накоплен жизненный опыт, сформированы ориентиры, имеются устоявшиеся принципы и взгляды на жизнь. Это наводит на мысль о существовании тенденции осознанного участия женщин в незаконном распространении наркотиков.

В системе специальных правовых мер предупреждения особое место отводится уголовно-правовой борьбе с наркопреступностью, которая заключается

в воздействии специфическими средствами на сознание людей в целях устранения личностных причин совершения преступных деяний.

В свою очередь уголовно-правовое предупреждение наркопреступлений как часть системы предупредительного воздействия на преступность имеет определенный набор средств, обеспечивающих его успешное применение.

В данный момент в Казахстане 2568 тыс. женщин разных возрастов, национальностей, социального положения находятся в местах лишения свободы, и, как показывают данные Комитета УИС Министерства юстиции Республики Казахстан, уровень женской преступности не уменьшается.

Специфична криминологическая характеристика личности женщины-преступницы. Несколько лет назад среди женщин, отбывающих наказание, было больше представительниц старшего возраста. Так, например, в осуществленной выборке лица в возрасте от 16 до 17 лет составили 1 %; от 18 до 19 лет — 1 %; от 20 лет до 21 года — 1,5 %; от 22 до 24 лет — 3 %; от 25 до 29 лет — 22 %; от 30 до 34 лет — 38 %; от 35 до 39 лет — 15 %; от 40 до 49 лет — 13,5 %; от 50 до 59 лет — 2 %; от 60 лет и старше — 3 %².

Центром изучения общественного мнения (ЦИОМ) было проведено исследование в женской колонии поселка Жаугашты Алматинской области. По данным ЦИОМ можно проследить, что более половины женщин, отбывающих наказание в колонии, это преступницы в возрасте от 16 до 35 лет³. Налицо тенденция к омоложению женской преступности.

Профилактика женской преступности, особенно в плане предупреждения повторных преступлений, связана с установлением практики исполнения наказания, отвечающей принципам максимальной его индивидуализации. Так, в ходе опроса работников женских исправительно-трудовых колоний и следственных изоляторов перед ними, в частности, ставился такой вопрос: осужденные за какие преступления (виды преступлений) женщины имеют наибольший объем социально положительных навыков и наиболее восприимчивы к мерам профилактического воздействия? В результате 43,7 % опрошенных ответили, что такими являются лица, осужденные за хозяйственные, должностные преступления и совершившие крупные хищения. 42,3 % поставили на первое место впервые осужденных за тяжкие преступления на бытовой почве — убийства и нанесение телесных повреждений. К наиболее «сложным» в плане восприятия профилактических мер воздействия были отнесены лица, совершившие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, а также осужденные за хулиганство.

На вопрос, какая возрастная категория осужденных женщин наиболее невосприимчива к мерам исправительно-воспитательного воздействия в местах лишения свободы, ответы распределились следующим образом: от 14 до 17 лет — 25,1 %, от 18 до 24 года — 37,5 %, от 25 до 30 лет — 22,6 %, от 31 до 40 лет — 12,3 %, от 41 до 50 лет — 0,9 %, старше 50 лет — 1,6 %. Как видно из приведенных данных, основную массу (85,2 %) составляют женщины молодого возраста и несовершеннолетние.

На вопрос, существует ли необходимость в функционировании специальных психологических служб помощи в женских колониях или эти функции могут выполнять представители администрации, 81,2 % респондентов указали, что такая необходимость существует, причем 59 % пояснили в своих ответах, что специалисты этих служб должны быть вольнонаемными лицами, а не находиться в служебном подчинении у администрации учреждений⁴.

Для предупреждения женской насильственной преступности важное значение имеют и меры общесоциальной профилактики, функция которой последовательно осуществляется всем прогрессивным развитием общества. Она связана с наиболее производительными и масштабными видами деятельности, требует реализации значительных мер по развитию экономики, обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан, укреплению культуры, морали и законности, социальной защищенности населения. Эти мероприятия имеют более масштабные цели, чем борьба с преступностью и предупреждение преступности, и таким образом общесоциальная профилактика преступлений выходит за рамки не только предупреждения (профилактики) преступлений, но и борьбы с преступностью.

Во всех перечисленных видах деятельности есть важный криминологический аспект: они служат основой специальной профилактики, поскольку их направленность на решение задач социального развития создает предпосылки ограничения преступности, противодействует криминогенным факторам.

В данном контексте нельзя не согласиться с мнением Ю. М. Антоняна, утверждающего, что не-

льзя надеяться на снижение уровня преступности, если не будут решены вопросы снабжения населения необходимыми товарами и услугами, если не будет значительно улучшена воспитательная работа и не снижена социальная напряженность в обществе. Как раз эти обстоятельства, вызывающие преступность в целом и отдельные преступления, особенно болезненно сказываются на женщинах, которые более эмоционально реагируют на все. Нельзя забывать и о социальной защищенности женщин, их неравноправном, несмотря на все декларации, положении в обществе по сравнению с мужчинами⁵.

Не вступая в полемику по данной проблеме, приведем мнение академика Д. С. Лихачева: «Нужно ясно осознавать, что к преступности ведут отсутствие нормальной жизни в семье, нищета в соседстве с окружающим богатством, плохая постановка начального и среднего образования, неуважение к закону, вызванное существующей зависимостью его от власти и денег. Поэтому, я убежден, с преступностью нужно бороться не только судебными решениями, но частично меняя уклад нашей жизни».

Вопросы профилактики преступлений сегодня требуют своего законодательного решения. Жизнь показывает необходимость единообразного подхода органов прокуратуры, юстиции, внутренних дел и судов к использованию превентивных норм права, законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Алауханов Е. О. Криминологическая характеристика преступности среди женщин // Фемида. 2006. № 11(131). С. 13.

² См.: Курманбекова Ш. В. Проблемы женского наркотизма в Республике Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2000. С. 11.

³ См.: Зайналова Е. Женская преступность // Мысль. 2007. № 12. С. 35.

⁴ См.: Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане. Алматы, 1998. С. 90–102.

⁵ См.: Бондар А. Профилактика преступности и ее результаты // Законность. 2002. № 9. С. 4.

Предупреждение аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы

М. Ю. КАШИНСКИЙ — преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Происходящие в нашем обществе демократические изменения в полной мере затрагивают и уголовно-исполнительную систему, началом реформирования которой в Республике Беларусь по праву можно считать введение в действие нового уголовно-исполнительного законодательства, отражающего последние достижения отечественной пенитенциарной науки и зарубежный опыт.

Направленность государства и его институтов на приоритет общечеловеческих ценностей, уважение прав и свобод граждан ставит принципиально новые

задачи перед сотрудниками органов и учреждений УИС, прежде всего, в плане обеспечения основных конституционных прав человека: на жизнь, охрану здоровья, защиту жизни человека от любых противоправных посягательств, используя при этом правовые способы их защиты¹. В соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными Организации Объединенных Наций, «ничто не может быть важнее, чем необходимость создания в тюрьмах безопасных условий для жизни, здоровья и личной неприкосновенности», поскольку «заключенные, персонал, общество должны быть защищены от

любого насилия и угроз для жизни и здоровья»². Данные положения во многом отражены во вступивших в действие с 1 января 2001 г. новых Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь (например, ст. 2, 3 УК Республики Беларусь, ст. 8, 10, 11 УИК Республики Беларусь)³.

Вместе с тем, как показывает практика, признание перечисленных прав в качестве высших социальных ценностей далеко не всегда соответствует степени их законодательной регламентации. Одним из явлений, препятствующих реализации осужденными и лицами, содержащимися под стражей, гарантированного законодательством Республики Беларусь права на жизнь, охрану здоровья и личную безопасность, выступает малоизученное аутодеструктивное (само-разрушительное) поведение. Оно включает в себя как явные самоповреждающие действия (самоубийство, суицидальные попытки, членовредительство, голодовка), так и действия, ведущие к саморазрушению личности (злоупотребление алкоголем, наркотиками, сильнодействующими медикаментозными средствами и т. д.).

Аутодеструктивное поведение, не будучи уголовно наказуемым деянием, в силу своей имманентной направленности на саморазрушение приобретает особую актуальность в его изучении и предупреждении, поскольку речь идет об одной из основных ценностей государства — человеческой жизни, здоровье его граждан.

Нами были изучены, проанализированы и обобщены материалы о 471 факте аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в местах лишения свободы, за период с 2001 по 2006 гг., в том числе и материалы о 85 самоубийствах в учреждениях УИС. Кроме того, мы провели анонимное анкетирование и интервьюирование 423 лиц, содержащихся в 9 учреждениях УИС, и 241 сотрудника, занимающего различные должности в органах и учреждениях УИС.

Необходимо подчеркнуть, что проблема значительно обостряется, если учесть криминализованность среды мест лишения свободы, особенности общения осужденных между собой (существующие и поддерживаемые большинством осужденных нормы и правила тюремной субкультуры), которые приводят к тому, что в ряде случаев аутодеструктивное поведение, особенно его крайнее проявление — самоубийство, является следствием психического или физического насилия, в том числе уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 145, 146, 167, 170 УК Республики Беларусь, совершенных в период содержания лица в местах лишения свободы. Согласно имеющимся данным, большинство самоубийств (65,8 %) совершено лицами, впервые оказавшимися в учреждениях УИС, при этом 48 % самоубийц не отбыли и года в учреждениях УИС. Следовательно, можно констатировать, что для данной категории граждан государство в лице конкретных учреждений УИС не смогло адекватно реализовать основную цель уголовной ответственности — исправление лиц, совершивших преступление (особенно для лиц, впервые преступивших уголовный закон), не говоря уже о защите гарантированного Конституцией права на жизнь (ст. 24) и УИК Республики Беларусь права на охрану здоровья и личную безопасность (ст. 10, 11).

Кроме того, как показало проведенное исследование, аутодеструктивное поведение не только пре-

пятствует достижению целей наказания, но и влияет на сущность уголовно-исполнительных правоотношений. Его повышенная общественная опасность состоит также в том, что оно негативно влияет на оперативную обстановку в учреждениях УИС, препятствует организации режима исполнения и отбывания наказания, дезорганизует деятельность следственных изоляторов и исправительных учреждений, оказывает отрицательное психологическое воздействие на осужденных, отрицательно сказывается на безопасности всех лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

С правовой точки зрения аутодеструктивное поведение лиц, содержащихся в учреждениях УИС, особенно его несуйцидальные формы (членовредительные, голодовки, демонстративные попытки суицида) зачастую носит ярко выраженный криминогенный характер и нередко сопровождается различными правонарушениями, общественная опасность которых значительно возрастает в местах лишения свободы. Это, в свою очередь, может быть использовано отрицательно настроенной частью осужденных для совершения уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 410–411 УК Республики Беларусь, в том числе для организации акций группового неповиновения и массовых беспорядков. Возникнув и «удачно разрешившись», они распространяются среди осужденных, зачастую посягая на общественную безопасность и общественный порядок в ИУ, создавая при этом реальную угрозу жизни и здоровью не только для самих осужденных (лиц, содержащихся под стражей), но и для сотрудников СИЗО и ИУ и в целом угрожая безопасности деятельности учреждения УИС.

Нами установлено, что к несуйцидальными формами аутодеструктивного поведения (прежде всего к членовредительству) в учреждениях УИС чаще всего прибегают неоднократно судимые лица. Так, 21,6 % сотрудников и 27 % осужденных считают, что лица, склонные к совершению самоповреждений, чаще других совершают правонарушения в ИУ (СИЗО), не позволяют эффективно организовать перевоспитание осужденных, кроме того, это порой приводит к групповым эксцессам и тяжким преступлениям⁴. Так, в 2005 г. в 8 учреждениях УИС России, а в 2007 г. в 3 учреждениях УИС России отмечены случаи массового членовредительства осужденных и последующих беспорядков в ИУ⁵.

Принимая во внимание, что аутодеструктивное поведение представляет собой сложный феномен, ассоциированный с множеством факторов психологической, социальной и биологической природы, представляется, что решение проблемы аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях УИС, может быть обеспечено только при системно-комплексном, междисциплинарном подходе, объединяющем усилия специалистов разного профиля (юристы, психологи, медицинские работники, социологи, педагоги и т. д.) к его изучению, выявлению, нейтрализации и противодействию его распространения путем выработки единой стратегии и тактики действий всех подразделений (оперативный, режимный, психологический, медицинский и воспитательный отделы), при комплексном осуществлении всех видов и форм профилактической работы, проводимых в учреждениях УИС, в том числе с активным привлечением к данной работе религиозных объединений, общественных организаций, отдельных граждан.

Исходя из этого нами разработан и обосновывается новый подход к организации деятельности по предупреждению аутодеструктивного поведения в учреждениях УИС⁶.

Предупреждение аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях УИС, — это система специальных и общесоциальных мер, осуществляемых государством и обществом и направленных на борьбу с аутодеструктивным поведением в местах лишения свободы, устранение его социально-негативных последствий и формирование у лиц, содержащихся в учреждениях УИС, установок на право-послушное поведение. В зависимости от масштаба и уровня применения мы выделяем меры общегосударственного, ведомственного (пенитенциарного) и общественного (негосударственного) уровней.

Общегосударственный уровень предупреждения аутодеструктивного поведения в учреждениях УИС включает в себя комплекс правовых и организационных мер по предотвращению и пресечению аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях УИС, в рамках реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства как системы в целом.

Правовые меры общегосударственного уровня включают в себя законодательные подходы к решению рассматриваемой нами проблемы, которые в зависимости от источника нормативного регулирования целесообразно разделить на следующие группы: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные меры. В их рамках мы выделяем меры общего характера, направленные на предупреждение преступности и пресечение любых правонарушений в учреждениях УИС, а также на достижение целей уголовного наказания и закрепления достигнутых результатов исправительного воздействия, и специальные меры, направленные на предотвращение и пресечение аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях УИС.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что уголовное наказание является не только необходимым, но и наиболее эффективным средством борьбы с криминалом. Важно также учитывать, что организация процесса исполнения уголовного наказания должна осуществляться таким образом, чтобы соотношение его эффективности (достижение всех целей уголовной ответственности) и затрачиваемых средств было оптимальным. В этой связи мы полагаем, что одним из наиболее эффективных системных направлений решения проблемы предупреждения аутодеструктивного поведения в учреждениях УИС является разработка и совершенствование правовых мер общегосударственного уровня, а также комплексов всех профилактических мероприятий по нейтрализации аутодеструктивного поведения.

Согласно результатам исследования основной причиной аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях УИС, являются так называемые пенитенциарные причины, имеющие место исключительно в местах лишения свободы, связанные с влиянием специфической среды и особыми конфликтными отношениями, характерными для ИУ и СИЗО, возникающими как по горизонтали (осужденный — осужденный), так и по вертикали (сотрудник УИС — осужденный). Данная группа причин во мно-

гом обусловлена самой природой такого вида уголовного наказания, как лишение свободы, которое наиболее существенно деформирует правовой статус гражданина, меняет весь его образ жизни.

«Будучи в целом позитивным инструментом регулирования общественных отношений, наказание в виде лишения свободы при его исполнении порождает определенные негативные последствия, прежде всего, социально-психологического характера»⁷. Как показало проведенное исследование, попадание в ИУ (СИЗО) (особенно впервые) часто ввергает осужденного к лишению свободы в депрессию, которая усугубляется сложностью адаптации к новым (для большинства лиц с суицидальными формами аутодеструктивного поведения) условиям лишения свободы, отсутствием жизненных перспектив на будущее (чаще на часть срока лишения свободы, необходимого для перевода в колонию-поселение, для представления к условно-досрочному освобождению, реже — на весь срок заключения), мысленным «вычеркиванием» предстоящего срока лишения свободы из жизни, что зачастую способствует совершению аутодеструктивного акта. Так, абсолютное большинство лиц с суицидальными формами аутодеструктивного поведения (71 %) так и не смогли адаптироваться к условиям мест лишения свободы и совершили самоубийство в течение первых трех лет нахождения в учреждениях УИС.

Мировой опыт убедительно свидетельствует о том, что в условиях современного правового демократического государства одним из приоритетных направлений его политики является обеспечение безопасности своих граждан, охраны их личности, прав и законных интересов. Кроме того, в настоящее время становится совершенно очевидно, что одной из задач построения эффективной системы наказания является сокращение объема уголовных репрессий с целью экономии затрат государства на УИС и снижения других социальных издержек, сопутствующих применению уголовно-правовых мер⁸. Так, 72,6 % опрошенных нами сотрудников УИС посчитали необходимым законодательно сократить применение уголовного наказания в виде лишения свободы, установив его лишь за тяжкие преступления, действительно имеющие большую общественную опасность.

Принимая во внимание тот факт, что причины насилия, агрессии и аутодеструктивного поведения в учреждениях УИС во многом связаны с негативным влиянием среды учреждения, обусловленной самой природой лишения свободы, для оптимизации достижения целей уголовной ответственности с позиции общегосударственного уровня профилактических мероприятий, минимизации применения уголовно-наказания в виде лишения свободы считаем целесообразным внесение изменений и дополнений в санкции ряда статей Особенной части УК Республики Беларусь, оставив данный вид уголовного наказания лишь за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с насилием и имеющие большую общественную опасность, в частности преступления против государственной власти, правосудия, мира и безопасности человечества, должностные преступления.

В настоящее время около 45 % лиц, содержащихся в местах лишения свободы, отбывают данный вид наказания впервые. В этой связи представляется, что минимизация применения лишения свободы и

назначения уголовных наказаний, не связанных с ним (ст. 49–55, 77–79 УК Республики Беларусь), будет способствовать наиболее оптимальной реализации цели уголовной ответственности, поскольку сама «Специфика исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, предопределяет значительно больший объем участия общественности в исправлении и перевоспитании преступников», а также поможет избежать «отрицательных последствий, которые присущи лишению свободы как виду наказания»⁹.

Данным видам уголовного наказания целесообразно отдавать приоритет в судебной практике, поскольку именно в этом мы видим один из способов решения проблемы переполненности учреждений УИС и непосредственным образом вытекающей из нее основной проблемы нашего исследования — предупреждения аутодеструктивного поведения и пенитенциарной преступности в ИУ (СИЗО). Подчеркнем, что идеи по более широкому применению уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, неоднократно высказывали такие ученые-юристы, как С. Е. Данилюк, А. И. Лукашов, А. Н. Пастушеня, Э. А. Саркисова, В. М. Хомич, В. Б. Шабанов и др.¹⁰ Эту точку зрения разделяет и руководство Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь¹¹.

По мнению руководства данного департамента, условием снятия напряженности и сохранения стабильности в учреждениях УИС является снижение численности осужденных. На это нацелены институт УДО, а также подготовка и реализация закона «Об амнистии некоторых категорий лиц, совершивших преступления»¹².

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что «совершенствование системы уголовных наказаний является одной из основополагающих задач проведения эффективной государственной политики в сфере борьбы с преступностью»¹³. Следует заметить, что с 1999 г. наблюдается увеличение сроков наказания в виде лишения свободы, назначаемых судами. Принимая во внимание то обстоятельство, что длительные сроки уголовного наказания в виде лишения свободы не способствуют исправлению осужденного (Ю. М. Антонян, С. В. Бородин, М. П. Мелентьев, А. С. Михлин, А. Н. Пастушеня, А. П. Тищенко, В. М. Хомич, В. Б. Шабанов и др.), кроме того, являются экономически невыгодными для государства, ведут к утрате социальных связей осужденного, расладу семей (развод, отказ родственников от осужденного, измена жены и т. п.), что, как показало и проведенное нами исследование, зачастую является причиной крайнего проявления аутодеструктивного поведения в местах лишения свободы — самоубийств. Считаем необходимым снизить (сократить) сроки уголовного наказания в виде лишения свободы за преступления, не представляющие большой общественной опасности, а также за менее тяжкие преступления. Безусловно, подобная дифференциация потребует огромной работы специалистов в области уголовно-правовой науки, однако в значительной степени предупредит кардинальные коррективы в рамках уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь.

Одним из перспективных направлений в комплексе уголовно-процессуальных мер предупреждения аутодеструктивного поведения в учреждениях УИС является сокращение практики «тотального» приме-

нения меры пресечения в виде заключения под стражу в СИЗО. Поскольку большинство самоубийств в СИЗО совершается лицами, впервые оказавшимися в статусе подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых впервые была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в СИЗО. Кроме того, анализ практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу показал, что значительное число лиц, содержащихся в СИЗО, освобождается в связи с прекращением уголовных дел, оправданием.

В связи с этим в комплексе уголовно-процессуальных профилактических мероприятий по предотвращению и нейтрализации аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях УИС, необходимо, чтобы все должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, активнее использовали в своей практической деятельности применения таких мер пресечения, как залог, подписка о невыезде. Данные меры помогут не только существенно снизить аутодеструктивную активность лиц, содержащихся в СИЗО, но и позволят сэкономить государственные средства, затраченные на содержание данной категории граждан.

В организации эффективной борьбы с преступностью важное значение имеет результативность наказания, которое применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений. Все эти цели должны быть реализованы во время отбывания наказания в виде лишения свободы. Реализовывать цели наказания можно только создавая в учреждениях УИС благоприятную атмосферу, обеспечивающую реальные возможности для формирования установки личности на правопослушное поведение. Это аксиома, которая не вызывает сомнения. В частности, проведенное исследование показало, что созданию такой обстановки препятствует сложившаяся в учреждениях УИС тюремная субкультура, активно продуцирующая преступность в местах лишения свободы. Как справедливо отметил российский исследователь М. Ф. Костюк, подавляющую часть преступности осужденных в ИУ составляют преступления против личности — убийства, доведение до самоубийства, причинение вреда здоровью, половые преступления¹⁴. В условиях учреждений УИС данная категория преступлений обладает повышенной опасностью. Поэтому одной из действенных уголовно-процессуальных мер предупреждения аутодеструктивного поведения и преступлений в учреждениях УИС будет разработка комплекса мероприятий по совершенствованию проведения предварительного расследования по уголовным делам, возбужденным по фактам доведения до самоубийства, склонения к самоубийству в отношении лиц, содержащихся в учреждениях УИС, а также по уголовным делам, возбужденным по фактам убийств, инсценированных под самоубийства в местах лишения свободы.

К категории преступлений, обладающих повышенной опасностью в условиях учреждений УИС, без сомнения, относятся половые преступления. Последствия таких действий в условиях изоляции значительно отличаются от последствий подобных преступлений, совершенных в условиях свободы, поскольку в первом случае они усиливаются для потерпевшего фактом отвержения. По данным разных авторов, среди отверженных 75–80 % «жертв» гомо-

сексуальной связей возникло в результате насилия¹⁵. Жертва данного преступления не просто отвергается всем сообществом осужденных, но и автоматическим образом попадает в группу повышенного аутодеструктивного риска (24,1 % самоубийц — это «отверженные»)¹⁶, а также риска совершения различных правонарушений в местах лишения свободы¹⁷.

При этом, что не может не настораживать, администрация учреждений УИС зачастую рассматривает данный состав преступления как нарушение режима отбывания наказания, влекущее применение мер дисциплинарного воздействия¹⁸. Подчеркнем, что в случаях совершения любого преступления в местах лишения свободы (особенно насильственного) нет никаких оснований отступать от общих требований уголовного закона и (или) применять более «мягкие» виды наказания, наказывать меньшей мерой, вообще освобождать от уголовной ответственности, поскольку «любые послабления для этой категории осужденных при совершении ими насильственных действий в ИУ объективно граничат с прямым или косвенным попустительством преступности»¹⁹. В этой связи в рамках уголовно-правовых мер борьбы с преступностью в местах лишения свободы и предупреждения аутодеструктивного поведения в учреждениях УИС считаем необходимым:

— ст. 167 УК Республики Беларусь «Насильственные действия сексуального характера» дополнить частью 4 следующего содержания: «Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы»;

— ст. 170 УК Республики Беларусь «Понуждение к действиям сексуального характера» дополнить частью 3 следующего содержания: «То же деяние, совершенное осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы».

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы подчеркнуть, что в условиях современного развития науки, трансформации законодательства, а также неоднозначной практики первоочередное значение приобретает системно-комплексное исследование аутодеструктивного поведения как в обществе, так и в учреждениях УИС как явления, создающего непосредственную угрозу жизни, здоровью, правам и свободам граждан республики, особенно в период их содержания в местах лишения свободы, с обязательным законодательным закреплением всех форм и методов профилактических мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск, 2005.

² См.: Как заставить стандарты работать: Практик. рук-во по эффективному применению межд. тюремных правил / Отв. ред. И. Зайцев. М., 1998. С. 21–23.

³ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь (принят Палатой представителей 02.06.1999 г.; одобрен Советом Республики 24.06.1999 г.; текст Кодекса по состоянию на 22.03.2004 г.). Минск, 2004; Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (принят Палатой представителей 14.12.1999 г.; одобрен Советом Республики 22.12.1999 г.). Минск, 2003.

⁴ См.: Сысоев А. М. Особенности аутоагрессивного поведения в местах лишения свободы // Человек, преступление и наказание: Вестн. Акад. права и управления Минюста России. 2002. № 2. С. 50.

⁵ См.: Калинин Ю. События в Димитровградской колонии // Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России). <http://www.fsin.su/main.phtml?cid=3>

⁶ См.: Кашинский М. Ю. Правовое и организационное обеспечение предупреждения аутодеструктивного поведения лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2007.

⁷ Шмаров И. В. Преодоление последствий отбывания уголовного наказания // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 84.

⁸ См.: Пастушеня А. Н. Пути построения эффективной системы уголовных наказаний // Реформы уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы: Тезисы выступлений участников междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2004. С. 81.

⁹ См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1987. С. 204–205.

¹⁰ См.: Хомич В. М. Формы реализации уголовной ответственности. Минск, 1998; Саркисова Э. А., Лукашов А. И. Проблемы реформирования уголовного законодательства // Судебный вестник. 1996. № 4. С. 48.

¹¹ См.: Ковчур В. А. Проблемы исполнения наказаний в свете нового уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь // Проблемы применения норм уголовного законодательства Республики Беларусь: Материалы науч.-практ. семинара / Под ред. А. П. Войтовича. Минск, 2002. С. 35.

¹² См.: Там же. С. 35–36.

¹³ Пастушеня А. Н. Указ. соч. С. 77.

¹⁴ См.: Костюк М. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 20.

¹⁵ См.: Антонян Ю. М., Каннуник А. И., Кулинич В. В. Исправление и перевоспитание осужденных, неадаптированных к условиям ИТК: Учеб. пособие / Под ред. Ю. М. Антоняна. М., 1987. С. 52.

¹⁶ См.: Кашинский М. Ю. Социально-правовая характеристика суицидентов в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2006. № 2(12). С. 165–169.

¹⁷ См.: Калинин Ю. Указ. соч.; Костюк М. Ф. Указ. соч.; Антонян Ю. М., Каннуник А. И., Кулинич В. В. Указ. соч.; Буянов А. О. Уголовно-правовые и дисциплинарные меры предупреждения насилия среди осужденных к лишению свободы // Проблемы исполнения наказаний и деятельности уголовно-исполнительной системы: Сб. науч. тр. М., 1997. С. 60–67 и др.

¹⁸ См.: Хомич В. М. Указ. соч. С. 16.

¹⁹ Буянов А. О. Указ. соч. С. 61.

Опыт ресоциализации и социальной реабилитации пожизненно заключенных в Канаде

Е. Н. КАЗАКОВА — докторант Академии управления МВД России, кандидат психологических наук, доцент

Пожизненное заключение в Канаде применяется за все виды убийства, включая непреднамеренное¹. Этот вид наказания является неопределенным и бессрочным, поскольку человек находится под приговором всю жизнь: одну часть приговора он реально отбывает в заключении, другую — условно под наблюдением в обществе. При этом тюремное заклю-

чение длится до тех пор, пока осужденного не сочтут безопасными для выхода на свободу².

Фактически пожизненное заключение в Канаде понимается как длительное заключение на неопределенный срок. Существует четыре вида неопределенных приговоров:

— пожизненное заключение с минимальным сроком до возможного условного освобождения до двадцати лет;

— пожизненное заключение с минимальным сроком до возможного условного освобождения от десяти до двадцати пяти лет;

— пожизненное заключение как максимальный приговор;

— неопределенные приговоры, налагаемые на опасных преступников³.

Лица, осужденные к пожизненному заключению, содержатся в федеральных тюрьмах — пенитенциариях. Поскольку данная категория лиц представляет наибольшую общественную опасность, то находится на «максимальном» режиме содержания. В пенитенциариях содержатся от 400 до 1500 заключенных⁴.

Стоимость пожизненного заключения высока. Содержание одного заключенного в условиях максимальной безопасности стоит налогоплательщикам 68 156 долларов в год⁵. Таким образом, содержание одного заключенного в течение 25 лет обходится государству более чем в 1 млн долларов, даже без учета инфляции. Средняя годовая стоимость надзора за условно освобожденным от отбывания пожизненного заключения составляет 9145 долларов⁶.

Определение вида режима содержания, а также требований, предъявляемых к заключенному, отдается на усмотрение администрации тюремного учреждения. Считается, что предпосылкой соблюдения режима и ресоциализации заключенных является их правильная классификация. Так, на основе опросов заключенных, поступающих в тюремное учреждение, а также данных, полученных из других источников, представителем администрации пенитенциария по классификации готовятся рекомендации относительно режима содержания и методов обращения с заключенным. Размещение заключенных осуществляется по группам в зависимости от категории в секциях, изолированных друг от друга.

В пенитенциариях заключенные привлекаются к общественным работам, производят продукцию, предназначенную для внутреннего потребления, участвуют в исправительном процессе других заключенных. С ними организуется профессиональное обучение различным специальностям, таким, например, как столярное, швейное, водопроводное, слесарное, кровельное дело и т. п.

Пожизненно заключенные считаются в исправительной системе самыми сплоченными и неконфликтными из всех заключенных. Вопреки общественному мнению, подавляющее большинство из них активно участвует в исправительном процессе, поскольку крайне заинтересовано в проведении слушания по условному освобождению, получении разрешения на посещение, телефонные переговоры с близкими и родственниками, а также в активном отдыхе, работе, учебе⁷.

Лица, отбывающие пожизненное заключение, оказывают позитивное влияние на других заключенных, объединяя их вокруг себя в группы. Они участвуют в публичном образовании, общественном просвеще-

нии других заключенных и иных общественных проектах в рамках пенитенциария⁸. Эти заключенные представляют собой устойчивую и надежную силу для исправительной системы Канады, несмотря на то что у них меньше возможностей, чем у других категорий заключенных, доказать свою ресоциализацию и безопасность для общества⁹.

Пожизненное заключение отбывается по прогрессивной системе¹⁰. Основой ресоциализации и социальной реабилитации данной категории заключенных является *последовательное снижение степени изоляции* в период отбывания наказания и *постепенное освобождение* посредством их временного отсутствия с сопровождением, временного освобождения без сопровождения и условного освобождения. В случае соблюдения заключенными режимных требований они могут рассчитывать на смягчение режима и предоставление льгот. Администрация исправительного учреждения в рамках своей компетенции на определенном этапе отбывания наказания может разрешить осужденным отпуск за пределами учреждения и посещение медицинских учреждений в сопровождении охраны. Заключенные, выпущенные досрочно, отбывая пожизненное заключение, *остаются условно освобожденными всю жизнь*, если только решение об условном освобождении не отменяется и человек не возвращается в тюрьму.

Практика показывает, что такой подход к работе с заключенными увеличивает вероятность их становления законопослушными гражданами, поскольку после освобождения они не представляют значительной угрозы для общественной безопасности. Нарушения закона среди этих лиц, связанные с насилием, незначительны. Как правило, менее чем 3 % условно освобожденных «пожизненников» совершают повторные преступления против личности, и менее 1 % — повторное убийство¹¹.

Работа с отбывающими пожизненное заключение преступниками начинается сразу, то есть на этапе адаптации к условиям отбывания наказания, поскольку этот период является наиболее кризисным для заключенных. Для большинства тюрем Канады характерно, что план работы с данной категорией заключенных приводится в действие с момента их поступления в учреждение. В течение первого, а иногда и второго года отбывания наказания заключенного не привлекают к мероприятиям по ресоциализации, обеспечивая ему регулярные встречи с психологом. За это время заключенный адаптируется к условиям тюремной среды, может понять и смириться со смыслом приговора пожизненного заключения¹². Только лишь в отдельных случаях работа по ресоциализации этих лиц откладывается, а специальные программы не применяются¹³.

Заключенные принимают участие в таких программах, как консультирование по предупреждению преступлений на сексуальной почве (программа по коррекции противоправного поведения — OSAP), управление гневом, формирование когнитивных жизненных навыков, развитие социальных навыков и коммуникативных умений, разрешение конфликтных жизненных ситуаций. Заключенные участвуют также в различных группах поддержки, таких, например, как группа лайферов (отбывающих пожизненное заключение), группа консультирования по вопросам веры и взаимоотношений. Также в пенитенциариях

существует множество добровольных общественных организаций, таких как анонимные алкоголики, наркоманы, группы заключенных по профилактике суицида, осуществляющие тренинг по предотвращению суицида, а также эмоциональный тренинг, направленный на формирование у заключенных навыков и умений по оказанию помощи другим заключенным («Общество Больших братьев» или «Самаритяне южной Альберты») и др.

Реабилитационная работа осуществляется индивидуально. Как правило, тип программы, в которой участвует пожизненно заключенный, и методики его ресоциализации определяются в зависимости от его потребностей и интересов. Так, одна из программ, названная как «Программа планирования времени», предлагается осужденным, проявляющим мотивацию и интерес к профессиональной подготовке. Программа направлена на получение заключенными профессии в рамках выполнения ими определенных обязанностей либо внутри исправительного учреждения, либо в свободное от постоянной работы время. В рамках данной программы заключенные могут быть включены в резерв для увеличения служебного штата или получить специальности санитаров тюремного госпиталя, помощников служащих пенитенциария, то есть те специальности, которые обычно имеет персонал Исправительной службы Канады. В своем интервью осужденные, отбывающие пожизненное заключение, почти единогласно называют образование одной из самых насущных потребностей. Овладение профессией является для них личным стимулом, поскольку они видят результаты своей деятельности.

В плане комплексности и эффективности исправительного воздействия достаточно интересным, на наш взгляд, является начатый в 1982 г. Домом св. Леонарда в Виндзоре (штат Онтарио, Канада) проект «Lifeline» («Линия жизни»). Проект представляет собой долгосрочную социальную инициативу, направленную на создание у пожизненно заключенных осужденных мотивации к исправлению посредством сопровождения их адаптации к условиям изоляции условно освобожденными от данного вида наказания, последовательного поэтапного снижения степени изоляции в период отбывания наказания, а также посредством их интеграции в общество в случае условного освобождения.

Структурно проект включает три этапа. Смысл первого этапа заключается в оказании помощи по адаптации пожизненно заключенных к условиям отбывания наказания. Основной его целью является развитие и закрепление социальной установки на ресоциализацию и реинтеграцию в общество. На втором этапе происходит создание полудомашних условий для подготовки пожизненно заключенных к условному освобождению на достаточно раннем этапе приговора. Третий этап предполагает экспертную оценку, проверку и распространение опыта ресоциализации этой категории заключенных в другие регионы Канады.

На начальном этапе отбывания наказания проект «Lifeline» помогает заключенным в адаптации к условиям изоляции, осознании возможности и перспективы условного освобождения от наказания, а также в развитии социальных навыков и умений, необходимых для последующей их интеграции в общество. По-

давляющее большинство заключенных к пожизненному сроку (75 %) никогда не отбывали наказание в пенитенциарных учреждениях¹⁴, поэтому не приспособлены к условиям тюремного заключения в части восприятия приговора, знания правил поведения заключенных, особенностей взаимоотношений с другими заключенными и персоналом пенитенциария. Поэтому помощь в адаптации к условиям тюремной жизни для них является особенно значимой.

Главной особенностью проекта «Lifeline» является то, что большинство «внутренних» сотрудников проекта — условно освобожденные пожизненники. Их основная задача состоит в обеспечении посредничества между персоналом пенитенциария и пожизненно заключенными. Выполняя посреднические функции, «внутренние сотрудники» способствуют росту доверия заключенных к исправительной системе. Они также осуществляют поддержку заключенных, отбывающих пожизненный срок, во всем, что касается их отношения к суровому приговору и перспективе длительной изоляции. Работа таких сотрудников включает в себя:

- индивидуальные беседы с пожизненно заключенными;
- советы и рекомендации вновь прибывшим заключенным по приспособлению к тюремной среде;
- информирование о судебных пересмотрах;
- помощь в подготовке планов к условному освобождению;
- консультирование семей о том, как увеличить шансы заключенного на раннее освобождение;
- ознакомление с реабилитационными программами заключенных чиновников, осуществляющих их аттестацию;
- оказание помощи в проблемах общения с персоналом.

Несмотря на всю успешность этого проекта, он был реализован только на первом этапе. Региональные проблемы, недостаток финансирования проекта и негативное отношение общественности к этой категории заключенных не позволили создать «полудомашние» условия даже для половины освобожденных от пожизненного заключения. В реабилитационном исправительном обществе св. Леонарда в Виндзоре пожизненникам отводятся всего лишь несколько мест. Это не решает проблему даже частично. При чем главным препятствием для дальнейшей реализации проекта является отсутствие достаточной общественной поддержки, несмотря на признание эффективности проекта¹⁵.

Для реализации такого рода реабилитационных программ есть серьезные препятствия. К ним относятся: недостаточный уровень доверия заключенных к тюремной системе и коллективу сотрудников, инициатива отдельных политиков и общественных организаций в отношении наложения запрета на получение профессионального образования пожизненно заключенными и др.¹⁶ Однако результативности специальных программ по ресоциализации пожизненно заключенных, таких как проект «Lifeline», «Программа планирования времени», общественность противопоставляет их значительную стоимость и необходимость наличия большого штата сотрудников. Данные обстоятельства приобретают существенное значение в настоящее время, поскольку в канадской пенитенциарной системе происходит существенное увеличение численности пожизненно заключенных.

Проекты, действительно, дорогостоящи, однако нельзя не учитывать тот факт, что согласно социологическим прогнозам Канады 90 % осужденных к пожизненному заключению когда-то в будущем вернутся в общество¹⁷.

Поэтому инициаторы тюремной реформы полагают, что самым экономичным, гуманным, практическим и эффективным решением длительного пребывания в заключении является внедрение программ, направленных на достижение и помощь в условном освобождении ранее чем через 25 лет посредством последовательного снижения степени изоляции в период отбывания наказания и постепенного освобождения. Как и в России, в Канаде возможность условного освобождения пожизненно заключенных является основным и единственным стимулом, который дает надежду и мотивацию для исправления лицам, отбывающим пожизненное заключение¹⁸. Вместе с тем канадский опыт досрочного освобождения лиц, отбывающих пожизненное заключение, показал, что подавляющее большинство из них становятся законопослушными гражданами, если участвуют в программе постепенного, подконтрольного освобождения. Так, например, в период с 1996 по 1997 гг. из 15 222 условно освобожденных пожизненников лишь 1,3 % были привлечены за серьезные правонарушения¹⁹.

По действующему уголовному законодательству Канады условное освобождение предусмотрено для всех категорий пожизненно заключенных. В зависимости от вида пожизненного заключения и поведения заключенных в период отбывания наказания устанавливаются различные сроки условного освобождения. Так, при отбывании пожизненного заключения с минимальным сроком условного освобождения до 25 лет заключенные могут обратиться в суд с ходатайством о снижении установленного минимума по прошествии 15 лет срока. Исключение составляют лишь те лица, которые осуждены за совершение множественных убийств²⁰.

При отбывании пожизненного заключения с минимальным сроком условного освобождения от 10 до 25 лет заключенные могут быть досрочно освобождены по отбытии как минимум 10 лет. Дата срока возможного освобождения устанавливается судьей, выносящим решение, и хотя срок не может быть менее 10 лет, возможен и максимальный — 25 лет. В том случае, если установленный судьей срок превышает 15 лет, апелляция о пересмотре срока условного освобождения также разрешена²¹.

В случаях, когда пожизненное заключение выносится как максимальный приговор, срок до условного освобождения устанавливается 7 лет. Также через 7 лет отбытого срока могут быть досрочно освобождены заключенные, отбывающие наказание, назначенное как неопределенный приговор. Пересмотр дела в случае отказа в условном освобождении по прошествии семилетнего срока осуществляется в последующем каждые два года²².

Условное освобождение пожизненно заключенных предусматривает три основных этапа снижения степени изоляции и последовательного освобождения от отбывания наказания, которое предполагает временное отсутствие с сопровождением, временное отсутствие без сопровождения и досрочное условное освобождение.

Реабилитационный смысл этих этапов заключается в обеспечении для заключенного возможности быть освобожденным на ограниченный период времени по медицинским, административным, общественным делам, для контакта с семьей, личного развития в реабилитационных целях, по семейным обстоятельствам, включая родительские обязанности. Опыт показывает, что постепенное увеличение периода отлучки после ряда успешных временных освобождений без сопровождения является основой успешной ресоциализации и реинтеграции в общество бывших особо опасных преступников.

Особенно значимым для закрепления результатов ресоциализации заключенных и их последующей реинтеграции в общество является этап временного освобождения без сопровождения. Придя на замену в ноябре 1992 г. закону о досрочном освобождении и пенитенциарному закону, закон об исправлении и условном освобождении (CCRA) более подробно регламентировал для пожизненников порядок предоставления временного отсутствия без сопровождения (UTA).

По действующему законодательству UTA может длиться от 48 часов до 60 дней. Для того чтобы получить разрешение на UTA, пожизненно заключенный должен отбыть половину срока, установленного до его возможного досрочного освобождения. Есть два исключения: преступники, приговоренные к пожизненному заключению и имеющие право на UTA только за три года до окончания срока возможного досрочного освобождения, а также преступники, задержанные на неопределенный период времени, которые должны отбыть трехлетний срок прежде, чем получить возможность досрочного освобождения. Пожизненно заключенные, находящиеся под особой (максимальной) охраной, больше не могут получить UTA²³.

С 9 января 1997 г. вступили в силу поправки к разд. 745.6 Уголовного закона Канады, значительно ужесточившие требования к снижению минимального срока условного освобождения²⁴. Лица, осужденные к пожизненному заключению за совершение более одного убийства, практически не имеют возможности снижения минимального срока. Так, заключенный должен убедить судью в том, что перспектива на успех есть, прежде чем дело будет пересмотрено судом присяжных²⁵. Двенадцать членов суда присяжных слушают свидетельства со стороны заявителя и обвинения, рассматривают последствия для потерпевших и рапорты относительно оценки заключенного персоналом пенитенциария. Все без исключения члены суда присяжных должны быть согласны, чтобы заявитель получил сокращение срока до досрочного освобождения. Заявителю либо отказывают в сокращении срока, либо он его получает. В первом случае присяжные должны назначить дату в будущем, когда заключенный сможет вновь обратиться в суд. Время между данным слушанием о пересмотре и следующим должно быть не менее двух лет.

Положительное решение в ходе судебного пересмотра не означает автоматическое условное освобождение. Если же решение суда о возможности предоставления заключенному снижения срока условного освобождения состоялось, то заключенный

может обратиться в Национальный совет по досрочному освобождению (NPB) об освобождении условно по истечении сокращенного количества лет²⁶. Национальный совет по досрочному освобождению проводит оценку риска, основанную на том, представляет ли угрозу для общества заключенный в случае освобождения. На основании этой оценки совет имеет право предоставить его либо отказать. Пожизненно заключенные, освобожденные досрочно, остаются условно освобожденными всю жизнь, за исключением случаев, когда решение об условном освобождении отменяется и он возвращается в тюрьму.

Приговоренные к пожизненному заключению после условного освобождения не представляют значительной угрозы для общественной безопасности. Нарушения закона, связанные с насилием, в этой группе условно освобожденных незначительны.

Опыт показал, что постепенное освобождение заключенных посредством временного отсутствия с сопровождением, временного отсутствия без сопровождения и снижения срока условного освобождения увеличивает вероятность их становления законопослушными гражданами. Поэтому неясно, с какой целью сегодня необходимо держать в заключении те категории осужденных, которые в 1975 г. условно освобождались по прошествии 7 лет.

Тем не менее, несмотря на эффективность стратегии последовательного освобождения и снижения сроков заключения, в Канаде явно проявляется тенденция ужесточения исполнения данного вида наказания. Так, до 1968 г. даже те, кому высшая мера была заменена пожизненным заключением, имели возможность рассмотрения досрочного освобождения после семи лет. Например, преступник, отбывающий длительный срок, мог на гибкой, индивидуальной основе получить временную отлучку с сопровождением уже через год, без сопровождения — через два года, дневное условное освобождение — через пять лет, а полное условное освобождение — через семь. До 1974 г. временное отсутствие без сопровождения (сроком до семидесяти двух часов в месяц) могло быть предоставлено любой категории пожизненно заключенных через три года после поступления в пенитенциарное учреждение. Осужденные за убийство, когда-то имевшие возможность получить временное отсутствие по прошествии трехлетнего срока, теперь могут это сделать лишь за три года до наступления срока возможного условного освобождения.

Очевидно, акцент реабилитационной модели пожизненно заключенных сместился с исправительных на превентивные стратегии вследствие реакции общества на отмену смертной казни в Канаде в 1976 г. Именно с этого периода начал преобладать подход сдерживания преступности посредством строгой и длительной изоляции заключенных, а также увеличения минимального срока заключения до возможного досрочного освобождения для осужденных за убийство.

Концепция превентивного сдерживания преступности не оправдала надежд. С введением законов о принудительном минимуме тюремное население резко выросло, а уровень серьезных преступлений, включая убийство, не снизился, как ожидалось²⁷. Не-

смотря на то что дополнительные финансовые и человеческие затраты на долгосрочное содержание в заключении не привели к сокращению преступности, сроки досрочного освобождения с годами становятся все жестче. Как и в России, в Канаде общественное мнение о справедливости наказания определяется временем, проведенным преступником в заключении, в связи с чем канадцы призывают к еще более суровой модели наказаний.

Исходя из имеющегося опыта работы с пожизненно заключенными, можно говорить о том, что подготовка к освобождению лиц, отбывающих длительные сроки, как, например, пожизненное заключение за убийство, должна включать рассмотрение досрочного освобождения на достаточно раннем этапе приговора, если подготовка к реинтеграции идет успешно. Поэтому инициаторы реформы Исправительной системы Канады полагают, что нужно уменьшать зависимость реабилитации преступников от тюрем, чтобы достичь баланса в системе. В целях обеспечения общественной безопасности необходимо ориентироваться на исправление заключенных, используя уже имеющийся положительный опыт.

Однако канадская общественность и многие политики не проявляют инициативы относительно снижения уровня уголовно-правовой репрессии для лиц, отбывающих пожизненное заключение, несмотря на то что эффективность исправительных стратегий на основе раннего поэтапного условного освобождения доказана практикой. Также не уделяют должного внимания этим вопросам и средства массовой информации, поскольку сфокусированы на общих вопросах закона и порядка, в то время как общественные организации и законодатели борются за примирение ожиданий, связанных с обеспечением безопасности и должным наказанием за особо опасные преступления.

Тем не менее канадский опыт реабилитации пожизненно заключенных имеет существенное значение для России в части разработки теоретических основ и правового регулирования пожизненного лишения свободы, а также повышения эффективности уголовно-исполнительного процесса при его реализации. Наиболее значительным достижением в решении вопросов исправления пожизненно заключенных в Канаде является применение подхода последовательного освобождения пожизненно заключенных и снижения сроков условного освобождения. Полагаем, что для российской пенитенциарной практики также интересен опыт реализации различных реабилитационных программ, применяемых с учетом личностных особенностей и потребностей заключенных, и организационно-правового обеспечения условного освобождения от отбывания пожизненного заключения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Correctional Service of Canada. Basic fact about corrections in Canada, 1997. Ottawa, 1997. P. 64.

² См.: Criminal Code Canada. Ontario, 1998.

³ См.: Life imprisonment. Alberta, 1998. P. 1–3.

⁴ См.: Астемиров З. А., Калинин Ю. В., Шупилов В. П. Современные системы капиталистических государств: Учеб. пособие. Рязань, 1977. С. 106.

⁵ См.: Correctional Service of Canada. Basic facts about corrections in Canada, 1997. P. 12.

⁶ См.: Там же. P. 13.

⁷ См.: Life imprisonment. P. 1, 5.

⁸ См.: Correctional Service of Canada: Correctional Service of Canada Presentation. 1996. March. Slide 15.

⁹ См.: O'Reilly-Fleming T. «The dark workshop»: Life sentences, prison conditions and the politics of punishment // Canadian penology: Advanced perspectives and research. 1992. P. 2.

¹⁰ См.: Астемиров З. А., Калинин Ю. В., Шупилов В. П. Указ. соч. С. 108.

¹¹ См.: Correctional Service of Canada. Basic fact about corrections in Canada. § 745.

¹² См.: Life imprisonment. P. 1–2.

¹³ См.: Porporino F. Differences in response to long-term imprisonment // Implication for the management of long-term offenders. Forum on Corrections Research. Ottawa, 1997.

¹⁴ См.: Church Council on Justice and Corrections. Satisfying justice: Safe community options that attempt to repair harm from crime and reduce the use or length of imprisonment. Ottawa, 1996.

¹⁵ См.: Life imprisonment. P. 6–9.

¹⁶ См.: Parker E. An inmate's research: Insights on receiving a college education while incarcerated. Forum on Corrections Research. 1996.

¹⁷ См.: Life imprisonment. P. 5.

¹⁸ См.: D'Arcy J. Good intentions, mixed results: Section 745 was meant to encourage lifers to behave. Toronto, 1997.

¹⁹ См.: Correctional Service of Canada. Basic facts about corrections in Canada, 1997. P. 52.

²⁰ См.: Там же. P. 64.

²¹ См.: Там же. § 745.

²² См.: Criminal Code Canada.

²³ См.: Life imprisonment. P. 8–10.

²⁴ См.: Department of Justice Canada. Judicial review of parole ineligibility period fact sheet [On-line].

²⁵ См.: Department of Justice Canada. Recent amendments to judicial review process. [On-line]. http://canada.justice.gc.ca/News/Communiqués/1997/amende_en.html

²⁶ См.: Department of Justice Canada. Frequently asked questions [On-line]. http://canada.justice.gc.ca/News/Communiqués/1997/queansw_en.html

²⁷ Von Hirsch A. The politics of «just desserts» // Canadian Journal of Criminology. 1990. P. 403.

К вопросу о международном сотрудничестве республики Казахстан в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков

БУЙТЕКУЛЫ КАЗБЕК БИ — и. о. начальника Академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан (г. Костанай)

Вступив в третье тысячелетие, человечество кроме своих достижений в научно-технической и социальной сферах внесло в него и негатив, развивающийся наравне и во многом благодаря этим достижениям и направленный во вред обществу. К главному из этих проявлений относится преступность, которая трансформируется и приобретает все более новые, усовершенствованные формы. Одним из видов преступности, вызывающим на сегодняшний день большую тревогу и получившим широкий, ранее невиданный размах, является преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

В Казахстане противодействие наркобизнесу и наркомании определено одним из основных направлений деятельности государственных органов и общественных институтов. Стратегия борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2006–2014 гг. выделяет борьбу с этим злом как одну из наиболее актуальных и первоочередных проблем, стоящих перед казахским обществом и требующих скорейшего решения как глобальной угрозы здоровью населения страны и национальной безопасности в целом¹.

Сверхприбыль, получаемая в процессе реализации наркотиков, создает финансовые возможности для развития международного терроризма и религиозного экстремизма. Распространение наркомании среди населения порождает другую, не менее опасную социальную угрозу, — распространение ВИЧ/СПИДа среди наркозависимых лиц, которое угрожает здоровью генофонда всей страны.

Обострение наркоситуации в Казахстане в основном связано с географическим положением страны, удобным для наркотранзита из азиатских государств в Европу и контрабанды синтетических наркотиков из

европейских стран-производителей. Потому сотрудничество правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров на международном уровне представляется не только и не столько возможным, сколько необходимым для обеспечения национальной безопасности.

С момента обретения независимости Казахстан достиг значительных результатов в развитии международного сотрудничества в сфере борьбы с наркопреступностью. За это время заключено более 30 соглашений и договоров о сотрудничестве с государствами СНГ и дальнего зарубежья — Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой, странами Европейского Союза и др.

Рассматривая наиболее значимые среди них, остановимся на Бишкекской декларации глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан, подписанной 25 августа 1999 г. на встрече в г. Бишкеке. Этой встрече предшествовали такие события, как заключение Соглашения между Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Китаем об укреплении доверия в военной области в районе границы (Шанхай, 26 апреля 1996 г.), Соглашения между теми же участниками о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (Москва, 24 апреля 1997 г.), ратифицированного в целях развития Шанхайского соглашения, и подписание Казахстаном Совместного заявления участников Алматинской встречи от 3 июля 1998 г.

По результатам встречи, в ходе которой был обсужден широкий круг вопросов, представляющих общий интерес, одним из пунктов было заявлено: «Стороны отмечают важность эффективного проти-

водействия международному терроризму, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, контрабанде оружия, нелегальной миграции и другим формам трансграничной преступной деятельности, проявлениям национального сепаратизма и религиозного экстремизма и в этих целях будут осуществлять меры для развития практического взаимодействия по линии компетентных ведомств пяти государств, включая проведение консультативных встреч и согласование в течение 1999–2000 годов соответствующих совместных мероприятий»².

Таким образом, членами Шанхайской организации сотрудничества были дополнительно отмечены достигнутые успехи в сотрудничестве и выражена уверенность в перспективах дальнейшего расширения взаимодействия в сфере внутренней и международной безопасности.

Одним из основных декларативных документов в сфере контроля за оборотом наркотических средств, к которым присоединился Казахстан, является Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.).

Присоединяясь к конвенции, Казахстан принимает на себя обязательства ввести в действие и выполнять ее постановления в пределах территории республики; сотрудничать с другими государствами в выполнении постановлений конвенции; при условии соблюдения постановлений настоящей конвенции ограничить исключительно медицинскими и научными целями производство, изготовление, вывоз, ввоз, распределение наркотических средств, торговлю ими и их применение и хранение. В соответствии с этими обязательствами установлен перечень мер, принимаемых Международным комитетом по контролю над наркотиками в целях обеспечения исполнения постановлений конвенции.

Положениями данного документа рассматриваются такие вопросы, как культивирование наркорастений, ограничения в производстве наркотических средств для международной торговли, хранение, перевозка наркотиков и др.

Конвенция предусматривает также и меры борьбы со злоупотреблениями наркотическими средствами:

«1. Стороны уделяют особое внимание и принимают всевозможные меры, направленные на предотвращение злоупотребления наркотическими средствами и на раннее выявление, лечение, воспитание, восстановление трудоспособности, возвращение в общество соответствующих лиц и на наблюдение за ними после окончания ими лечения, и координируют свои усилия для достижения этих целей.

2. Стороны содействуют, насколько это возможно, подготовке кадров для лечения, восстановления трудоспособности, возвращения в общество лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами, а также для наблюдения за ними после окончания ими лечения.

3. Стороны принимают все возможные меры, чтобы содействовать ознакомлению лиц, которым это необходимо по работе, с проблемами злоупот-

ребления наркотическими средствами и его предотвращения, а также способствовать ознакомлению с этими проблемами населения в случае, если есть опасность того, что злоупотребление наркотическими средствами приобретает широкие масштабы»³.

Результатом выполнения Республикой Казахстан положений конвенции стало создание и введение в действие ряда нормативных правовых актов, таких как Закон Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими»⁴, Указ Президента Республики Казахстан «О Стратегии борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2001–2005 годы»⁵ и др.

Положения конвенции были учтены при определении перспектив деятельности в области борьбы с наркоманией и наркобизнесом, прозвучавших в послании Президента страны народу Казахстана «Стабильность и безопасность страны в новом столетии» от 14.12.1999 г. В нем, в частности, отмечается, что «Казахстан находится в зоне транзита мощных потоков наркотиков... мы должны столь же ясно понимать, что борьба с наркоманией и наркобизнесом невозможна без поддержки самих казахстанцев. Не только государство, но и общество в целом должно осознать масштабы проблемы»⁶.

На встрече 5 октября 2007 г. в Душанбе Казахстан подписал Решение о Программе сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на 2008–2010 гг. Данная программа была принята в связи с необходимостью адекватного реагирования странами Содружества на происходящие изменения в наркоситуации и принятием неотложных мер по совершенствованию противодействия распространению наркомании и наркобизнеса и имеет своей целью активизировать сотрудничество государств-участников СНГ в сфере повышения результативности проводимых согласованных и/или совместных межведомственных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций по выявлению и пресечению каналов наркотрафика⁷.

Сотрудничество между государствами в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, принятие правоохранительными органами различных государств совместных мер по профилактике развития наркотрафика и его пресечению по территории Республики Казахстан, уничтожению культивируемых преступными организациями наркотикосодержащих растений и другие совместно проводимые мероприятия направлены на поддержание не только экономической безопасности страны, но и, прежде всего, национальной безопасности Казахстана как конкурентоспособного государства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Указ Президента Республики Казахстан от 29.11.2005 г. № 1678 «Об утверждении Стратегии борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2006–2014 годы» // САПП Республики Казахстан. 2005. № 42. Ст. 571.

² Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан (г. Бишкек, 25 августа 1999 г.).

³ Закон Республики Казахстан от 01.07.1998 г. № 257-І «О соединении Республики Казахстан к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года».

⁴ См.: Закон Республики Казахстан от 10.07.1998 г. № 279 «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреб-

лению ими» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1998. № 17–18. Ст. 221.

⁵ См.: Указ Президента Республики Казахстан от 16.05.2000 г. № 394 «О Стратегии борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2001–2005 годы» // Казахская правда. 2000. 19 мая.

⁶ Казахская правда. 1999. 15 дек.

⁷ См.: Решение о Программе сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на 2008–2010 годы (Душанбе, 5 октября 2007 г.).

Причины и условия рецидивной корыстно-насильственной преступности молодежи

А. В. СЕРВУЛИ — соискатель кафедры уголовного права и криминологии Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Для предупреждения любого вида преступности, в том числе и рецидивной корыстно-насильственной, было бы неверным ограничиться только констатацией негативных явлений, которые ей способствуют. Детерминанты преступности в целом и отдельных ее видов в частности занимают одну из центральных позиций криминологии.

Криминологами выделяются два комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных детерминант. Во-первых, детерминанты преступности в целом, во-вторых, те криминогенные явления и процессы, которые влияют на интенсивность действия детерминант первого порядка¹.

К детерминантам рецидивной преступности молодежи второго порядка, как правило, относятся две группы криминогенных факторов:

а) объективные, охватывающие разнообразный круг обстоятельств организационного, правового, воспитательного характера (ошибки при назначении и исполнении наказания; недостатки в работе по трудовому и бытовому устройству, воспитанию и контролю за лицами, освобожденными из мест лишения свободы или осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы; отрицательное влияние микросреды и др.);

б) субъективные, относящиеся к характеристике личности молодого рецидивиста (являющиеся основными, так как преступник-рецидивист совершает преступление не только под воздействием объективных условий, но и в силу антиобщественной направленности личности создает объективные предпосылки для совершения преступления).

Рассматривая детерминанты рецидивной корыстно-насильственной преступности молодежи, имеет смысл разделить их на два самостоятельных блока:

1) общие детерминанты (экономические, политические, социальные факторы), охватывающие все виды преступности, а также нравственное состояние общества (экономические противоречия порождают преступность в условиях формирования рыночных отношений, основанных на конкуренции: на подавлении конкурентов криминальными методами, безработице, получении максимальной прибыли незаконными

способами; политические противоречия — борьба за власть с использованием «грязных» технологий, криминальных методов; паралич власти, бездействие законов, коррупция, их последствия — рост насилия и преступности; социальные противоречия, в результате которых личность чувствует себя неравной с другими, ущемленной, что чревато протестующим поведением, а в крайнем своем выражении — преступным; нравственные противоречия — низкий уровень общей и правовой культуры населения, безнравственные методы в политике, экономике, повседневном общении населения и т. п.);

2) специальные детерминанты, способствующие существованию и воспроизводству рецидивной корыстно-насильственной преступности (недостатки в деятельности правоохранительных органов, в частности милиции; недостатки при назначении и исполнении наказаний; трудности постпенитенциарной адаптации корыстно-насильственных преступников-рецидивистов молодежного возраста).

Детальное рассмотрение факторов, отнесенных к первой группе, позволяет назвать такие причины, как несвоевременное реагирование ОВД на совершенные преступления; некомпетентность отдельных сотрудников следственных аппаратов ОВД, слабое закрепление доказательств; ошибки в избрании мер пресечения; упущения в оперативно-розыскной деятельности; нарушения требований закона о всестороннем и полном исследовании обстоятельств преступления, сроков расследования и др. Эти факторы во многом способствовали росту числа лиц, совершивших повторные преступления в период производства следствия по делу о предыдущем преступлении.

Изучение документов органов внутренних дел, прокуратуры и суда свидетельствует о ряде ошибок в квалификации и применении мер уголовно-правового воздействия, в том числе наказания без учета степени социальной запущенности подсудимых, числа и характера прежних судимостей.

Изложенное позволяет говорить о наличии проблем в кадровом составе правоохранительных органов страны. Цепь реформ привела к тому, что значительная часть профессионально подготовленных сотрудников, особенно среднего звена, ушла из

правоохранительных органов. Это обусловило определенное снижение уровня профессионализма ряда сотрудников правоохранительных органов, появление у них ощущения неуверенности в завтрашнем дне, не способствовало увеличению «интеллектуального превосходства» в борьбе с преступным элементом и даже наоборот².

В научной литературе опубликованы неутешительные данные о профессиональной и правовой культуре немалого числа сотрудников правоохранительных органов. Так, из числа осужденных сотрудников милиции, отбывающих наказание в виде лишения свободы, 68 % ответили, что не считают получение ими взятки тяжким преступлением и настаивают на его декриминализации. При этом 56 % считают себя неправильно осужденными или приговоренными к слишком суровым мерам наказания (лишению свободы)³.

Отмечается и рост недоверия к правоохранительным органам со стороны населения. По результатам проведенных исследований НИЦ МВД Украины свыше 45 % граждан не удовлетворены деятельностью милиции, а более 40 % считают, что органы внутренних дел не способны обеспечить должный общественный порядок и личную безопасность граждан, 37 % респондентов считают, что одинаково следует бояться преступников и работников милиции, еще 5 % заявили, что страшатся милиционеров даже больше, чем преступников. Не доверяя правоохранительным органам и испытывая перед ними страх, люди не обращаются к ним за помощью, в результате зарегистрированная корыстно-насильственная преступность молодежи составляет лишь 1/3 от ее общего числа.

Вторая группа факторов связана с теми недостатками, которые имеют место при назначении и исполнении уголовного наказания. Применение наказания в виде лишения свободы выдвигает множество проблем, связанных с причинами и условиями, способствующими совершению повторных преступлений лицами, ранее судимыми. Лишение свободы в обществе, да и в правовой науке, традиционно рассматривалось важнейшим инструментом борьбы с рецидивной преступностью. Э. И. Исмаилов указывает, что от эффективности лишения свободы зависит состояние общества⁴.

Однако стоит отметить, что чем более жестки наказания в государстве, тем ниже его мораль. Сказанное не служит призывом к полному отрицанию такой действенной меры наказания, как лишение свободы, но позволяет сделать вывод о том, что данный вид наказания в отношении лиц молодежного возраста невозможно оценивать однозначно, ибо он имеет и негативные, и позитивные стороны. Очевидно, что по причине существования позитивных сторон лишение свободы в настоящее время не теряет своей актуальности, особенно в отношении преступников-рецидивистов.

В данном случае нельзя забывать и о реализации принципа дифференциации наказания, что, впрочем, не исключает изоляции осужденного от общества и на длительный срок, и даже пожизненно. Причем дифференцированный подход к наказанию должен просматриваться везде, начиная от вынесения приговора за совершенное преступление и заканчивая определением условий содержания осужденного в

местах лишения свободы в зависимости от его поведения.

Реалии сегодняшнего дня таковы: переполненность, недостаточное материально-техническое и финансовое обеспечение, слабо подготовленный кадровый персонал исправительных учреждений. Все эти причины позволяют сделать неутешительный вывод: уголовно-исполнительная система Украины требует серьезной реорганизации.

Принцип индивидуализации и дифференциации наказания требует и усиления индивидуальной работы с осужденным. Очевидно, что сегодня мы пожинаем плоды недостаточного внимания к личности преступника. Особенно это касается лиц, осужденных за совершение различных преступлений в возрасте от 14 до 30 лет, притом не только корыстно-насильственных рецидивистов, но и других категорий осужденных. Изучение личности преступника в наших исправительных учреждениях носит эпизодический характер. Он изучается с нуля и поверхностно и только тогда, когда попадает в места лишения свободы.

По нашему мнению, персонал учреждений, исполняющих наказания, в частности связанные с лишением свободы, требует серьезного профессионального изменения, пополнения штатом психологов, способных увидеть в преступнике человека, а не отброс общества.

К данной группе детерминант, способствующих совершению рецидивных преступлений лицами молодежного возраста, мы относим трудности социальной адаптации, приспособления преступников-рецидивистов к условиям жизни на свободе после отбытого наказания.

Как показывает практика, имеются серьезные недостатки в постпенитенциарной адаптации лиц указанной категории. Цель такой адаптации состоит в оказании помощи бывшим преступникам, включении их в общественную жизнь. Вместе с тем предполагается принятие принудительных мер, направленных на защиту общества от преступных посягательств со стороны молодых преступников-рецидивистов и предупреждение совершения ими новых преступлений. Упущения постпенитенциарной адаптации разноплановы. Прежде всего, это упущения учреждений, исполняющих наказание, при подготовке осужденных к жизни на свободе; местных органов самоуправления — при трудовом, жилищном и бытовом устройстве таких лиц; администрации предприятий и учреждений, руководителей общественных формирований — в процессе воспитательного воздействия на ранее судимых; органов внутренних дел (в первую очередь участковых инспекторов милиции) — в организации профилактики в отношении указанной категории лиц.

Стоит отметить трудности социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Преступник-рецидивист, зачастую осужденный на длительный срок лишения свободы и начавший его отбывать 5–8 лет назад, выходит на свободу в чуждую, часто непонятную для него среду. У него отсутствует поддержка со стороны семьи (если она есть вообще) в связи со сложной экономической обстановкой в стране и всеобщим обнищанием. Низкая профессиональная квалификация лиц этой катего-

рии и безработица, царящая в стране, обусловили еще одну проблему — проблему трудоустройства. Не менее важной является и проблема обеспеченности жильем бывших осужденных.

Все это неизбежно приводит к тому, что преступники-рецидивисты молодого возраста пытаются решать свои проблемы привычными антиобщественными методами. Как правило, они тянутся к близкой для них среде, в результате чего возникают преступные группы и организации. Находясь в местах лишения свободы, около 30 % преступников-рецидивистов поддерживают связь со своими друзьями, оставшимися на свободе.

С усилением криминализации в стране рецидивная преступность все чаще перерождается в профессиональную и организованную, а преступный мир дает свои «социальные гарантии» и оказывает помощь попавшему в места лишения свободы коллеге по преступному бизнесу. Часто эта помощь в силу почти повсеместной криминализации общества значительно больше того, что может дать государство. Чем выше криминогенная «зараженность» лиц, тем больше времени они проводят в кругу себе подобных, куда попадают и подростки. Последнее является одной из причин воспроизводства преступности. По справедливому замечанию Г. А. Аванесова, здесь действует проблема «замкнутого круга», когда «преступность выступает в качестве своей собственной причины, порождает самую себя, воспроизводит, создает и упрочняет почву, на которой произрастают преступления»⁵.

В области организации предупреждения корыстно-насильственного рецидива можно отметить следующие недостатки:

— формальный, не ориентированный на личностные особенности молодого человека характер профилактической деятельности по отношению к преступникам-рецидивистам, в первую очередь со стороны оперативных подразделений;

— отсутствие централизованного управления в области предупреждения рецидивной преступности (все участвующие в этом структурные подразделения самоустранились от выполнения поставленной задачи в надежде, что она будет выполнена другими подразделениями, таким образом, мы не можем говорить о комплексном использовании сил и средств органов внутренних дел в целях предупреждения рецидивной преступности);

— в деятельности уголовно-исполнительной системы есть ряд существенных недостатков, не позволяющих отслеживать поведение молодого преступника-рецидивиста как на свободе, так и при смене им исправительного учреждения, оказывать ему помощь с жильем и трудоустройством в постпенитенциарный период и т. п.; отсутствие или формальный подход к осуществлению взаимосвязей с другими правоохранительными органами, органами местного самоуправления и др.;

— в недостаточной мере ведется работа по борьбе с «фоновыми» явлениями преступности, особенно рецидивной, — пьянством, наркоманией, проституцией, бродяжничеством;

— при документировании преступной деятельности лиц, раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел не уделяется должного внимания изучению личности разрабатываемых и обвиняемых, выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению рецидивных преступлений и т. п.

Таким образом, причины корыстно-насильственной рецидивной преступности молодежи кроются в экономических, политических, социальных процессах, происходящих в обществе. Экономический кризис не только породил безработицу и привел к обнищанию подавляющего большинства населения страны, но и стал фактором, стимулирующим рост корыстно-насильственной рецидивной преступности. Как справедливо замечает американский криминолог В. Фокс, «преступность и насилие возникают, когда общество дезорганизовано и бьется в тисках социальных и экономических проблем»⁶. В основе любого сокращения преступности должен лежать широкий социальный и экономический подход, который увеличит возможности социального порядка служить экономическим, социальным и духовным потребностям составляющих это общество людей. Кроме того, смена политического курса и переход к рыночным отношениям привели к резкому падению нравственности и профессионализма правоохранительных органов, что значительно снизило эффективность их работы по предупреждению общеуголовной преступности.

При предупреждении рецидивной корыстно-насильственной преступности молодежи, на наш взгляд, важное значение приобретает как общая, так и специальная профилактика, а система мер предупреждения корыстно-насильственной молодежной преступности, в том числе рецидивной, должна носить комплексный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аванесов Г. А. Криминология. М., 1984. С. 394–397; Алексеев А. И., Солопанов Ю. В. Профилактика рецидива преступлений. М., 1980. С. 19–24; Криминология. М., 1988. С. 267.

² См.: Шалгунова С. А. Кримінально-правові та кримінологічні заходи попередження хабарництва серед співробітників органів внутрішніх справ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1999. С. 8–9.

³ Данные приведены по результатам проведенных автором опросов сотрудников милиции, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

⁴ См.: Исмаилов Э. И. Причины рецидива среди впервые осужденных к лишению свободы // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1990. Вып. 4. С. 72.

⁵ Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 189. См. также: Кириллов С. И. Несовершеннолетние преступники. Коломна, 1998. С. 62.

⁶ Фокс В. Введение в криминологию. М., 1985. С. 21–22.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Моделирование инновационного процесса психолого-педагогической подготовки преподавателя непедагогического вуза: от идеи к образовательной программе

Г. В. ГАВРИШИНА — доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В условиях радикальных и быстрых перемен в современной России, решения задач эффективно-кадрового сопровождения модернизации сферы высшего образования с учетом мировых тенденций развития высшей школы актуальной педагогической проблемой является моделирование инновационного процесса послевузовской психолого-педагогической подготовки преподавателя. Это обусловлено рядом обстоятельств.

В контексте новой парадигмы развития высшего профессионального образования преподаватель рассматривается в качестве субъекта качественной реализации в педагогическом процессе его установок с целью формирования личности специалиста XXI в., обладающего совокупностью компетенций, определяющих его успешность в будущей профессиональной деятельности, и способностей к пониманию, конструктивному самоопределению, творческой самореализации, образованию самого себя в ситуации постоянно меняющегося мира. Задаваемый инновационный характер профессионально-личностной позиции преподавателя в преобразовании и созидании образовательной практики на всех этапах педагогической деятельности, приоритет в ней человеческого и индивидуально-творческого начала требуют непрерывного освоения им педагогических инноваций, нового видения педагогической реальности и развития всех сфер своей субъектности в рамках гуманитарной психологии и педагогики. В связи с этим психолого-педагогическая подготовка современного преподавателя приобретает стратегическую направленность на формирование его психолого-педагогической готовности к педагогической деятельности на основе новых профессионально-личностных установок, становления и развития собственной педагогической концепции и педагогической философии в гуманитарном контексте. Это требует реализации инновационного подхода к процессу психолого-педагогической подготовки преподавателя вуза, рассмотрения его как педагогической инновации в контексте современной образовательной парадигмы.

Важным фактором, обуславливающим значимость разработки данной инновационной идеи, явилось создание в 90-е гг. XX в. уникального института послевузовской дополнительной профессиональной подготовки преподавателей высшей школы как инновации формотворчества, связанного с оказанием нового вида образовательных услуг. В его контексте впервые за всю историю отечественного образова-

ния официально объявлено об организации специальной, научно обеспеченной дополнительной психолого-педагогической подготовки преподавателя вуза к педагогической деятельности в качестве инвариантной подготовки¹. Объективная необходимость в ней объясняется тем, что спонтанный характер и эмпирический путь освоения преподавания в вузе не могут обеспечить необходимый уровень педагогической квалификации преподавателя для решения комплексных проблем в условиях перехода общества и образования на инновационный путь развития.

Согласно данным социологических и педагогических исследований (А. С. Батышев, И. В. Горлинский, А. Д. Лазукин, В. В. Сериков, А. М. Столяренко, В. Г. Харчева, Ф. Э. Шереги и др.) существуют серьезные недостатки в педагогической квалификации начинающих преподавателей, которые составляют 30–40 % от всех педагогических кадров российских вузов. К этой группе ученые относят не только педагогов в возрасте до 30 лет, но и значительную часть преподавателей старшего возраста, пришедших на педагогическую работу в образовательные учреждения с государственной службы, из правоохранительных органов, вооруженных сил и иных сфер. Они не имеют соответствующей психолого-педагогической подготовки или отмечают ее недостаточность, что существенно влияет на качество подготовки специалистов в контексте решения задач модернизации высшей школы.

Анализ практики психолого-педагогической подготовки преподавателя показывает, что к числу устойчивых тенденций, характеризующих ее современное состояние на послевузовском этапе в образовательных учреждениях непедагогического профиля, относятся:

— преимущественная традиционная ее направленность на технократическую парадигму, не обеспечивающая в должной мере решение задач инновационного обучения и ориентации на личностно значимые цели, требующие создания ситуаций востребованности и проявления жизненного опыта обучающегося как взрослого человека, собственного открытия им смыслов педагогической деятельности;

— отсутствие требований к преподавателю как субъекту инновационной педагогической деятельности (понимание сущности и содержания педагогических инноваций, методов инновационной

деятельности и наличие опыта их применения, психологическая готовность к изменению своей деятельности, наличие ценностно-рефлексивной исследовательской позиции в преобразовании и созидании новой образовательной практики);

— доминирование предметной направленности в подготовке без учета особенностей реальной педагогической практики, в которой психологической и педагогической аспекты педагогической деятельности преподавателя (образовательной и научно-педагогической) постоянно взаимодействуют;

— разрозненное функционирование процессов усвоения теоретических и практических, традиционных и инновационных аспектов целостного содержания педагогической деятельности, что приводит к появлению психологических и дидактических затруднений в образовательной практике начинающих преподавателей и свидетельствует об отсутствии целостного управления профессиональным обучением основным и обеспечивающим психологическим и педагогическим действиям в структуре общепедагогических действий;

— преобладание репродуктивного уровня усвоения содержания педагогической деятельности в процессе обучения, который не обеспечивает в должной мере формирования субъектно-деятельностной, творческой позиции преподавателя в решении современных задач профессионального образования будущих специалистов;

— субъективный научно необеспеченный подход к оценке эффективности психолого-педагогической подготовки современного преподавателя, который не позволяет видеть динамику развития реальной готовности каждого обучающегося к педагогической деятельности в высшей школе и осуществлять ее саморекоррекцию на основе индивидуальной программы саморазвития в ходе педагогической личностно ориентированной практики.

Историко-педагогический анализ показал, что впервые постановка проблемы психолого-педагогической подготовки преподавателя вуза в качестве частной в общем контексте исследований учеными профессионально-педагогической подготовки и изучения ее отдельных сторон в условиях начала реформ в сфере образования относится к 80-м гг. XX в., свое дальнейшее развитие получает на современном этапе — с конца 90-х гг. прошлого столетия. В трудах ученых была предпринята попытка реконструировать содержание и организацию подготовки, сложившуюся в образовательной практике ее институциональных и неинституциональных организационных форм, с позиций разных методологических подходов.

Идею широкопрофильного подхода к психолого-педагогической подготовке преподавателей, традиционно реализуемую в практике классического университета, развивает Н. Ф. Талызина на основе принципа дифференциации (для ряда научных специальностей — подготовка к педагогической деятельности в средней и высшей школе, для фундаментальных дисциплин — только в вузе, для других — в средней школе). Автором предложен обновленный вариант знаниево ориентированной модели единого ее содержания, в котором предусмотрены шесть дисциплин (возрастная физиология и гиги-

ена, общая, социальная и дифференциальная психология, возрастная и педагогическая психология, педагогика, методика преподавания, технические средства обучения) общим объемом 600 час.; летняя воспитательная и педагогическая практика в школе и вузе. По мнению ученого, «специалист, овладевший закономерностями процесса психического развития человека, фундаментальным знанием и адекватными обобщенными педагогическими умениями, сможет самостоятельно использовать их применительно к любому возрасту и к любым целям обучения и воспитания»².

Необходимо отметить, что вопрос о правомерности экстраполяции рекомендаций школьного обучения на условия вуза, механического переноса из педагогических вузов и университетов системы подготовки учителей представляется нецелесообразным, поскольку нарушается основной принцип подготовки преподавателя вуза — принцип соответствия содержания, форм, методов обучения содержанию, формам и методам его педагогической деятельности. Данный вопрос рассматривается в науке как «актуальная методологическая проблема»³.

Вариант содержания психолого-педагогической подготовки преподавателей с позиций культурологического подхода во внутривузовской системе повышения их профессиональной квалификации представлен в исследовании И. Ф. Исаева⁴. Основным предметом усвоения становится их профессионально-педагогическая культура как важный показатель профессиональной компетентности. В культурологической модели содержания определены разнородные компоненты культурного опыта: 1) знание о структурных и функциональных компонентах профессионально-педагогической культуры, проблемах, методах и формах ее реализации в образовательном процессе; 2) опыт работы структур вуза по ее формированию; 3) опыт реализации профессионально-педагогической культуры преподавателя как обобщенной характеристики разнообразных видов его деятельности. В рефлексивной программе ее реализации по годам обучения предусмотрены вопросы для сообщения, обсуждения и обмена педагогическим опытом, уровни подготовки (вузовский, факультетский, кафедральный) и организационные структуры (тематический семинар, предметно-методические комиссии, совет университета, заседание кафедры, школа молодого преподавателя, аспирантский семинар и др.).

Итак, данная модель психолого-педагогической подготовки преподавателя вуза как процесса формирования его профессионально-педагогической культуры предусматривала осуществление ее лишь путем повышения квалификации, исключая необходимость специальной, научно обеспеченной системной подготовки к педагогической деятельности специалистов, не имеющих базового педагогического образования.

В. Г. Ивановым и А. А. Кирсановым дано обоснование варианта проектирования содержания психолого-педагогической подготовки преподавателя в системе профессионально-педагогической подготовки с позиций интегративного подхода в соответствии с целями инженерного образования и требованиями международного стандарта. Основой содержания выступает интеграция научно-предметных областей знаний, входящих «в поле професси-

ональной деятельности преподавателя»: в работах В. Г. Иванова — на трех уровнях (внутрипредметного, межпредметного и методологического синтеза), А. А. Кирсанова — на уровне междисциплинарного синтеза⁵.

Считаем, что инновационные идеи в сложившемся опыте подготовки преподавателей технического вуза, несомненно, представляют интерес. Однако «неклассическая» модель содержания подготовки исключает общенаучный психолого-педагогический уровень как ее инвариантный компонент, имеет исключительно профильную ориентацию с учетом специфики инженерного образования, роль систематизирующего звена отводится инженерной педагогике, поэтому возможности применения инновации в вузах другого профиля ограничены. Идея целостности психолого-педагогической подготовки на основе единства методологических основ дисциплин, содержанием которых является интегрированное знание из различных научных областей (как близких, родственных, так и достаточно отдаленных), развиваемая в работах ученых, безусловно, актуальная идея. Однако считаем, что реализация ее возможна в том случае, когда обучающиеся владеют первоначальным инвариантным уровнем содержания, готовы к усвоению его на более высоком уровне сложности — интеграции его компонентов. Правомочность данного утверждения подтверждается выводами ученых об особенностях педагогической деятельности преподавателя непедагогического вуза, проблемах и сложностях⁶.

Принципиально иную научную позицию в отношении психолого-педагогической подготовки преподавателей высшей технической школы занимает А. Л. Бусыгина. По мнению ученого, перспективна организация ее в качестве инвариантной в системе профессионально-педагогической подготовки из числа магистрантов и аспирантов в рамках второго высшего профессионального образования по специальности «Преподаватель высшей профессиональной школы», введенной в ГОСТ высшего профессионального образования, на основе договоров с вузами в специально созданном интеруниверситетском институте, который находится в подчинении Совета ректоров региона. Автор представляет предметную организацию содержания подготовки, основные компоненты которого представлены в дисциплинах интегративного характера (психология и педагогика, психофизиология, педагогическая психология, методология науки и педагогического исследования, педагогика творчества и методики педагогического исследования, стилистика и литературное редактирование) и направлены на формирование психолого-педагогической компетентности преподавателя как комплекса общепедагогических умений⁷.

Анализ содержания программ психолого-педагогических дисциплин, представленных в работе А. Л. Бусыгиной⁸, позволяет нам сделать следующие выводы, учет которых важен для развития психолого-педагогической подготовки на современном этапе:

— в авторском контексте семантический смысл подготовки не вмещает в себя содержание всех дисциплин психолого-педагогического цикла, определенных в учебном плане (11 дисциплин);

— часть из них представлена в содержании инвариантной коммуникативной подготовки, направленной

ной на формирование техники оптимального педагогического общения и психолого-педагогических качеств личности. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности разделения и дублирования психолого-педагогического знания в структуре содержания инвариантной подготовки преподавателя и представленного состава инвариантного компонента его профессиональной компетентности (психолого-педагогическая компетентность, техника оптимального педагогического общения; интегративные качества личности);

— коммуникативная подготовка как самостоятельный вид профессиональной подготовки, безусловно, необходима, однако полагаем, что ее содержание должно включать дисциплины, которые направлены на развитие литературной устной и письменной речи, владение иностранным языком, современными информационными технологиями.

Проектирование содержания блока психолого-педагогической подготовки преподавателя ведомственного вуза в содержании профессионально-педагогической подготовки с позиций предметного подхода, для которого характерен функционализм двух относительно самостоятельных ее аспектов (психологический и педагогический), представлен в исследовании А. Д. Лазукина⁹. Ученый дифференцирует ее процесс, результат представляет в виде педагогической и психологической готовности к педагогической деятельности.

В исследовании В. П. Врачинского получает развитие идея необходимости специальной психолого-педагогической подготовки начинающих преподавателей военного вуза как «вида самоценного образования» и педагогического процесса, направленного на формирование их профессионально-педагогической культуры. Автором разработана модульная программа курса психолого-педагогической подготовки для «Школы начинающих преподавателей». В ней предусмотрена реализация адаптивного, нормативного, общедидактического и психолого-педагогического модулей в ходе занятий (72 час.), индивидуального модуля — в процессе самостоятельной педагогической деятельности преподавателя под руководством наставника в течение двух лет¹⁰.

Анализ результатов данного исследования позволяет нам утверждать, что в содержании курса психологический и педагогический аспекты представлены дифференцированно в контексте отдельных модулей. Название модуля «психолого-педагогический» повторяет название всего курса, однако не отражает в полной мере его содержание, включая лишь психологический аспект. Несомненный интерес представляет попытка автора дать научное обоснование уровня характера обучения начинающих преподавателей в зависимости от опыта их педагогической деятельности и военной службы.

В исследовании Т. А. Царегородцевой психолого-педагогическая подготовка преподавателей в аспирантуре университета определяется как «процесс формирования их психолого-педагогической компетентности, то есть готовности и способности к эффективному выполнению профессионально-педагогических функций в соответствии с принятыми в социуме на настоящий момент нормами и стандартами»¹¹. Ее образовательная программа представле-

на инвариантным составом дисциплин (психология личности, андрагогика, информационные технологии в науке и образовании, психология и педагогика высшего профессионального образования, технологии профессионально ориентированного обучения, тренинг по развитию коммуникативной компетентности, проведение мастер-классов). Представляет интерес идея интегратора знаний, в качестве которого определен учебный курс «Педагогика и психология высшего профессионального образования» (авторы — Н. А. Бирюкова и Л. Б. Юшкова), который синтезирует философское, психологическое и педагогическое знание¹². Полагаем, что выбор интегративного подхода к структурированию содержания находит объяснение в ее назначении для аспирантов психологического факультета, которые уже владеют психологическими и педагогическими знаниями в контексте их базовой специальности.

Итак, накопленный фонд инновационных идей и сложившийся педагогический опыт психолого-педагогической подготовки в различных институциональных и неинституциональных структурах вуза, традиционных и инновационных организационных формах создают объективную возможность для построения теоретических основ моделирования ее в качестве инновационного процесса как целостного явления.

Разработанная нами концепция моделирования инновационного процесса психолого-педагогической подготовки преподавателя вуза, не имеющего базового педагогического образования, включает следующие теоретически обоснованные в исследовании положения:

— построение комплекса логико-семиотических моделей, содержащих описание разных факторов развития исследуемого объекта как педагогической инновации на концептуальном уровне, уровне частных моделей его отдельных сторон (содержания, технологии, результата) и вариантов реализации процесса подготовки в их гуманитарном измерении;

— отражение в его концептуальной модели основных компонентов педагогического процесса как целостного явления, каждый из которых ориентирован на цель как системообразующий ее компонент: формирование психолого-педагогической готовности современного преподавателя к педагогической деятельности на основе новых профессионально-личностных установок, становление и развитие собственной педагогической концепции и педагогической философии в гуманитарном контексте;

— сопряжение функциональных возможностей комплекса методологических подходов (системный, интегративно-дифференцированный, гуманистический, андрагогический, деятельностный, задачный, структурно-функциональный, технологический, компетентностный) в соответствии с требованиями ведущего инновационного подхода в условиях новой образовательной парадигмы при создании концептуального пространства моделирования;

— определение в качестве педагогических стратегий конструирования и формирования содержания, технологии инновационного процесса тенденции взаимодействия интеграции и дифференциации психологического и педагогического аспектов, традиций и инноваций, фундаментальной и практико-

ориентированной, профессиональной и личностно значимой, гуманистической и индивидуально-творческой направленности подготовки;

— воплощение в интегративно-дифференцированной модели содержания подготовки идеи отражения целостного социокультурного опыта педагогической деятельности преподавателя вуза (традиционного и инновационного; нормативного и индивидуализированного; ценностно-мотивационного, когнитивного, операционно-деятельностного и личностного), который проявляется в его психолого-педагогической компетентности и реализуется в профессионально значимых качествах его личности.

Социокультурный опыт сформировался исторически и представляет собой духовный и практический опыт человечества в сфере воспитания и образования человека. Его научное педагогическое и психологическое осмысление представлено в качестве содержания специальных областей и дисциплин психолого-педагогического цикла. Нормативный опыт как часть социокультурного опыта исходит из объективных требований педагогической деятельности преподавателя вуза. В контексте нашего исследования он отражает совокупность профессионально-функциональных характеристик как «педагогического нормативного ядра» психолого-педагогической готовности преподавателя к педагогической деятельности, индивидуализированный опыт как ее «индивидуализированная оболочка» — совокупность субъективно-личностных характеристик личности преподавателя как стратега собственной системы педагогической деятельности;

— отражение в модели гуманитарной технологии инновационного процесса психолого-педагогической подготовки преподавателя вуза двух взаимосвязанных составляющих: 1) содержательный аспект — целостная совокупность профессионально и личностно ориентированных, основных и обеспечивающих технологий обучения, с помощью которых реализуются основные компоненты содержания подготовки согласно ее педагогическим задачам; 2) процессуальный аспект — поэтапное обеспечение динамики овладения каждым обучающимся целостным социокультурным опытом педагогической деятельности преподавателя вуза и развития профессионально значимых качеств на уровнях нормативной и личностно-смысловой активности;

— учет специфики педагогического процесса и психологических закономерностей развития личности взрослого человека, обеспечение рефлексивной деятельности и взаимодействия ценностно-смысловых позиций его субъектов, ориентация на разные личностно значимые образовательные цели и специфику каждого образовательного маршрута при разработке и вариативной реализации модели инновационного процесса психолого-педагогической подготовки в системе внутривузовского дополнительного образования преподавателей;

— эффективное построение модели инновационного процесса подготовки и вариативная ее реализация на послевузовском этапе определяются проявлением интегральных критериев психолого-педагогической готовности современного преподавателя высшей школы к педагогической деятельности как психолого-педагогической компетентности и

дифференцированных показателей каждого из них, реализуемых в профессионально значимых качествах его личности.

Изложенные выше теоретические положения концепции составили основу комплексно-целевой образовательной программы подготовки (см. таблицу).

Таблица

Комплексно-целевая образовательная программа «Психолого-педагогическая подготовка в системе внутривузовского дополнительного профессионального образования преподавателей»

Компоненты	Содержание компонентов
Цель	Формирование и развитие психолого-педагогической готовности современного преподавателя вуза к педагогической деятельности
Задачи	1. Обеспечить овладение различными видами социокультурного традиционного и инновационного, нормативного и индивидуализированного опыта педагогической деятельности преподавателя вуза (ценностно-мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный, личностный). 2. Обеспечить формирование и развитие профессионально значимых качеств личности преподавателя вуза (концептуальность, субъектность, эмоционально-волевая устойчивость, эмпатия, самоактуализация, педагогическое мышление, рефлексия, инновационность и др.)
Тенденции	Взаимодействие интеграции и дифференциации психологического и педагогического аспектов, традиций и инноваций, фундаментальной и практико ориентированной, профессиональной и лично значимой, гуманистической и индивидуально-творческой направленности подготовки
Принципы	Вариативность, непрерывность, инновационность, адаптация, витагенность, рефлексивная креативность, взаимосвязанное овладение психологическим и педагогическим компонентами в различных видах социокультурного опыта педагогической деятельности, саморазвитие
Технологии	Основные профессионально и лично ориентированные технологии: ценностно-ориентационные, когнитивные, комплексного обучения педагогической деятельности, активно-деятельностные. Обеспечивающие профессионально и лично ориентированные технологии: мультимедийные образовательные презентации, дидактический комплекс информационного обеспечения учебной дисциплины (нормативного, учебно-методического, контрольно-оценочного), задачная технология сопряженного воздействия
Условия	Моделирование взаимодействия процессов интеграции и дифференциации психологического и педагогического аспектов в инварианте подготовки. Технологическое обеспечение динамики процесса овладения каждым обучающимся целостным социокультурным опытом педагогической деятельности и формирования профессионально значимых качеств личности преподавателя вуза. Целенаправленное включение обучающихся в самообразовательную профессионально ориентированную деятельность с помощью задачной технологии сопряженного воздействия
Уровни	Вузовский, факультетский, кафедральный
Образовательные маршруты	1. Получение дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы» (адынктура, аспирантура); «Школа начинающего преподавателя».

	2. Поддержание и повышение педагогической квалификации: курсы повышения квалификации (преподавателей, методистов, кураторов); научные и научно-методические семинары (проблемные и обучающие, модульного обобщения передового педагогического опыта) и конференции, учебно-методические сборы; школа педагогического мастерства; творческие группы; научные лаборатории; конкурсы «Лучший преподаватель года», «Лучший учебно-методический комплекс»; методические секции кафедр; выпуск информационно-методических бюллетеней; проведение открытых и показательных занятий; комплекс мероприятий психологической службы вуза по сохранению психологического здоровья преподавателей (психологическое просвещение, диагностика, коррекционно-профилактические мероприятия, индивидуальные консультации); электронный банк педагогических данных; выставки психолого-педагогической литературы; обучающие занятия «Мультимедийные образовательные презентации» (информационно-технологический отдел), «Научная и учебно-методическая литература: оформление и подготовка к изданию» (редакционно-издательский отдел) и др.
--	---

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Приказ Минобразования России от 24.01.2002 г. № 180 «О введении в действие Государственных требований к минимуму содержания и уровню подготовки для получения дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы»».

² Талызина Н. Ф. О психолого-педагогической подготовке преподавателей в университете // Вестник высшей школы. 1985. № 5. С. 32–35.

³ См.: Иванов В. Г. Проектирование содержания профессионально-педагогической подготовки преподавателя высшей технической школы: Дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 1997. С. 173; Никандров Н. Д. Как развиваться вузовской дидактике // Вестник высшей школы. 1974. № 12. С. 81–84; Фокин Ю. Г. Каждой парадигме — свою теорию // Магистр. 1994. № 2.

⁴ См.: Исаев И. Ф. Теоретические основы формирования профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 1993.

⁵ См.: Иванов В. Г. Указ. соч. С. 175, 232–236, 244–266; Он же. Психолого-педагогическая подготовка преподавателей // Высшее образование в России. 1997. № 3. С. 73–79; Кирсанов А. Целостность психолого-педагогической подготовки преподавателей // Высшее образование в России. 2004. № 5. С. 104–109.

⁶ См.: Иванов В., Гурье Л., Зерминов А. Педагогическая деятельность: проблемы, сложности // Высшее образование в России. 1997. № 4. С. 44–49; Жураковский В., Приходько В., Федоров И. Вузовский преподаватель сегодня и завтра (педагогический и квалификационный аспекты) // Высшее образование в России. 2000. № 3. С. 9; Лазукин А. Д. Профессионально-педагогическая подготовка преподавателей образовательных учреждений МВД России: опыт, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 7, 63–64; Матушанский Г. У. Система непрерывного профессионального образования преподавателя высшей школы: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Калуга, 2003. С. 14; Новиков В. Н. Развитие теории и практики подготовки преподавателей высшей военной школы (на материалах вузов ВВУСН). М., 1999. С. 95–110; Фокин Ю. Г. Преподавание и воспитание в высшей школе: методология, цели и содержание, творчество. М., 2002.

⁷ См.: Бусыгина А. Л. Организационно-педагогические основы инвариантной подготовки преподавателей высшей профессиональной школы: Дис. ... д-ра пед. наук. Тольятти, 2000. С. 271, 300.

⁸ См.: Там же. С. 272, 336–339, 345–350.

⁹ См.: Лазукин А. Д. Развитие теории и практики профессионально-педагогической подготовки преподавателей образовательных учреждений МВД России: Монография. М., 2001. С. 83–84.

¹⁰ См.: Врачинский В. П. Педагогические условия совершенствования психолого-педагогической подготовки начинающих преподавателей военного вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2007.

¹¹ Царегородцева Т. А. Формирование психолого-педагогической компетентности преподавателя высшей школы в процессе постдипломного образования: Дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2002. С. 3.

¹² См.: Там же. С. 174–180.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Первый руководитель УПВИ НКВД СССР П. К. Сопруненко

В. Б. КОНАСОВ — профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

В сентябре 1939 г. в системе НКВД появилось новое ведомство — Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, просуществовавшее до 1951 г. В разное время его возглавляли капитан госбезопасности П. К. Сопруненко, генерал-майор И. А. Петров, генерал-лейтенант М. С. Кривенко, генерал-лейтенант Т. Ф. Филиппов, генерал-лейтенант А. З. Кобулов. Все эти руководители были людьми с неординарными судьбами, их деятельность не подлежит однозначной оценке. Преданность своему делу порой переплеталась с преступными деяниями, за которые рано или поздно приходилось отвечать. В любом случае знание служебной карьеры и жизненного пути руководителей ведомства, через которое прошло в общей сложности более 5 млн подданных самых различных государств, поможет исследователю лучше понять и прочувствовать историю военнопленных Второй мировой войны. Настоящий очерк посвящен первому руководителю УПВИ НКВД СССР П. К. Сопруненко.

Петр Карпович родился в 1908 г. в селе Исайки Киевской губернии в семье рабочего-зайщика. В 1920 г. окончил школу 1-й ступени. С 1923 по 1928 гг. работал саночником, крепильщиком, лампоносом, учеником маркшейдера и маркшейдером на Аненском руднике Донецкой губернии УССР. В 1925 г. вступил в члены ВЛКСМ. В сентябре 1928 г. был призван в ряды РККА. За семь лет прошел путь от командира пулеметного взвода до помощника командира войсковой части. В мае 1935 г. поступил в Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе, которую окончил в ноябре 1938 г. После завершения учебы был направлен на работу в органы НКВД и назначен начальником курсов руководящих оперативных работников, затем — помощником начальника секретариата НКВД СССР¹.

В сентябре 1939 г. войска Красной армии совершили так называемый «освободительный поход в Польшу». В результате в руках СССР оказалось более 452 тыс. польских военнослужащих, в том числе 18 789 офицеров². Для организации работы с военнопленными потребовалось создать сеть лагерей и специальное ведомство, получившее название Управление по делам военнопленных (УПВ) при НКВД СССР, позднее — УПВИ (Управление по делам военнопленных и интернированных) НКВД СССР. С 19 сентября 1939 г. его возглавил майор Красной армии П. К. Сопруненко.

Весной 1940 г. накануне расстрела более 20 тыс. польских граждан, содержащихся в качестве военнопленных в лагерях Козельска, Старобельска,

Осташкова и в качестве арестованных в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, П. К. Сопруненко получил звание капитана госбезопасности. Его причастность к организации массового убийства военнопленных офицеров и интернированных поляков подтверждается целым рядом документов, а также показаниями, которые незадолго до своей смерти, в июне 1992 г., дал следователям Генеральной прокуратуры Российской Федерации бывший начальник УПВИ НКВД СССР в связи с расследованием обстоятельств расстрела в 1940 г. польских граждан.

Будучи начальником УПВИ НКВД СССР, П. К. Сопруненко находился в прямой зависимости от своего непосредственного начальника Л. П. Берии и его заместителей — Б. З. Кобулова, И. А. Серова, В. В. Чернышова. О стиле его работы красноречиво свидетельствуют многочисленные факты, связанные с возложенной на УПВИ НКВД миссией по охране прав военнопленных как субъектов международного права. Так, в феврале 1940 г. начальник Старобельского лагеря подполковник А. Г. Бережков попросил начальника УПВИ НКВД выслать ему для ознакомления и руководства текст Женевской конвенции 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Петр Карпович не замедлил вразумить подчиненного: «Женевская конвенция врачей не является документом, которым Вы должны руководствоваться в практической работе. Руководствуйтесь в работе директивами Управления НКВД по делам военнопленных»³.

В период советско-финляндской войны (30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.), когда в лагерях СССР оказалось около 900 чел. (планировалось принять не менее 26 тыс. чел.)⁴, П. К. Сопруненко, как считало руководство, со своими задачами вполне справлялся. Более того, после окончания войны с Финляндией и завершения акции по расстрелу пленных польских офицеров он был удостоен ордена «Знак Почета». В первый год Великой Отечественной войны количество вражеских солдат и офицеров, попавших за колючую проволоку советских лагерей, было немногим более 10 тыс. чел. Положение кардинальным образом изменилось после Сталинградской битвы. Ведомство П. К. Сопруненко не смогло справиться ни с приемом, ни с размещением, ни с организацией медицинского обслуживания солдат и офицеров вермахта, плененных в ходе битвы за Сталинград. Между тем только в конце января 1943 г. в руках Красной армии оказалось более 90 тыс. чел. 12 февраля 1943 г. за упущения в работе П. К. Сопруненко был понижен в должности (его место занял генерал-майор И. А. Петров) и назначен заместителем начальника УПВИ НКВД

СССР. Тем не менее 14 февраля того же года он получил звание полковника госбезопасности.

3 марта 1943 г. был снят с работы и арестован начальник Хреновского лагеря-распределителя № 81 в Воронежской области капитан госбезопасности В. Г. Кузнецов. На его место с сохранением должности заместителя начальника УПВИ НКВД назначается П. К. Сопруненко. Однако и ему не удалось справиться с ситуацией: из 24 тыс. пленных, которых намечалось отправить из лагеря-распределителя № 81 в тыловые лагеря, удалось вывезти лишь 3045 чел., остальные скончались либо за колючей проволокой, либо по пути следования⁵.

В сентябре 1943 г. полковник П. К. Сопруненко был награжден орденом Красной Звезды. В мае 1944 г. его переводят на должность начальника УНКВД Каменец-Подольской области. В январе 1945 г. П. К. Сопруненко был награжден вторым орденом Красной Звезды, а в апреле 1945 г. — орденом Отечественной войны I степени. После окончания Великой Отечественной войны, в июле 1945 г., ему было присвоено воинское звание генерал-майор. А 7 сентября 1945 г. П. К. Сопруненко назначается начальником УНКВД Закарпатской области. Находясь на этом посту, он ведет активную работу с антисоветским подпольем, а в феврале 1946 г. удостоивается знака «Заслуженный работник НКВД». С октября 1946 г. по март 1947 г. генерал-майор П. К. Сопруненко находится в распоряжении управления кадров МВД СССР⁶.

3 марта 1947 г. Петр Карлович прибывает в Нейвянский район Свердловской области. Здесь вплоть до 1949 г. он служит в качестве заместителя начальника Управления строительства № 865 по военно-строительным батальонам, которые добывали золото, возводили завод № 813, занимавшийся выпуском

урана-235 для ядерных бомб. Здесь же, в Невьянском районе, генерал-майор П. К. Сопруненко командует военно-строительными частями Управления строительства № 313. Новое назначение последовало в апреле 1951 г.: место службы — станция Шатки Горьковской области, должность — заместитель начальника Управления строительства № 585 и исправительно-трудоустроительного лагеря Главпромстроя МВД. В апреле 1952 г. строительству № 585 была установлена первая степень секретности, выезд из зоны можно было получить только через подписку о неразглашении. Именно здесь на объекте с условным названием «Приволжская контора Главгорстроя» находилось КБ-11, специалисты которого изготавливали атомные бомбы⁷.

Свою служебную карьеру генерал-майор П. К. Сопруненко закончил в 1963 г. начальником штаба военно-строительной части п/я 2510 Главспецстроя МО СССР. В бытность на этом посту был награжден орденом Красного Знамени. Умер в Москве 23 июня 1992 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 389.

² См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. М. М. Загорулько. М., 2000. С. 25.

³ См.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 22.

⁴ См.: Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955): Очерки и документы. Вологда, 2002. С. 50.

⁵ См.: Военнопленные в СССР. С. 927.

⁶ См.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Указ. соч. С. 389.

⁷ См.: Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995. С. 200, 208.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Эволюция хулиганства

(критические заметки в адрес ст. 213 УК РФ)

А. М. СЫСОЕВ — заместитель начальника юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Написание данной статьи вызвано последними изменениями отечественного законодательства, которые свидетельствуют о непродуманной политике в области уголовно-правового противодействия преступности. Ярким примером этого является Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму», внесший существенные изменения в ряд уголовно-правовых норм, в том числе и в ст. 213 УК РФ.

Необходимо отметить, что хулиганство, как показывает правоприменительная практика, всегда вызывало значительные трудности при квалификации, и эти проблемы появились не сегодня. Еще в 1913 г. министр юстиции И. Г. Щегловитов, представляя законопроект по борьбе с хулиганством, отмечал: «В основу законопроекта положена та мысль, что точно указать в законе, какие преступные деяния должны почитаться хулиганством, не представляется возможным, так как хулиганство есть, в сущности, оттенок преступности и по хулиганским побуждениям может быть учинено всякое преступное деяние. С другой стороны, ограничиться указанием об усилении наказаний в случае учинения проступков “по хулиганству” или, как предполагалось означить, “по озорству” так и не представляется возможным, так как оба эти понятия не могут почитаться имеющими вполне определенное значение. Между тем закон должен дать по возможности точные указания, в каких случаях преступное деяние должно быть признано учиненным по хулиганским побуждениям, и влечь за собой предложенное проектом усиление наказаний»¹.

Традиционно хулиганством признавалось деяние, при котором субъект совершал иные действия, подпадающие под соответствующие уголовно-правовые нормы (телесные повреждения, уничтожение имущества и т. п.). Хулиганство традиционно относится к формальным составам преступлений, которые не требуют наличия общественно опасных последствий. Следовательно, определяющим моментом для установления умысла в формальных составах преступлений является психическое отношение лица к совершенному им деянию. Стоит вспомнить, что сам по себе хулиганский мотив включен в целый ряд уголовно-правовых норм (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ и т. д.).

Само определение хулиганского мотива являлось основой при квалификации деяния. Так, в уже отме-

ненном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.1991 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» указывалось на обязательность установления хулиганского мотива как для квалификации деяния, так и для отграничения хулиганства от других уголовно наказуемых деяний. Под хулиганским мотивом понималось грубое нарушение общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу, очевидное для виновного. При этом грубым нарушением общественного порядка являлось существенное негативное отклонение от общепринятых правил поведения, которое препятствует нормальному функционированию системы общественных отношений, обеспечивающих спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работы учреждений, предприятий и организаций.

Эта точка зрения является доминирующей и в современных научных исследованиях. Так, С. В. Борисов, исходя из вышеизложенного понимания хулиганского мотива, предлагает свое определение хулиганских побуждений, под которыми понимает мотивы, выражающиеся в стремлении лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам поведения, обеспечивающим общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работы учреждений, предприятий и организаций².

На основании изменений, внесенных Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ в уголовное законодательство, хулиганством может быть признано только грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Во-первых, сначала отметим технические недостатки данной редакции нормы. Как справедливо замечают Н. Г. Иванов и И. И. Косырев, теперь для квалификации хулиганства необходимо доказать наличие непосредственного хулиганского мотива и экстремистского мотива. Причем названные мотивы должны содержаться в одном деянии и являться доминантой хулиганских действий³.

Для сравнения отметим, что в ст. 105, 111, 112, 115, 116 УК РФ в состав хулиганских побуждений, с одной

стороны, входят мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, с другой — они разграничены. Обращаясь же к ст. 213 УК РФ, мы видим, что такого разделения нет, что значительно расширяет объем понятия «хулиганство».

Во-вторых, вызывает определенные сомнения положение о том, что хулиганство может совершаться по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Деяния, совершаемые по таким мотивам, — это уже преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Одно только возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по названным мотивам согласно ст. 282 УК РФ является преступлением против основ конституционного строя и безопасности государства.

Отмечая вышесказанное, мы не можем четко выявить критерии, по которым законодатель первоначально отнес хулиганство к преступлениям экстремистской направленности. Последние корректировки уголовного законодательства показывают, что путем внесения изменений в Особенную часть Уголовного кодекса законодатель пытается обосновать данную категорию преступлений.

В-третьих, стоит отметить и мотивы, упомянутые в диспозиции последней редакции ст. 213 УК РФ, а именно: мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, которые, на наш взгляд, не являются определенными. Законодатель, установив в п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ уголовную ответственность за хулиганство, вовсе не указывает, какие действия образуют состав данного преступления.

Как отмечает Ц. З. Апостолова, «мотив, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, проявляется в желании виновного показать неполноценность личности в силу ее принадлежности к определенной национальности, расе, политической, идеологической группе, религиозному вероучению либо иной социальной группе и продемонстрировать окружающим исключительность собственной национальности, расовой и религиозной принадлежности. Указанные мотивы имеют схожие черты: первый направлен против общества в целом, второй — против определенной его ячейки. Однако в процессе квалификации хулиганства следует учитывать первостепенное значение хулиганского мотива. При совершении данного преступления личные мотивы, такие как ненависть или вражда, носят второстепенный характер»⁴.

Действительно, допускать возможность совершения преступления с несколькими равнозначными мотивами — значит создавать проблемы в правоприменительной практике. Однако попытки выделения «первостепенного» или «второстепенного» мотива при квалификации хулиганства также заранее обречены на неудачу.

При рассмотрении данных мотивов не покидает чувство, что законодатель сделал попытку необос-

нованного расширения круга деяний, которые теперь можно трактовать как экстремистские. В этой связи уместно обратиться к высказыванию профессора В. В. Лунеева, который отмечает: «Элитарные круги, пытаясь защитить себя от возможного экстремизма, в число мотивов его совершения включили не только традиционную расовую, национальную и религиозную ненависть (вражду), но идеологическую, политическую и особо выделенную социальную. Такого открытого законодательного цинизма по уголовно-правовой защите интересов олигархии, ее идеологии и политики нельзя найти ни в одном уголовном кодексе западноевропейских стран»⁵.

Чтобы понять, что же представляет собой «политическая ненависть или вражда», обратимся к словарю С. И. Ожегова, который трактует политику как деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающую общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемую их интересами и целями; вопросы и события общественной государственной жизни; образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми⁶. Соответственно, понятие политической деятельности (равно как и политической ненависти или вражды) дает весьма широкий спектр действий и ставит еще больше вопросов. Например, является ли критика политического деятеля в средствах массовой информации выражением политической ненависти или вражды?

Не лучшим образом обстоит дело и в разъяснении сущности «идеологической ненависти или вражды». В большинстве энциклопедических словарей идеология представляется как «система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности»⁷. Ясно представляется пересечение идеологической и политической вражды, но опять же перечисляя деяния, относимых законодателем к преступлениям экстремистской направленности, основанных на данных мотивах, весьма неточен, а следовательно, чрезмерно широк, что создает очевидные трудности при квалификации деяния.

В этой связи исследователь Н. Егорова закономерно отмечает: «Вполне понятно стремление законодателя усилить уголовно-правовое противодействие наиболее опасным проявлениям экстремизма. Однако толкование признака совершения преступления по мотивам политической, идеологической ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы вызывает серьезные вопросы. На наш взгляд, это может затруднить применение уголовно-правовых норм о таких распространенных преступлениях, как убийство, умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести, поби, хулиганство и т. д. Недостаточно ясным не только для всего населения России, но и для специалистов в области юриспруденции представляется значение данных мотивов политической, идеологической ненависти или вражды»⁸.

Включение в состав хулиганства экстремистского мотива максимально запутывает правоприменитель-

ную практику. Квалификация хулиганства всегда создавала проблему, а в нынешней редакции ст. 231 УК РФ она становится еще более запутанной и, следовательно, неработающей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ К вопросу о мерах борьбы с хулиганством (проект министра юстиции) // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного союза криминалистов. 1913. № 4. С. 104.

² См.: Борисов С. В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 14.

³ См.: Иванов Н. Г., Косырев И. И. Современный метаморфоз уголовно наказуемого хулиганства // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 37.

⁴ Апостолова Ц. З. Дискуссионные аспекты уголовно-правовой характеристики хулиганства в редакции Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Российский следователь. 2007. № 24. С. 9–10.

⁵ Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 158–159.

⁶ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 478.

⁷ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.–СПб., 1997. С. 434.

⁸ Егорова Н. К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 41.

Применение отсрочки отбывания наказания к беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей

О. М. КАМАЛОВА — соискатель кафедры уголовного права Московского государственного лингвистического университета

Дифференциация исполнения наказания, являясь одним из важных принципов уголовно-исполнительного права и одновременно развитием уголовно-правового принципа дифференциации уголовной ответственности, направлена на создание необходимых условий для достижения стоящих перед ним целей. Признавая справедливость утверждения о том, что «в демократическом обществе к наименее защищенным социальным группам относятся женщины, старики и несовершеннолетние»¹, правомерно констатировать, что в числе всех осужденных самостоятельную категорию занимают женщины. Своего рода общее суждение о тенденциях назначения наказания женщинам высказал М. Т. Тащилин: «Судебная практика назначения уголовных наказаний женщинам свидетельствует об их значительном смягчении по признаку пола, что обусловлено спецификой социального статуса женщины, уклада их жизни, физического состояния и т. п.»².

Выделение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве такой категории совершивших преступление, как женщины, находящиеся в состоянии беременности либо имеющие малолетних детей, определяет предпосылки для реализации дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в отношении рассматриваемой категории осужденных. Самостоятельный интерес представляет такой институт, как отсрочка отбывания наказания, применяемая к осужденным женщинам. Это и определяет его характер как специального уголовно-правового института, применение которого является реализацией поощрительных правовых норм, что, по утверждению А.С. Михлина, «всегда связано с облегчением участи осужденного, с предоставлением ему каких-либо благ, освобождением от обязанностей»³.

Из содержания ст. 82 УК РФ следует, что возможность ее применения предоставлена законом в отношении не всех осужденных к тем или иным наказаниям женщин, а только имеющих детей в возрасте до

14 лет либо находящихся в состоянии беременности. При этом закон исключает возможность применения отсрочки к женщинам, которые формально соответствуют любой из двух названных характеристик, но которым в соответствии с приговором суда надлежит отбывать наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет за совершение тяжких либо особо тяжких преступлений (ст. 15 УК РФ), направленных против личности.

Среди всех находящихся в местах лишения свободы осужденные женщины составляют относительно небольшую группу, однако изоляция для них проходит гораздо сложнее, нежели для мужчин, причем не только психологически, но физиологически. Следует признать обоснованным утверждение, что «по-видимому, общество не может сразу и полностью отказаться от применения... лишения свободы (изоляции от общества) в отношении большинства женщин, попадающих в поле зрения уголовного правосудия»⁴.

Учет особенностей этой категории при относительно небольшой доле ее в местах лишения свободы, наличии в законодательстве норм, непосредственно относящихся к различным аспектам регулирования отбывания ими лишения свободы, является социально обусловленным. В изоляции такой достаточно тяжелой физически и психологически для женщины период, как беременность, проходит гораздо сложнее в силу ряда причин. Как справедливо отмечает В. А. Сушко — автор одного из первых диссертационных исследований, посвященных анализу отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющими малолетних детей, или беременными⁵, — на женщинах «в большей мере... сказывается отрыв от детей, невозможность принимать участие в их воспитании, даже если эти дети старше трехлетнего возраста»⁶ (во время написания цитируемой работы отсрочка могла применяться к осужденным женщинам, имеющим детей до трехлетнего возраста — *Прим. авт.*).

Законодатель, восприняв институт отсрочки из ранее действовавшего уголовного законодательства, возраст ребенка осужденной определил более льготным. Вместе с тем представляется нелогичным сохранение в наименовании ст. 82 УК РФ указания на возможность применения отсрочки в отношении женщин, имеющих «малолетних детей»⁷, к числу которых, исходя из содержания ч. 1 ст. 82 УК РФ, следует отнести детей в возрасте до четырнадцати лет. Эта оценка возраста ребенка была адекватной в момент введения в уголовное законодательство института отсрочки. В настоящее же время наименование ст. 82 УК РФ следует изменить, назвав ее «Отсрочки отбывания наказания женщинами беременными или имеющими несовершеннолетних детей в возрасте до четырнадцати лет».

Позиция ранее действовавшего УК РСФСР представляется более последовательной в сравнении со сформулированной в действующем УК РФ, поскольку отсрочка могла быть применена к осужденной при обязательности наличия одного из двух условий: либо женщина имела семью или родственников, которые согласны на совместное с ней проживание, либо она имела возможность самостоятельно обеспечить надлежащие условия для воспитания ребенка (ч. 2 ст. 46.2 УК РСФСР). Смысл и назначение отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами рассматриваемой категории состоит в учете интересов ребенка. И это само по себе предполагает выяснение и учет тех материальных и бытовых условий, в которых окажется женщина в случае ее освобождения в связи с беременностью или при наличии ребенка, проживающего с родственниками в период отбывания матерью наказания либо содержащегося в домах ребенка исправительных учреждений. Анализируемая норма действующего законодательства де-юре может быть применена к любой осужденной женщине, находящейся в состоянии беременности либо имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, следовательно, любая осужденная, подпадающая под применение нормы об отсрочке, вправе на нее претендовать. Такое положение вряд ли стоит признать бесспорным еще и потому, что оно само по себе пусть косвенно, но может побуждать осужденную к тому, чтобы стать в период отбывания наказания матерью и тем самым реализовать приоритетность своих интересов, направленных на облегчение условий содержания во время пребывания в изоляции.

Привсейнеоднозначности утверждения М. М. Поливановой о том, что «женщины иногда идут на роды в неволе ради смягчения условий содержания»⁸, есть некоторые основания с ним согласиться, поскольку в анализируемой норме предусматривается только формальное основание применения отсрочки, которым является факт наличия беременности или ребенка в возрасте до четырнадцати лет. И фактически возможность применения отсрочки в уголовном праве никак не связывается с наличием возможности материально содержать имеющегося у осужденной или будущего ребенка, то есть того, что объективно необходимо, исходя из назначения института отсрочки. Представляется важным отметить, что регламентация применения отсрочки в УИК РФ

выражается в обязанности администрации исправительного учреждения предоставлять в суд такие документы, как справка о согласии родственников принять осужденную и ее ребенка, предоставить ей жилье и создать необходимые условия для проживания либо справка о наличии у нее жилья и необходимых условий для проживания с ребенком; медицинское заключение о беременности либо справка о наличии ребенка; личное дело осужденной. Перечисленные положения ч. 3 ст. 177 УИК РФ, по существу, детализируют отсутствующее в ст. 82 УК РФ материальное основание применения отсрочки, которое, безусловно, должно быть сформулировано в уголовном законе.

Изложенное позволяет высказать предложение о целесообразности внесения дополнений в ч. 1 ст. 82 УК РФ, согласно которым отсрочка отбывания наказания могла бы применяться только в случаях, когда осужденная имеет семью или родственников, согласных на совместное проживание в случае ее освобождения, либо осужденная в состоянии самостоятельно обеспечить необходимые условия для воспитания и содержания своего ребенка. Если исходить из того, что направленность анализируемого института — интересы имеющегося или будущего ребенка осужденной женщины, то высказанное предложение нужно признать соответствующим нормам Международного пакта о гражданских политических правах 1966 г., в ст. 24 которого сформулировано положение о том, что «каждый ребенок без всякой дискриминации... имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства». Принятие законодателем предлагаемого дополнения нормы ст. 82 УК РФ, по существу, позволит восполнить пробел, проявляющийся в том, что в ней не предусмотрено четкого материального критерия, на который должен опираться суд при решении вопроса об отсрочке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Рябинин А. А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Домодедово, 2000. С. 185.

² Тащилин М. Т. Назначение наказания судом с участием главных заседателей по уголовному праву Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 42.

³ Михлин А. С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение: Сб. науч. тр. М., 1993. С. 86.

⁴ Альперн Л. И., Огородников И. В. Рекомендации по проблеме содержания женщин в условиях лишения свободы // Тюрьма — не женское дело: Результаты тюремного мониторинга, выводы, рекомендации, рецензии, очерки, интервью: Сб. мат. / Сост. Л. И. Альперн. М., 2000. С. 8–9.

⁵ См.: Сушко В. А. Совершенствование условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

⁶ Он же. Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами, имеющими малолетних детей, и беременными: Пособие / Под ред. А. С. Михина. М., 1996. С. 4.

⁷ Малолетство в русском языке С. И. Ожегов определяет как детский, отроческий возраст (См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 289).

⁸ Поливанова М. М. Влияние пребывания в заключении на личность женщины // Тюрьма — не женское дело. С. 28.

Возмещение морального вреда (математика на службе права)

Н. И ТОЛСТИКОВ — заместитель прокурора Вологодской области, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ

Закон есть царь всех божественных и человеческих дел; он должен быть начальником добрых и злых; вождем и руководителем живых существ, живущих в государстве; мериллом справедливого и несправедливого, которое приказывает делать то, что должно быть делаемо, и запрещает делать то, что не должно быть делаемо.

Хризипп «О законах»

Закон должен быть краток, чтобы его могли запомнить и люди несведущие.

Сенека

Конституция Российской Федерации в гл. 2 провозглашает право на жизнь, здоровье, честь и достоинство как естественные и неотчуждаемые права личности, что, естественно, должно предполагать и эффективную защиту таковых. Важнейшей задачей правового государства должно быть обеспечение наиболее справедливого, быстрого и эффективного восстановления нарушенного права и возмещение причиненного вреда. Российская Федерация, объявившая себя в ст. 1 Конституции правовым государством, должна быть достойна этого.

Одним из видов вреда, который может быть причинен человеку, является так называемый моральный вред, то есть страдания, вызванные различного рода противоправными действиями. Вопрос о моральном вреде и допустимости его компенсации в денежной форме длительное время являлся предметом научных дискуссий. Долгие годы имела верховенство точка зрения о недопустимости таковой компенсации, и, как следствие этого, гражданское законодательство Российской Федерации до 1990 г. не предусматривало ни самого понятия морального вреда, ни, естественно, его возмещения в какой-либо форме.

Серьезным аргументом против возмещения такого вреда в имущественной, денежной форме была невозможность ее объективной оценки. Такая позиция отражала в себе представление о свойственном гражданскому праву принципе эквивалентного возмещения. Но, на наш взгляд, при возмещении вреда имущественным правам какой-либо эквивалент вряд ли применим.

Впервые законодательный прорыв в этом отношении был сделан принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 31 мая 1991 г., где моральный вред был определен как физические и нравственные страдания. После этого российское законодательство пошло по пути внесения норм о компенсации морального вреда в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Это, в частности, Закон от 10.12.1991 г. «Об охране окружающей природной среды», Закон от 27.12.1991 г. «О средствах массовой информации», Закон от 07.02.1992 г. «О защите прав потребителей», Правила возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением

здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей», утвержденные Верховным Советом РФ 24.12.1992 г., Закон от 22.01.1993 г. «О статусе военнослужащих».

Понятие морального вреда было введено в гражданское законодательство, по всей вероятности, для сохранения терминологической преемственности с уголовно-процессуальным законодательством, поскольку до последнего времени единственным основанием считать моральный вред правовой категорией являлась ст. 53 УПК РСФСР, определявшая потерпевшего лицом, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Вообще-то понятие «мораль» применительно к личности означает совокупность представлений об идеале, добре и зле, справедливости и несправедливости. В свою очередь, под вредом в гражданском праве понимаются неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, тогда как само благо может быть как имущественным, так и неимущественным.

Перечень охраняемых законом неимущественных благ содержится в Конституции РФ. Это право на жизнь, здоровье, достоинство, доброе имя, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. При этом в Конституции РФ подчеркивается, что данный перечень не должен толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод личности. Упомянутые права имеют абсолютный характер.

Как уже отмечалось, понятие морального вреда в гражданско-правовом смысле раскрыто в ст. 151 ГК РФ, где моральный вред определяется как физические и нравственные страдания. Наверное, законодатель неслучайно увязал понятие морального вреда со словом «страдания».

Определение понятия «моральный вред» дал и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 20.12.1994 г. «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» с последующими изменениями и дополнениями. В п. 2 отмечается, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие

гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. д.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законом об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную деятельность, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий.

Физический, телесный вред — это вред материальный и вместе с тем неимущественный. Таким образом, любой телесный вред в целях его возмещения в рамках гражданско-правового регулирования распадается на моральный и имущественный вред.

Хотя человек претерпевает страдания во множестве случаев, в том числе и в результате неправомерных действий других лиц, однако это не означает, что он во всех случаях приобретает право на компенсацию морального вреда. Такое право возникает при наличии предусмотренных законом условий и оснований ответственности за причинение морального вреда.

В силу ст. 151 ГК РФ денежная компенсация морального вреда присуждается, если он причинен гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага (их исчерпывающий перечень приведен в ст. 150 ГК РФ, а это жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства и др.); в случаях нарушения иных прав (имущественных) присуждение денежной компенсации причиненного морального вреда допустимо только, если это прямо предусмотрено федеральным законом. На это положение прямо указывает в п. 2 Пленум Верховного Суда РФ.

Из этого следует, что виновное нарушение этих благ в любых отношениях (трудовых, административных, уголовно-правовых и др.) должно влечь последствия, предусмотренные гражданским законодательством, включая компенсацию морального вреда по правилам ст. 12, 151, 152 ГК РФ.

А это значит, что если незаконными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностными лицами этих органов нарушаются личные неимущественные права гражданина либо совершается посягательство на принадлежащие гражданину другие нематериальные бла-

га (ст. 150 ГК РФ), то он имеет право на компенсацию причиненного ему морального вреда на основании общих положений ГК РФ (ст. 151 ГК РФ), независимо от того, имеется ли специальная норма, допускающая такую компенсацию для данных правоотношений. Если же такими действиями нарушаются имущественные права гражданина, то он имеет право на компенсацию морального вреда только при наличии для этого специальной нормы права.

На практике большую сложность представляет определение размеров компенсации морального вреда. Первоначально закон вообще не устанавливал никаких критериев определения форм и размеров этой компенсации, передавая решение этого вопроса целиком на усмотрение суда и допуская компенсацию морального вреда не только в денежной, но и в иной материальной форме (ст. 131 Основ гражданского законодательства).

По правоотношениям, возникшим с 1 января 1995 г., компенсация морального вреда согласно ст. 151 ГК РФ предусматривается в денежной форме. В этой же статье установлены некоторые критерии определения ее размеров: степень вины нарушителя, степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Часть 2 ГК РФ дополнила эти критерии указанием на разумность и справедливость при определении размера компенсации морального вреда и уточнила, что степень вины причинителя вреда учитывается в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда (ст. 1101 ГК РФ).

Полагаем, что для определения степени физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, в чем, на наш взгляд, суд не является специалистом, необходимо назначение и проведение в ходе рассмотрения дела судебно-психологической экспертизы, которая способна определить индивидуальные особенности лица, пострадавшего в данном случае, глубину его нравственных переживаний и страданий исходя из психологических особенностей его характера.

Передача этого вопроса на усмотрение суда, введение понятий разумности и справедливости дает широкий простор судебному толкованию этих вопросов, субъективному пониманию понятий добра и справедливости, а значит, и различному толкованию закона в его применении.

Наверное, по такой категории дел, как ни по какой другой, следует выносить судебные решения с участием заседателей, а не одним судьей, как сейчас предусматривает гражданско-процессуальное законодательство. Это позволяло бы более взвешенно и коллегиально выносить решения.

Размеры этих сумм зависят от очень многих конкретных обстоятельств, требуют разумного и взвешенного подхода к оценке, не допускающего определения как неоправданно заниженных, так и неоправданно завышенных выплат по тем делам, где степень страданий, перенесенных пострадавшими, незначительна.

А порой подход суда бывает крайне неординарный. Так, приговором Кич-Городецкого районного суда Вологодской области от 29 июня 2004 г. был признан виновным и осужден по ч. 2 ст. 264 УК РФ к двум годам лишения свободы с лишением права управлять транспортными средствами М., который, управляя автомобилем, в нарушение п. 2, 7, 9, 10, 10.1 Правил дорожного движения совершил наезд на пешехода К., который от полученных телесных повреждений скончался на месте происшествия.

Одновременно в пользу законного представителя пострадавшей приговором суда было взыскано 5555 руб. в возмещение расходов, связанных с погребением, и одновременно 70 тыс. руб. в возмещение морального вреда. Сам же законный представитель просил у суда в возмещение морального вреда взыскать с подсудимого 400 тыс. руб., оценив свои нравственные страдания именно такой суммой.

Аналогичный случай. Приговором Череповецкого городского суда от 5 июля 2004 г. за совершение аналогичного преступления по ч. 2 ст. 264 УК РФ к трем годам лишения свободы условно был осужден М., который управляя автомобилем, в нарушение п. 10.2, 10.1, 14.1, 3.24 Правил дорожного движения совершил наезд на пешехода, причинив ему по неосторожности смертельные телесные повреждения.

Одновременно приговором суда было взыскано в пользу законного представителя пострадавшего с подсудимого 300 тыс. руб. в возмещение морального вреда. Суд, принимая такое решение, указал, что он «учитывает характер и степень причиненных физических и нравственных страданий, а также материальное положение потерпевшего и подсудимого» и полагает, что именно в такой сумме иск нашел в суде свое полное подтверждение.

Судебная коллегия областного суда, рассматривая данное уголовное дело в кассационном порядке, в свою очередь пришла к выводу, что заработная плата подсудимого составляет 5 тыс. руб., сам он состоит в гражданском браке и имеет на иждивении месячного ребенка. Жена не работает. Материальное положение потерпевшего судом первой инстанции не исследовалось, согласно материалам дела он холост. Дети погибшего содержатся в детском доме в другом городе и находятся на полном государственном обеспечении.

Принимая во внимание данные обстоятельства, требования ст. 151, 1099, 1101 ГК РФ, требование разумности и справедливости, фактические обстоятельства дела, судебная коллегия посчитала заявленный и удовлетворенный судом размер компенсации морального вреда завышенным и понизила его до 150 тыс. руб.

Или еще одно уголовное дело. 23 июня 2002 г. около 24 час. недалеко от фермы возле деревни Старина Вологодской области группа подростков разожгла костер, пекла картошку, жарила хлеб. В это время к ним подошел находившийся в нетрезвом состоянии Ц. и стал назойливо приставать к ребятам, а затем из хулиганских побуждений схватил несовершеннолетнего С. и бросил его в костер, в результате чего подросток получил значительные ожоги кистей рук, плеча, ног.

За совершенное преступление приговором Кадуйского районного суда от 17 октября 2002 г. Ц. был признан виновным и осужден по п. «д» ч. 2 ст. 112 и ч. 1 ст. 213 УК РФ к 2,6 годам лишения свободы условно. Одновременно этим же приговором суда было взыскано в возмещение морального вреда с подсудимого в пользу пострадавшего 100 тыс. руб.

На наш взгляд, требование разумности и справедливости при разрешении вопросов о возмещении морального вреда должно иметь более точный расчет, математическое обоснование, чтобы усмотрение суда обладало меньшим значением.

По нашему убеждению, при определении компенсации морального вреда можно руководствоваться следующей формулой, используя на сегодня такие понятия, как «МРОТ» (минимальный размер оплаты труда), «максимальное наказание за совершение того или иного преступления», «степень вины подсудимого и пострадавшего». В этом случае расчет по возмещению морального вреда будет определяться по следующей формуле, несколько отличной от той, которую предложил в свое время профессор А. М. Эрделевский:

Моральный вред = МН (МРОТ) × КВП × СНС (0, 1, 2, 3),

где:

МН — максимальное наказание за совершенное подсудимым преступление;

МРОТ — минимальный размер оплаты труда, который в настоящее время составляет 2300 руб.;

КВП — коэффициент вины подсудимого — наказание, полученное подсудимым по приговору суда за совершенное им преступление и определяемое в виде какой-либо части от максимального размера наказания по данной статье и части УК РФ (например, как $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ от максимально возможного наказания);

СНС — степень нравственных страданий потерпевшего, законного представителя, которая по заключению судебно-психологической, психолого-психиатрической экспертизы может определяться по следующей шкале:

0 — отсутствие каких-либо страданий;

1 — в рамках нормальных, естественных переживаний, «среднечеловеческих»;

2 — сильные страдания, переживания;

3 — очень сильные переживания, страдания, вызванные, в том числе, и наступлением тяжелых последствий совершенного преступления (утрата единственного кормильца в семье; убийство малолетнего ребенка чужим человеком и отсутствие возможности иметь детей в будущем; наступление инвалидности и пр.).

И если следовать этой формуле, то в случае осуждения подсудимого за совершение преступления по ч. 1 ст. 105 УК РФ, допустим, к 7,5 годам лишения свободы дочь или жена потерпевшего могут рассчитывать на получение компенсации морального вреда в следующем размере:

$МВ = (2300 \text{ руб.} \times 180 \text{ мес.}) \times 1/2 \times 2 = 414 \text{ тыс. руб.}$, если взять во внимание, что в данном случае степень нравственных страданий по заключению эксперта являлась сильной для законного представителя потерпевшего (дочери, жены потерпевшего).

Именно такую сумму должен получить каждый, кто является в соответствии со ст. 1142 ГК РФ наследником первой очереди погибшего (дети, супруг и его родители). Половину этой суммы вправе получить в соответствии со ст. 1143 ГК РФ наследники второй очереди, то есть по 72 тыс. руб. каждый. Одну треть этой суммы вправе получить в соответствии со ст. 1144 ГК РФ наследники третьей очереди, то есть по 46 тыс. руб. каждый.

Данный подсчет можно продолжать в рамках гл. 63 ГК РФ «Наследование по закону». Полагаем, что институт наследования по завещанию, если таковое имелось у погибшего на момент его гибели, не применим.

И в завершение этого рассуждения хотелось бы остановиться на вопросе об ответственности государственных органов в случае незаконного осуждения, незаконного привлечения лица к уголовной ответственности, которая регулируется ст. 1070, 1071 ГК РФ.

По делам так называемого публичного обвинения ответственность по компенсации морального вреда должна полностью ложиться на органы государственной власти (в данном случае — казну), по делам частно-публичного обвинения ответственность государства и потерпевшего должна делиться поровну, а по делам частного обвинения компенсация морального вреда в случае незаконного осуждения должна возлагаться на частного обвинителя.

В случае самооговора ответственность исключается.

Эта точка зрения, безусловно, не бесспорна, не однозначна, хотя приведенная математическая формула в чем-то подкупила автора этой статьи.

Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» в ст. 13 предусматривает ответственность продавца (изготовителя, исполнителя) за нарушение прав потребителей.

И как указано в п. 2 этой статьи, убытки, причиненные потребителю, подлежат возмещению в полной сумме сверх неустойки (пени), установленной законом или договором.

Более того, законодатель пошел дальше и ввел в ст. 15 также еще и компенсацию морального вреда, согласно которой «моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом) или организацией, выполняющей функции изготовителя (продавца) на основании договора с ним, прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда».

Компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков».

И опять же размер компенсации морального вреда определяется судом с учетом требований справедливости, разумности, степени и характера страданий потерпевшего (потребителя).

В п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.1994 г. № 7 указано, что «моральный вред возмещается в денежной форме и в размере, определяемых судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда, присуждаемый судом размер компенсации морального вреда не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара (работы, услуги) или суммы подлежащей взысканию неустойки, а должен основываться на характере и объеме причиненных потребителю нравственных и физических страданий в каждом конкретном случае».

Пленум отмечает, что размер компенсации морального вреда «не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара», хотя, наверное, не может быть сомнения и в том, что и степень страданий может быть разной, если куплена, например, автомашина или радиоприемник, оказавшиеся бракованными.

Размер возмещения морального вреда можно определить опять же формулой:

$$\text{Вред} = S : \left(\frac{з/п}{МРОТ} \right) \times СНС (0, 1, 2, 3),$$

где:

S — стоимость купленной вещи или стоимость работ (при нарушении прав потребителя);

з/п — заработная плата потребителя (гражданского истца по конкретному гражданскому делу);

МРОТ — минимальный размер оплаты труда на день рассмотрения спора в суде;

СНС — степень нравственных страданий по ранее указанной градации.

Тогда в случае приобретения вещи (изготовления работ) ненадлежащего качества, если стоимость вещи (работ) составляет 40 тыс. руб., зарплата потребителя — 6900 руб., МРОТ — в настоящее время 2300 руб., степень страданий — 1 (обычная), то моральный вред будет определяться по формуле:

$$\text{Вред} = 40 : \left(\frac{6900}{2300} \right) \times 1 = 13\,333 \text{ тыс. руб.}$$

Безусловно, это не догма, а лишь информация к дальнейшему размышлению.

Интерпретация в правоприменительной деятельности (на примере ст. 75, 76 УК РФ)

Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА — старший преподаватель кафедры уголовного права Вологодского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук;

Е. В. ПОПАДЕНКО — заместитель декана юридического факультета Вологодского государственного педагогического университета

В современной правовой доктрине одним из актуальных направлений научных изысканий выступает вопрос об арсенале технических средств, с помощью которых раскрывается воля законодателя.

Интерпретация в широком смысле означает истолкование, объяснение, перевод на более понятный язык¹. Интерпретационная техника следует за процессом законотворчества и излагается в интерпретационных актах (актах толкования права) относительно содержания законов, подзаконных нормативных актов, индивидуальных правовых актов и т. п. Однако немаловажную роль в рассматриваемом нами вопросе играет и соблюдение правотворцем требований, предъявляемых при создании текста права. Техническая сторона изложения некоторых норм УК РФ доставляет правоприменителю немало трудностей при их уяснении. Проиллюстрируем сказанное на примере ст. 75, 76 УК РФ.

Условием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим является совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые.

Законодательная конструкция «лицо, впервые совершившее преступление» на практике понимается неоднозначно. Так, согласно кассационному определению Архангельского областного суда по делу № 22–816, «по смыслу закона, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести признается лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу». Однако в соответствии с нормами уголовного закона лицо может быть освобождено от уголовной ответственности не только при фактически первом совершении им преступления, но и в том случае, если ранее оно привлекалось к уголовной ответственности, но не было осуждено или судимость была снята (погашена). В другом случае государственным обвинителем по уголовному делу в отношении В. было внесено кассационное представление, где ставился вопрос об отмене постановления суда о прекращении уголовного дела, поскольку В. был ранее судим. Судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда отменила постановление нижестоящего суда и направила дело на новое рассмотрение, указав в качестве основания отмены на то обстоятельство, что на момент вынесения постановления приговор в отношении В. за ранее совершенное им преступление не вступил в законную силу, и это «не давало суду оснований принимать решение о прекращении уголовного дела»².

Из приведенных примеров видно, насколько неоднозначно складывается практика даже в юрисдикции

одного суда в отношении трактовки «лицо, впервые совершившее преступление».

Одним из признаков, свидетельствующих о деятельном раскаянии обвиняемого, является способствование раскрытию преступления. Здесь следует обратить внимание на противоречивость норм уголовного права. Законодатель в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, указал «активное способствование раскрытию преступления», в то время как при освобождении от уголовной ответственности достаточно только «способствования раскрытию» деяния без какой-либо интенсивной, энергичной деятельности со стороны виновного. Положения уголовного закона необходимо привести к единообразию. Еще одной «несостыковкой» законодателя является то, что в настоящее время термин «раскрытие преступления» выведен из оборота уголовно-процессуального законодательства, а его использование в уголовном законе приводит к трудностям его толкования. Также наблюдается отождествление термина «раскрытие преступлений» со сходными понятиями, такими как предупреждение и пресечение преступлений. Отграничение этих действий принципиально важно, поскольку в ст. 75 УК РФ возможность освобождения лица от уголовной ответственности связывается именно со способствованием раскрытию преступления.

Следует отметить еще одну противоречивость позиции законодателя: лицо «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным», однако правоприменитель может освободить его от уголовной ответственности, а может и привлечь к ней на общих основаниях. В случае, когда лицо не представляет общественной опасности, привлечение к уголовной ответственности является бессмысленным. Кроме того, законодательная конструкция «лицо перестало быть общественно опасным» является достаточно размытой. Правонарушитель может совершить все указанные в ч. 1 ст. 75 УК РФ постпреступные действия, руководствуясь возможностью избежать наказания. В такой ситуации нет оснований говорить об утрате лицом общественной опасности.

Законодательная формулировка «лицо, совершившее преступление» позволила ряду авторов объявить институт освобождения от уголовной ответственности противоречащим принципу презумпции невиновности³.

Нам представляется, что проблема соотношения рассматриваемого института и принципа презумпции невиновности несколько надуманна. Уголовное законодательство имеет дело с объективными категориями, независимыми от степени их познания на той или иной стадии процесса; преступление остается преступлением независимо от того, когда этот

факт был обнаружен или официально удостоверен приговором суда. Однако до того момента, как приговор суда вступит в законную силу, вопрос об уголовной ответственности остается неопределенным. Отсюда следует, что невозможно освободить кого-либо от того, что еще не определено, не установлено. По нашему мнению, существующая коллизия будет устранена, если законодатель в УК РФ будет использовать термин «освобождение от уголовного преследования», как это существует во многих зарубежных странах.

Резюмируя вышеизложенное, еще раз отметим особое место интерпретации в процессе правотворчества и ее связь с техническим состоянием норм права. Облегчить работу правоприменителя

способен только сам законодатель, соблюдающий правила юридической техники при изложении своей воли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1987. С. 497.

² См.: Архив Архангельского областного суда за 2006 г. Дело № 22–3303.

³ См., напр.: Петрухин И. Л. Презумпция невиновности — конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1978. № 12. С. 23; Лукашевич В., Шимановский В. О праве прокурора и следователя прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. 1991. № 10. С. 36 и др.

Порядок оформления трудовых отношений: вопросы теории и практики

Н. И. МИНКИНА — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук

Важным этапом в трудовой деятельности человека является возникновение трудового отношения и его правильное оформление, что во многом зависит не только от работодателя, но и от гражданина, ищущего работу и желающего трудоустроиться. Роль последнего субъекта нельзя недооценивать. Как показывает практика, большинство нарушений трудового законодательства Российской Федерации, в том числе на стадии заключения трудового договора и возникновения трудовых отношений, допускается работодателем с молчаливого согласия работников. Понятно, что причины такого молчания могут быть разными: от элементарного незнания норм Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) до человеческой потребности трудоустроиться любым образом.

Значимость стадии возникновения трудового правоотношения можно определить посредством известного выражения «Как корабль назовешь — так он и поплывет».

Гражданину, устраивающемуся на работу, следует проявлять особую бдительность на этапе заключения трудового договора с работодателем, что в совокупности с правовой грамотностью может стать одной из возможных мер по предупреждению нарушений российскими работодателями трудового законодательства, будет способствовать осуществлению деятельности надзорным инстанциям и контрольным органам в сфере трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы трудового права страны.

В 2002 г. в ст. 68 ТК РФ была определена единственная форма установления трудовых отношений — заключение трудового договора. Между тем в правоприменительной деятельности до сих пор можно встретить заключение разного рода «соглашений» по регулированию труда работников. Более того, достаточно распространены факты заключений «договоров» и «контрактов». В последнем случае речь не идет о служебных контрактах.

Следует заметить, что помимо указанного неверного наименования договоренности сторон о возникновении трудовых отношений, поскольку это противоречит положениям ст. 68 ТК РФ, непонятна и правовая природа происхождения отношений, охватываемых такими «договорами», «контрактами» и «соглашениями» (далее мы будем называть это «соглашениями»).

Исходя из содержания таких «соглашений» работодатель нередко целенаправленно оформляет вовсе не трудовые, а гражданско-правовые отношения. Поэтому граждане, заключая и подписывая подобного рода «соглашения», не имеют четкого и грамотного с юридической точки зрения представления о том, в какие отношения они вступают. На практике выясняется, что граждане, подписывая, как они полагают, трудовые договоры, не имеют никаких социальных льгот в сфере труда, а при обращении в судебные инстанции становится возможным установление законности действий так называемого «работодателя» — другой стороны отношений. Таким образом, у граждан складывается не соответствующее реальной действительности представление о несоблюдении норм трудового законодательства, подкупе суда и т. п. Однако «псевдорботник» даже не полагает, что он сам себя лишил социально-трудовых льгот, когда-то необдуманно подписав «соглашение», под которым подразумевался договор гражданско-правового характера, что трудовым законодательством не регулируется.

Смежными с трудовыми договорами являются договоры подряда и договоры возмездного оказания услуг (гл. 37 и 39 ГК РФ).

В специальной юридической литературе много внимания уделялось и уделяется рассмотрению вопросов, касающихся критериев разграничения указанных смежных договоров. Так, например, возможна ситуация, когда работодатель заключил гражданско-правовой договор, а фактически с работником сложились трудовые отношения. Последний может в су-

дебном порядке, руководствуясь положениями ст. 11 ТК РФ, доказать этот факт и понудить работодателя заключить с ним трудовой договор.

Таким образом, на стадии заключения трудового договора с работодателем следует обращать внимание как на название заключаемого договора, так и на его содержание, подвергнув текст заключаемого с работодателем договора глубокому и всестороннему анализу.

Законодателем регламентирована достаточно сложная процедура оформления трудовых отношений, что, к сожалению, в полном объеме работодателями соблюдается не всегда.

При приеме на работу, до подписания трудового договора, предположительно на стадии его обсуждения и заключения, работодатель согласно ст. 68 ТК РФ обязан ознакомить работника под роспись с действующими коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка, положением о персональных данных работников и иными локальными нормативными актами организации (у индивидуального предпринимателя), непосредственно связанными с трудовой деятельностью работника.

После этого в соответствии с положениями ст. 67 ТК РФ сторонами заключается трудовой договор строго в письменной форме и в двух экземплярах (один — для стороны работника, другой — для работодателя). При этом получение работником экземпляра трудового договора должно подтверждаться подписью работника на экземпляре трудового договора работодателя, хранящемся, как правило, в отделе кадров.

Известно, что содержание трудового договора включает в себя обязательные и факультативные (дополнительные) условия. Согласно ст. 57 ТК РФ в трудовом договоре в обязательном порядке указываются: место работы (конкретное обособленное структурное подразделение и его местонахождение); трудовая функция (работа в должности в соответствии со штатным расписанием, профессией, специальностью с указанием квалификации и конкретный вид поручаемой работы); условия оплаты труда и компенсации; режим рабочего времени и времени отдыха; дата начала работы, а в том случае, когда заключается срочный трудовой договор, и срок его действия, и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора, и иные условия, предусмотренные трудовым законодательством и другими нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

На обыденном уровне сознания существует мнение о том, что если в трудовом договоре не будут указаны все требуемые ТК РФ обязательные условия, то такой договор считается незаключенным и не вступает в юридическую силу. Однако согласно сложившейся правоприменительной практике такие трудовые договоры действуют, но в них, бесспорно, по соглашению сторон должны быть внесены недостающие обязательные условия, на что указывается органами надзора и контроля работодателю, которым нарушаются требования ст. 57 ТК РФ. В соответствии с указанной нормой недостающие сведения вносятся непосредственно в текст трудового договора, а недостающие условия определяются в приложении к трудовому договору либо отдельным соглашением

сторон, заключаемым в письменной форме и являющимся неотъемлемой частью трудового договора.

Одновременно с этим в трудовом договоре можно предусмотреть и дополнительные условия, не ухудшающие положения работника по сравнению с действующими нормативно-правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями социального партнерства, локальными нормативными актами. К таким условиям законодатель относит условия об испытании, неразглашении охраняемой законом тайны, улучшении социально-бытового положения работников и членов его семьи, дополнительном страховании работника и пр.

Если работник по поручению работодателя (его представителя) или с его согласия приступил к работе, а трудовой договор в установленной письменной форме с ним не был оформлен, то он теоретически считается заключенным. На основании фактического допущения работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в надлежащей форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе.

В ситуациях же, когда указанный срок пропущен, фактический допуск работника к работе не освобождает работодателя от обязанности заключения с ним трудового договора в любой момент.

Согласно ст. 68 и 14 ТК РФ на основании заключенного трудового договора работодателем в течение трех календарных дней издается приказ или распоряжение о приеме на работу, содержание которого должно соответствовать условиям заключенного трудового договора и который должен объявляться работнику под расписку. Последнее обстоятельство важно еще и потому, что правоохранительными органами нередко выявлялись факты неознакомления работников с приказами о приеме на работу, а также незаконного указания в них размера заработной платы и иных условий, противоречащих тем, о которых договорились стороны в трудовом договоре.

При необходимости работник имеет право на бесплатной основе получить заверенную у работодателя копию приказа либо распоряжения о приеме его на работу, что корреспондирует с обязанностью работодателя по выдаче такой копии (ст. 68, 89 ТК РФ).

Следующим этапом является заполнение работодателем трудовой книжки работника, проработавшего у него свыше пяти дней. Согласно положениям ст. 66 ТК РФ, Постановлению Правительства РФ от 16.04.2003 г. № 225 «О трудовых книжках» работодатель производит соответствующую запись о приеме на работу и выполняемой работе в трудовой книжке каждого работника, для которого работа у данного работодателя является основной.

Обозначенное законодательное требование касается не только работодателя-организации, но и индивидуального предпринимателя, который в установленном порядке обязан вести трудовые книжки своих работников. Если работник трудоустроивается впервые, то указанные работодателю также обязаны завести такому работнику трудовую книжку.

Между тем, работодатель — физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем, —

не только не обязан, но и не вправе производить записи в трудовые книжки работников и оформлять их тем работникам, которые принимаются на работу впервые. А документом, подтверждающим период работы у такого работодателя, является трудовой договор, заключенный в письменной форме (ст. 309 ТК РФ).

Одновременно с этим согласно ст. 303 ТК РФ работодатель — физическое лицо, не являющийся индивидуальным предпринимателем, — обязан в уведомительном порядке регистрировать трудовые договоры со своими работниками в органах местного самоуправления по месту своего жительства.

Таким образом, органы местного самоуправления наделены отдельными государственными полномочиями по регистрации как срочных, так и бессрочных трудовых договоров, заключаемых работодателями — физическими лицами, не имеющими статуса индивидуальных предпринимателей. Тем самым, видимо, предполагается, что в нормативно-правовых актах органов местного самоуправления должен определяться порядок проведения такой регистрации, с которым путем его опубликования следует ознакомить и население муниципального образования.

Как показывает практика контрольных и надзорных органов, немалая доля нарушений трудового законодательства РФ приходится как раз на нарушения порядка оформления граждан на работу и заключения с ними трудовых договоров. Так, согласно данным Государственной инспекции труда в Иркутской области наиболее распространенными нарушениями гл. 11 ТК РФ являются:

- несоответствие заключаемых с работниками трудовых договоров требованиям ст. 57 ТК РФ;
- необъявление под расписку приказов (распоряжений) о приеме на работу;
- неознакомление работников с действующими в организации локальными нормативными актами, имеющими отношение к трудовой функции работника, при оформлении с ним трудовых отношений;
- отсутствие указания на причину (обстоятельство), послужившую основанием для заключения трудового договора на определенный срок;
- отсутствие указания в экземпляре трудового договора работодателя о получении второго экземпляра договора работником;

— незаключение трудовых договоров по совместительству с работниками, которые трудятся на условиях внутреннего совместительства на основании их допуска к работе, осуществленном работодателем¹.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли личного заявления работника о приеме на работу. В реальной жизни, пожалуй, почти каждый гражданин до заключения трудового договора оформлял на имя работодателя письменное заявление. Данная практика возникновения трудовых отношений применялась десятилетиями до введения в действие ТК РФ, поэтому в одночасье разрушить ее оказалось весьма трудно.

Сегодня работник по-прежнему полагает, что когда он пишет заявление о приеме его на работу, то совершает акт собственного волеизъявления.

Однако тщательный анализ норм действующего ТК РФ показывает, что подобного рода личные заявления работников юридического значения не имеют, поэтому они никак не влияют на процесс юридически правильного оформления трудовых отношений. Работнику, который пишет такое заявление, важно знать, что недопустимо подменять заключение трудового договора процедурой написания личного заявления работника. Подписывая трудовой договор, работник также выражает свою волю и согласие со всеми оговоренными условиями договора.

Итак, для возникновения трудовых правоотношений законодательно устанавливается сложный юридический состав, в котором обязательны факты заключения трудового договора с работником и оформления приказа либо распоряжения работодателя. Заключение трудового договора предшествует изданию приказа (распоряжения) работодателя, что сопровождается впоследствии внесением соответствующей записи о приеме на работу в трудовую книжку работника.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Информационно-аналитический бюллетень Государственной инспекции труда в Иркутской области за 2006 г. (ежегодный обзор-информация) / Сост. руководитель Государственной инспекции труда в Иркутской области С. И. Коноплев. Иркутск, 2006. С. 12–13.

Способы совершения незаконной охоты

В. В. ЕГОШИН — доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Под способом совершения преступления понимается система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности¹.

При подготовке к совершению незаконной охоты браконьеры:

— избирают место, время, предмет преступного посягательства, иногда с указанной целью посещают охотничьи угодья;

— подбирают соучастников, договариваются о сбыте добытого в результате незаконной охоты, месте встречи, маршруте движения, вступают в преступный сговор с сотрудниками госохотнадзора;

— приобретают, изготавливают огнестрельное, холодное оружие, иные орудия производства охоты, снаряжают боеприпасы;

— иногда осуществляют подделку лицензий на добычу животных;

— проверяют техническую готовность транспортных средств, маскируют их номерные знаки;

— подготавливают иное охотничье снаряжение (палатки, лодки, одежду, обувь, средства транспортировки, разделки добытой дичи и т. д.).

Способ совершения незаконной охоты в некоторых случаях может не отличаться от способов проведения законной охоты. Различают следующие способы охоты на птиц и мелких зверей:

— охота с использованием собак — легавой, спаниеля, гончей;

— охота с подсадной уткой, чучелами и профилями;

— стрельба уток и гусей на перелетах;

— добывание уток на дневках;

— охота на токах (на тетеревах, глухарей) в весеннее время;

— охота на тетеревах с чучелами и на «лунках»;

— охота из укрытия, с подхода и скрадом;

— охота с подъезда (на лодке или лошади);

— охота загоном;

— охота с флажками (на волка, лисицу);

— охота с подманиванием (на лисицу, рябчика, уток);

— тропление (поиск животных по следам);

— охота на «узерку» (на зайца-беляка, белую куропатку);

— гайнование (утренняя охота на белку в гнезде)².

Кроме того, существуют способы безружейной охоты:

— с ловчими птицами, борзыми, норными собаками;

— с использованием самоловов (капканов, сетей, петель, кулек и т. д.) при промысловой охоте на пушных зверей, зайцев, боровую дичь³.

Несколько иные способы могут применяться для охоты на крупного зверя:

— охота на медведя на берлогах и на овсах;

— охота на лосей, оленей загоном и подманиванием;

— охота на косуль с подманиванием, с засады, с подхода и загоном;

— охота на кабана загоном и с засады (вышки) с использованием прожекторов⁴.

Указанные способы успешно используются браконьерами. Так, например, гражданин Д. с целью незаконной добычи диких копытных животных устроил засаду на солонцах в охотничьих угодьях Смоленского района Алтайского края и из имеющегося у него охотничьего ружья незаконно отстрелял лося⁵.

Кроме того, существуют и запрещенные способы охоты на всей территории Российской Федерации:

— добыча диких копытных животных и буроного медведя в спортивных целях при переправе через водоемы или с применением самоловов;

— применение любых видов химических препаратов, взрывчатых веществ при добыче диких животных (за исключением пахучих приманок);

— применение магнитофонов и других воспроизводящих звук электронных устройств;

— применение световых устройств для добычи птиц;

— применение автотранспортных средств для преследования и добычи любых видов животных, а также стрельба со всех видов автотранспортных средств, за исключением стрельбы с плавающих средств с выключенным мотором (при спортивной и любительской охоте);

— сбор яиц и разорение гнезд диких птиц, разрушение бобровых плотин, разрушение и раскопка постоянных жилищ пушных зверей и барсука⁶.

Наиболее распространенным способом браконьерства является именно применение различных автотранспортных средств. Последние, как правило, обладают повышенной проходимостью, позволяют более эффективно выслеживать, преследовать и незаконно добывать многие виды охотничьих животных, а также скрываться с места происшествия и вывозить добычу.

Например, в январе 2007 г. неустановленные лица, используя гусеничный вездеход и огнестрельное оружие, незаконно произвели отстрел диких копытных животных в охотничьих угодьях Молчановского района Томской области.

Жители Алтайского края, граждане А. Д. и М., в феврале 1999 г., находясь в охотничьих угодьях Краснощековского района, на тракторе Т-4 преследовали и из карабина ОПКС незаконно отстреляли лосиху⁷.

Согласно Приказу Минсельхозпрода РФ от 10.07.1995 г. № 34 в правилах охоты субъектов Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные ограничения на охоте отдельных видов оружия, боеприпасов, иных орудий охоты и способов добычи охотничьих животных.

Правилами охоты на территории Алтайского края, утвержденными Постановлением Главы Администрации Алтайского края от 01.11.2002 г. № 570, дополнительно признаны запрещенными следующие способы охоты:

— применение световых устройств для добычи птиц и зверей, за исключением законного отстрела копытных животных и медведей со стационарных вышек на солонцах и приваде;

— применение гужевого транспорта, воздушных судов для преследования и добычи любых видов диких животных;

— добывание охотничьих животных, находящихся в бедственном и беспомощном состоянии (спасающихся от бури, пожара, снегопада, бескормицы, голода и т. п.)⁸.

Заганивание по насту широко используется браконьерами в зимнее время для незаконной добычи диких копытных животных. Согласно правилам охоты на территории Алтайского края добыча косули, лося, кабарги, а также кабана прекращается 31 декабря. С этого времени снежный наст твердеет, и копытные животные, проходя по нему, просто режут ноги. Лоси, косули собираются в стаи, стараются передвигаться как можно меньше, группами и по известным тропам. Добыть, например, косулю в это время можно легко, используя лишь лыжи и нож.

Тем не менее житель ст. Арбузовка Павловского района Алтайского края Ч. со своим охотничьим ружьем МЦ-21-12 и карабином СКС на снегоходе «Бурани» в

целях незаконной охоты выехал в охотничьи угодья. В период с 19 по 23 февраля 2001 г., не имея лицензии на добычу диких копытных животных, в запрещенные сроки охоты на данных животных, при этом находясь в зоне чрезвычайной экологической ситуации из-за высоты снежного покрова, Ч., используя снегоход и указанное оружие, незаконно добыл десять сибирских косуль, причинив государственному охотничьему фонду крупный ущерб⁹.

Уголовно наказуемой является охота с применением воздушных судов (вертолетов, самолетов). Прямой запрет на такую охоту содержится в правилах охоты ряда субъектов Российской Федерации¹⁰. Между тем этот способ широко используется браконьерами, в том числе высокопоставленными должностными лицами. Например, в декабре 2006 г. неустановленные лица, используя вертолет, произвели отстрел лосей в Карегодском заказнике Молчановского района Томской области¹¹.

Иногда законные и запрещенные способы охоты браконьерами комбинируются. Например, в конце февраля 2001 г. на границе Клинского района Подмосковья и Тверской области егерями была задержана целая группа браконьеров. Последние на автомобилях прибыли к околице деревни Трубицыно, откуда группа численностью 15 чел. в маскировочных халатах с двумя собаками уехала на территорию охотничьих угодий Конаковского района Тверской области. Там браконьеры отстреляли двух лосей¹².

После совершения преступления браконьеры нередко принимают меры к сокрытию преступления. По содержательной стороне способы сокрытия преступлений можно разделить на следующие группы:

1) сокрытие предмета преступного посягательства (разделка добытой дичи непосредственно после завершения охоты, вывоз и разделка дичи в ином месте, быстрая реализация добытого, хранение мяса дичи в тайниках, а также по месту жительства знакомых, родственников); сокрытие вещественных доказательств (оружия, боеприпасов, иного снаряжения);

2) уничтожение следов преступления (оставшихся частей разделанной дичи) и следов преступника;

3) маскировка добытой дичи и возвращение за ней без оружия, охотничьего снаряжения, а также использование для этих целей помощи иных лиц, маскировка преступных действий под законную охоту;

4) дача заведомо ложных показаний, полная или частичная подделка документов, создание ложного алиби;

5) смешанные способы.

Например, граждане Х. и С. с использованием автомобиля УАЗ-469 незаконно произвели отстрел лося в охотничьих угодьях Косихинского района Алтайского края. В целях сокрытия преступления указанные лица закопали останки лося в лесу, а мясо спрятали по месту жительства своего знакомого М.¹³.

Даже застигнутые на месте совершения преступления, браконьеры пытаются скрыться, используя при этом транспортные средства и оружие. Так, например, трое егерей Бобровского заказника у солонцов, куда часто приходят дикие копытные животные, остановили братьев Д. из г. Барнаула, ехавших на мотороллере «Муравей». Один из братьев направил на егеря карабин и пригрозил, что применит оружие. После этого братья попытались скрыться бегством. В ответ на требование остановиться они стали отстреливаться из карабина. В кузове мотороллера были обнаружены ножи, топор и рюкзак — все, что необходимо при охоте на копытных животных.

Не всегда такие случаи обходятся без жертв. Так, в охотугодьях Троицкого района Алтайского края от руки браконьера Б. погибли егеря¹⁴.

Задержанные браконьеры активно противодействуют следствию: срывают производство следственных действий и умышленно не являются для их проведения; дают ложные, порой фантастические показания, пытаются таким образом ввести следствие в заблуждение; высказывают различные угрозы в адрес сотрудников правоохранительных органов, государственного надзора, свидетелей; используют личные связи с целью влияния на ход расследования.

Например, К., обвинявшийся в незаконном отстреле лося, категорически отрицал свою причастность к совершению преступления и утверждал, что он в это время занимался домашними делами. В целях подтверждения алиби К. попросил свою жену и граждан П. и С., с которыми поддерживал дружеские отношения, дать соответствующие показания, что те и сделали¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 215.

² См.: Охотничьи секреты / Сост. В. Л. Анощенков. Смоленск, 1999. С. 187–191.

³ См.: Гусев В. Г. Настольная книга охотника. М., 2000. С. 103–105.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Архив Смоленского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 1–107.

⁶ См.: Пункт 22 Типовых правил охоты в РСФСР.

⁷ См.: Архив Краснощековского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 1–124.

⁸ См.: Правила охоты на территории Алтайского края. Пункт 3.7, 3.9, 3.12.

⁹ См.: Архив Павловского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 1–159/01.

¹⁰ См., напр.: Правила охоты на территории Томской области. Пункт 18.10.

¹¹ См.: Архив УВД по Томской области. Уголовное дело № 2006/438.

¹² См.: За браконьерами пришлось гоняться на снегоходах // Российская охотничья газета. 2001. 28 февр.; Московский комсомолец. 2001. № 45. 27 февр.

¹³ См.: Архив Косихинского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 1–59.

¹⁴ См.: Глазков И. Н. На лесных тропах Алтая: Публицистические очерки и рассказы о животных. Барнаул, 1999. С. 145–148, 156–157.

¹⁵ См.: Архив Поспелихинского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 1–12.

ПАМЯТИ В. Б. КОНАСОВА

Памяти Виктора Борисовича Конасова

А. Л. КУЗЬМИНЫХ — преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

28 июня 2008 г. безвременно ушел из жизни Виктор Борисович Конасов — профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, руководитель Северного отделения Центра военной истории России Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии военно-исторических наук, член-корреспондент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Виктор Борисович родился 2 октября 1950 г. в г. Великом Устюге. В его родословной имена художника Московских императорских театров, приходского священника, военного хирурга, сельской учительницы... Отец и мать — участники Великой Отечественной войны (он — офицер, она — врач).

В 1971 г. Виктор Борисович окончил Великоустюгское педагогическое училище. Трудился учителем на селе, служил в армии. В 1973 г. поступил на исторический факультет Вологодского государственного педагогического института. На становление студента-историка большое влияние оказал заведующий кафедрой всеобщей истории ВГПИ профессор Александр Соломонович Бланк, в свое время служивший офицером-переводчиком НКВД в лагере для немецких военнопленных в Суздалье.

В 1977 г. В. Б. Конасов завершил учебу на историческом факультете Вологодского государственного педагогического института. Через десять лет он уже опытный педагог и руководитель. За его плечами должности секретаря комитета ВЛКСМ и заместителя директора профессионально-технического училища, учителя истории в школе и преподавателя общественных дисциплин в техникуме.

В 1987 г. начинается работа над кандидатской диссертацией на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Научным руководителем В. Б. Конасова был Андрей Васильевич Терещук, в настоящее время главный редактор военно-исторического журнала «Новый Часовой». Защищенная Виктором Борисовичем в 1990 г. диссертация была посвящена деятельности военно-санитарной службы Красной армии в годы Великой Отечественной войны. В том же 1990 г. в московском издательстве «Прометей» вышла небольшая книга «Труд и подвиг прифронтовых медиков». Приведенные в ней факты и цифры не только подчеркивали весомый вклад работников госпиталей и военно-санитарных поездов в победу над врагом, но и заставляли читателя с иных позиций взглянуть на такие проблемы, как цена человеческой жизни, война и милосердие, повседневный, самоотверженный труд по спасению раненых воинов. Статьи «К вопросу о безвозвратных людских потерях СССР в годы Великой Отечественной войны» и

«Новый подход к учету людских потерь», подготовленные совместно с научным руководителем кандидатом исторических наук А. В. Терещуком, опубликовали «Вестник Ленинградского университета» и «Вопросы истории». Та и другая публикации имели ярко выраженный дискуссионно-проблемный характер.

Тот факт, что научный интерес В. Б. Конасова на долгие годы определила военная тема, случайным явлением не назовешь. Обостренная память о войне передавалась в его семье из поколения в поколение. Еще будучи студентом, он приобрел к работе по сбору эпистолярного наследия вологжан — бывших фронтовиков. В 1988 г. им был представлен уникальный архивный материал в «Книгу Памяти воинов, умерших в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области». Эта работа по публикации фронтовых писем, мартирологов и памятных книг, у истоков которой стоял профессор Вологодского государственного педагогического института П. А. Коллесников, стала неотъемлемой частью профессиональных интересов В. Б. Конасова.

В начале 90-х гг. Виктор Борисович обращается к проблеме военнопленных Второй мировой войны. Одним из первых он добивается допуска к архивным документам, на которых многие годы стоял гриф «Совершенно секретно». В 1996 г. выходит в свет его монография «Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы». В данной работе впервые в отечественной историографии детально раскрывалась история дипломатического регулирования проблемы военного плена в годы Великой Отечественной войны, анализировались правовые аспекты пребывания немецких военнопленных в советских лагерях, раскрывался процесс репатриации бывших солдат и офицеров вермахта из Советского Союза, освещались судьбы ряда представителей высшего немецкого военного командования. Книга вызвала огромный интерес в России и за рубежом. Рецензии на монографию ученого опубликовали такие журналы, как «Отечественная история», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал». По оценке отечественных и зарубежных историков, автору удалось реконструировать многие неизвестные страницы Второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия, разрушить мифы вокруг вопроса о военном плене, порожденные атмосферой идеологического противостояния Востока и Запада.

С середины 90-х гг. В. Б. Конасов выступает с докладами на международных конференциях и симпозиумах в Москве, Санкт-Петербурге, Гамбурге, Лейпциге, Дрездене. На 27-м «Кирхентаге» — более чем стотысячном форуме мировой общественности, проводимом по инициативе евангелической церкви один раз в два года, — он совместно с доктором педагогических наук, профессором В. В. Судаковым демонстрирует выставку «Немецкие военнопленные в Вологодской области». Отклики на эту выставку, кото-

рая в течение двух лет экспонировалась в нескольких городах Германии, были опубликованы на немецком языке отдельные брошюры. В 1997 г. по инициативе Виктора Борисовича, поддержанной администрацией Вологодской области, в Вологде прошла международная конференция «Проблемы военного плена: история и современность». О значимости этой конференции красноречиво свидетельствовал представительный состав участников и ее высокая оценка российской и зарубежной научной общественностью.

В 1998 г. в Москве в Институте военной истории В. Б. Конасов защитил докторскую диссертацию «Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.)». До настоящего времени это одно из наиболее фундаментальных исследований по истории пребывания немецких военнопленных в СССР. Разработку различных аспектов истории военного плена автор продолжил в монографиях «Судебное преследование немецких военнопленных в СССР» (М., 1998), «Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат» (Вологда, 2002; в соавторстве с А. Л. Кузьминых), «Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР» (Вологда, 2002; в соавторстве с А. Л. Кузьминых), «Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД. 1939–1941 гг.» (Вологда, 2002; в соавторстве с А. Л. Кузьминых).

Другим важным направлением научных изысканий Виктора Борисовича было изучение истории взаимоотношений СССР и Международного комитета Красного Креста. В 2000 г. в Москве вышла книга ученого «Международный комитет Красного Креста — Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952 гг.)». Это исследование проливало свет на неизвестные стороны отношений Советского государства с этой влиятельной международной организацией в годы Второй мировой войны и послевоенный период. В 2005 г. В. Б. Конасов в соавторстве со швейцарским исследователем Хансом Амманом опубликовал брошюру «МККК–Россия: страницы истории».

Благодаря усилиям В. Б. Конасова значительно обогатилась источниковая база по истории Второй мировой войны. Он принимал непосредственное участие в подготовке сборников документов «Немецкие военнопленные в СССР. 1941–1955» (М., 1999), «На стыке фронта и тыла» (Вологда, 1999), «Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР» (М., 2001), «Оборона Ошты в очерках и документах» (Вологда, 2002), «Блокада: искры памяти» (Вологда, 2004).

Нельзя не отметить вклад Виктора Борисовича в изучение истории политических репрессий и пенитенциарной практики Советского государства. В 2006 г. результаты своих научных исследований по этой проблеме он обобщил в монографии «История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953 гг.)». При непосредственном участии В. Б. Конасова велась подготовка «Книги памяти жертв политических репрессий Вологодской области». К сожалению, данная книга так и не была издана. Хочется надеяться, что это важное направление работы будет продолжено, и полный список жертв сталинского террора, включающий тысячи имен и фамилий, в ближайшем будущем увидит свет.

В последние годы своей жизни Виктор Борисович плодотворно работал в таком жанре научного исследования, как историческая биография, подготовив серию замечательных очерков для книг «Выдающиеся вологжане» и «Вологодская энциклопедия». В

2006 г. в соавторстве с В. В. Судаковым издал книгу «Полководец из Никольска», посвященную жизненно-му пути уроженца Вологодской области замечательного советского военачальника дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева. В планы ученого также входило создание книги, повествующей о судьбах известных вологжан — сотрудников правоохранительных органов.

В. Б. Конасов был прекрасным популяризатором истории Отечества, истории своей малой родины. Им была разработана программа школьного факультатива «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны», совместно с коллегами подготовлены книга для учителя «Эхо минувшей войны», учебное пособие для старшеклассников «Сопротивление и плен». Виктор Борисович вел ряд спецкурсов для студентов и курсантов вологодских вузов, являлся одним из авторов учебника и хрестоматии по истории родного края. Известный ученый не гнушался работать со средствами массовой информации: его статьи и очерки регулярно появлялись на страницах областных и центральных газет и журналов, выступления и интервью звучали по радио и телевидению.

Виктор Борисович активно участвовал в общественной работе, являясь членом комиссии по помилованию при Губернаторе Вологодской области. Длительное время он входил в состав редакционного совета военно-исторического журнала «Новый Часовой», был членом диссертационного совета Вологодского государственного педагогического университета по специальности «Отечественная история». О значимом вкладе ученого в развитие отечественной науки, образования и культуры свидетельствуют многочисленные награды: золотая медаль Российского фонда мира «За миротворческую и благотворительную деятельность», Почетная медаль Международной академии наук о природе и обществе «За заслуги в деле возрождения науки и экономики России», знак Министерства обороны «За активный поиск» и др.

Как правило, о деятельности ученого и преподавателя во многом можно судить по успехам его учеников — студентов, курсантов, аспирантов. Многие из воспитанников Виктора Борисовича добились серьезных достижений и стали победителями всероссийских и международных конкурсов научных работ, обладателями престижных наград, в том числе медалей Российской академии наук.

В. Б. Конасов жил своей профессией. Быть искателем — вот его призвание. В центре его научного интереса — человек, его судьба, как правило, сложная и драматичная. Его книги и статьи очень гуманистичны, миролюбивы, человечны. Можно говорить, что они переживут время и станут классикой своего жанра — историко-публицистического повествования.

«Я рад, что жизнь мне подарила такую судьбу, — говорил Виктор Борисович в своем последнем интервью для одного из научно-педагогических журналов. — Мне кажется, что секрет любого успеха кроется в умении вкладывать в дело душу, а для этого надо любить то, чем ты занимаешься. Если не испытываешь душевного трепета перед архивным документом, — не станешь настоящим историком; не бежишь с радостью в аудиторию — не будешь хорошим преподавателем. Я занимаюсь тем, что искренне люблю, наверное, поэтому все получается. Я — счастливый человек!»

К сожалению, судьба отпустила очень мало времени для жизни и творчества замечательного педагога и талантливого ученого.

Светлое имя Виктора Борисовича Конасова навсегда останется в памяти коллег и учеников.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы правового регулирования использования в деятельности учреждений и органов УИС персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей

А. И. ОДИНЦОВ — преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Актуальность вопросов использования в управлении Федеральной службой исполнения наказаний информации, касающейся осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (далее — лица, содержащиеся под стражей), в настоящее время существенно возросла в связи с особым правовым режимом персональных данных.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ под ними понимается любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация.

По общему правилу обработка персональных данных может осуществляться оператором только с согласия их субъектов (ст. 6). Субъект самостоятельно принимает решение о предоставлении своих персональных данных, дает и отзывает согласие на их обработку. Отступление от данных правил возможно только лишь в случае указания на это федеральным законом, устанавливающим цель, условия получения персональных данных и круг субъектов, персональные данные которых подлежат обработке, а также определяющим полномочия оператора.

В деятельности органов и учреждений УИС необходимость в обработке персональных данных лиц, отбывающих уголовное наказание, существует постоянно. Так, например, при реализации даже такого отдельного направления деятельности учреждений УИС, как перевод осужденных из одного исправительного учреждения в другое, в заключении на перевод требуется указать более пятнадцати категорий персональных данных, причем дополнительно прилагаются характеристика осужденного, справка о поощрениях и взысканиях, справка начальника оперативного управления (отдела) о целесообразности перевода осужденного². Также персональные данные используются при составлении и ведении личных дел осужденных и в иных процессах, обеспечивающих жизнедеятельность учреждений в целом.

В настоящее время обработка персональных данных лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, осуществляется на основании п. 7

ст. 14 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (в ред. от 19.06.2007 г.)³, предоставляющего право учреждениям, исполняющим данный вид наказания, производить регистрацию осужденных, а также их фотографирование, звукозапись, кино- и видеосъемку и дактилоскопирование.

Приведенная формулировка не отражает цель, условия получения персональных данных, а также полномочия оператора, как того требует ст. 6 Федерального закона «О персональных данных», что свидетельствует о необходимости дополнительной правовой регламентации процессов обработки персональных данных лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Исключение, на наш взгляд, составляет лишь порядок осуществления дактилоскопирования, регламентированный Федеральным законом от 25.07.1998 г. № 128-ФЗ (в ред. от 06.06.2007 г.) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»⁴. Под государственной дактилоскопической регистрацией понимается деятельность, осуществляемая органами исполнительной власти, по получению, учету, хранению, классификации и выдаче дактилоскопической информации, установлению или подтверждению личности человека (ч. 1 ст. 1). Дактилоскопическую информацию закон определяет как информацию об особенностях строения папиллярных узоров пальцев рук человека и его личности (ч. 2 ст. 1). Целью проведения дактилоскопической регистрации и использования дактилоскопической информации, согласно ст. 2 указанного закона, является идентификация личности человека. Субъектами, чьи персональные данные подлежат обработке, выступают граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления либо осужденные за совершение преступления (п. «ж» ч. 1 ст. 9), а операторами, осуществляющими дактилоскопирование, — органы уголовно-исполнительной системы (п. 5 ч. 1 ст. 11). Кроме того, в законе указано, что дактилоскопическая информация о лицах, подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых в совершении преступления либо осужденных за совершение преступления, уничтожается не позднее 30 суток после прекращения уголовного дела или вынесения оправдательного приговора суда (ч. 3 ст. 15).

Таким образом, можно заключить, что Федеральный закон «О государственной дактилоскопической

регистрации в Российской Федерации» соответствует всем установленным ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» требованиям к обработке без согласия осужденных касающейся их дактилоскопической информации.

Необходимость правового регулирования обработки иных персональных данных осужденных обусловлена также и тем, что некоторые положения Федерального закона «О персональных данных» содержат прямые ссылки на уголовно-исполнительное законодательство.

Так, названный закон устанавливает общее правило, по которому запрещается обработка специальной категории персональных данных (касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни). Однако, учитывая то, что многие виды персональных данных из числа специальной категории ежедневно используются в деятельности органов и учреждений УИС, законодатель сделал исключение для случаев, когда обработка таких сведений осуществляется в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации (п. 7 ч. 2 ст. 10).

Кроме того, Федеральный закон «О персональных данных» допускает обработку биометрических персональных данных без согласия их субъекта, если это также предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 11).

Требуют правового регулирования и вопросы обработки персональных данных лиц, отбывающих уголовное наказание, не связанное с лишением свободы, а также лиц, содержащихся под стражей.

В настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют нормы, определяющие порядок и условия обработки персональных данных (за исключением дактилоскопической информации) указанной категории лиц. Фактически это означает, что у органов и учреждений УИС не имеется правовых оснований для обработки данной информации, следовательно эти лица имеют право отказать в предоставлении каких бы то ни было сведений, являющихся их персональными данными. Можно с полной уверенностью заявить, что в подобной ситуации органы и учреждения УИС окажутся не в состоянии осуществлять возложенные на них функции, поскольку будут лишены необходимой информации.

Все вышесказанное свидетельствует о существовании острой необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в части регламентации процессов обработки персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в том числе специальной категории и биометрических.

В целях устранения выявленного пробела в правовом регулировании мы предлагаем внести в гл. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ⁵ ст. 18.1 «Обработка персональных данных осужденных» и в гл. 1 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁶ ст. 5.1 «Обработка пер-

сональных данных подозреваемых и обвиняемых». В них следует отразить положение о том, что органы и учреждения УИС вправе осуществлять обработку персональных данных осужденных и лиц, заключенных под стражу, в том числе специальной категории и биометрических, без согласия субъектов, если данная обработка осуществляется в целях обеспечения безопасности осужденных, сотрудников УИС и граждан, порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, исправления осужденных, раскрытия и предупреждения совершения ими и иными лицами преступлений.

Для обеспечения единообразия практического применения предлагаемых нами статей мы считаем необходимым разработать «Административный регламент обработки персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей».

Важность внесения указанных изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство дополнительно обуславливается тем, что их отсутствие сдерживает развитие современных информационных технологий в управлении в УИС.

Так, 8 сентября 2006 г. было издано распоряжение ФСИН России № 225-р «Об исполнении ведомственной целевой программы «Информационное и телекоммуникационное обеспечение деятельности Федеральной службы исполнения наказаний на 2006–2008 годы»». В соответствии с ними деятельность следственных изоляторов и помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов, в целях сокращения трудозатрат по ведению специального учета осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, повышения оперативности принятия управленческих решений был внедрен программно-технический комплекс «Автоматизированный картотечный учет спецконтингента в следственных изоляторах» (ПТК АКУС СИЗО). Этим же распоряжением Научно-исследовательскому институту информационных и производственных технологий ФСИН России было поручено до 1 января 2007 г. в соответствии с заявками территориальных органов ФСИН России организовать и провести обучение специалистов по эксплуатации данного комплекса. Кроме того, для методического сопровождения его внедрения и использования в практической деятельности в каждом федеральном округе были определены территориальные органы, ответственные за соответствующее консультирование⁷.

В связи с недостаточной регламентацией в уголовно-исполнительном законодательстве процессов сбора и обработки персональных данных лиц, содержащихся под стражей, в настоящее время правомерное полномасштабное использование ПТК АКУС СИЗО в деятельности практических органов УИС невозможно. На законодательном уровне урегулированы только вопросы дактилоскопирования, что позволяет свободно применять лишь входящее в состав данного комплекса автоматизированное рабочее место «Дактомастер», посредством которого осуществляется формирование базы данных электронных безкрасковых дактилоскопических отпечатков пальцев и ладоней (банк данных дактилокарт) лиц, содержащихся в следственных изоляторах.

Отсутствие должной правовой регламентации сбора и обработки персональных данных осужден-

ных сдерживает внедрение аналогичных рассмотренному ПТК, разработанных для использования в деятельности исправительных и воспитательных колоний (ПТК АКУС ИК, ВК), а также уголовно-исполнительных инспекций (ПТК АКУС УИИ).

Важность регулирования на законодательном уровне процессов обработки персональных данных осужденных обусловлена и развитием технических средств, позволяющих осуществлять контроль за местом нахождения этих лиц⁸. Суть такого способа контроля заключается в использовании информационных технологий в целях определения местонахождения контролируемого объекта в любой момент времени. Применительно к сфере информационного обеспечения управления во ФСИН России контролю подлежит соблюдение осужденным режима отбывания наказания, что также требует использования различных категорий персональных данных.

В настоящее время применение технических средств контроля в УИС осуществляется в колониях-поселениях в рамках эксперимента, рассчитанного на три года. После этого прошедшие отбор средства контроля будут внедряться в практическую деятельность органов и учреждений ФСИН России. Их широкое распространение будет невозможно без внесения в уголовно-исполнительное законодательство указанных ранее дополнений.

Обобщая сказанное выше, можно заключить, что в настоящее время в управленческой деятельности во ФСИН России назрела острая необходимость правового регулирования вопросов использования персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Решение данного вопроса будет способствовать устранению серьезных препятствий правового характера, сдерживающих развитие информационных технологий в управлении в УИС.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

² См.: Инструкция о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их перевода из одного исправительного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения (утв. Приказом Минюста России от 01.12.2005 г. № 235. П. 14) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51.

³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

⁴ См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3806.

⁵ См.: Там же. 1997. № 2. Ст. 198.

⁶ См.: Там же. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁷ См.: Письмо ФСИН России от 18.10.2005 г. № 10/3-245 «Об оснащении следственных изоляторов ФСИН России программным обеспечением "Автоматизированная система картотечного учета спецконтингента СИЗО" (АКУС СИЗО), комплектом сетевого оборудования и компьютерной техникой».

⁸ См.: Электронные браслеты // Российская газета. 2007. 25 апр. (№ 4350). С. 10.

Проблемы организации труда осужденных к лишению свободы

Л. Л. МАЛКОВА — доцент кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук

Авторский коллектив кафедры экономики и управления в течение двух лет осуществлял научное исследование проблем организации труда осужденных к лишению свободы с целью изыскания путей их решения в условиях реформирования производственного сектора УИС.

Объектом исследования выступил процесс организации труда осужденных в производственных подразделениях учреждений УФСИН России по Вологодской области; предметом исследования явился социально-экономический анализ трудовой деятельности осужденных к лишению свободы.

В ходе проведения исследования необходимо было решить следующие задачи:

— исследовать и выявить проблемы трудовой занятости осужденных;

— раскрыть социально-экономические аспекты организации труда осужденных;

— разработать предложения по совершенствованию организации труда с целью повышению социальной эффективности деятельности учреждений УИС.

Проблема привлечения осужденных к труду уже многие годы вызывает значительный интерес ученых

и практиков. Вместе с тем, на наш взгляд, в период реформирования УИС эта проблема приобрела наибольшую актуальность. В настоящее время в число основных задач привлечения осужденных к труду входит решение организационных и правовых вопросов преобразования труда производственного в труд адаптационный.

Организация труда на тех производствах, где используется рабочая сила осужденных, безусловно, содержит основные элементы общепринятого ее понятия. Однако особенности рабочей силы, применяемой в деятельности производственных подразделений учреждений УИС, определяют и специфику организации труда.

Традиционное толкование причин низкой эффективности труда осужденных сводится в основном к их недостаточной трудовой активности. Последняя в свою очередь объясняется использованием определенной части осужденных на работах не в соответствии с их специальностью, недостаточной профессиональной подготовкой осужденных, присущими этой категории работников негативными личностными особенностями, а также рядом других причин.

Кафедрой экономики и управления в учреждениях УФСИН России по Вологодской области было проведено исследование с целью выявления организационно-экономических факторов, которые, по мнению

осужденных, влияют на эффективность их трудовой деятельности (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение факторов, влияющих на рост производительности труда осужденных

Факторы	Ранжирование по степени важности (1 — наиболее важный, 6 — наименее важный)					
	1	2	3	4	5	6
1. Организация профессионального обучения	3 %	3 %	6 %	12 %	15 %	61 %
2. Условия труда на производстве	21 %	40 %	18 %	12 %	9 %	0 %
3. Оплата труда	58 %	24 %	9 %	6 %	0 %	3 %
4. Благоприятная атмосфера в трудовом коллективе	3 %	9 %	40 %	24 %	18 %	6 %
5. Оснащенность производства оборудованием	12 %	21 %	21 %	37 %	9 %	0 %
6. Соответствие специальности характеру работы в учреждении	3 %	3 %	6 %	9 %	49 %	30 %

Проведенное исследование подтвердило тот факт, что в последние годы в исправительных учреждениях появлялись объективные трудности в организации полноценной трудовой деятельности осужденных. В силу неблагоприятно сложившихся экономических условий производственные предприятия находились на уровне выживания. Кроме того, переход к рыночным отношениям в экономике существенно осложнил реализацию требований уголовно-исполнительного законодательства по обязательному привлечению осужденных к общественно полезному труду.

В настоящее время уже решен вопрос о реформировании государственных унитарных предприятий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и создании на их базе центров трудовой адаптации осужденных, учебно-производственных мастерских и лечебно-производственных мастерских. Это позволит создать единый комплекс объектов труда и производства с системой профессиональной подготовки.

Однако существующая система организации труда осужденных не соответствует современным требованиям, поэтому руководством ФСИН России предпринимаются всесторонние усилия, направленные на поиск, совершенствование и внедрение новых форм привлечения осужденных к труду.

В мае 2007 г. авторским коллективом было продолжено дальнейшее исследование с целью выявления проблем организации труда осужденных в условиях реформирования производственно-хозяйственного сектора УИС.

Анкетирование осужденных проводилось в ИК-12, ИК-17, ИК-1, выборка составила 15 %, средний возраст осужденных — 32 года, наибольшая доля респондентов оказалась в возрастной категории от 20 до 30 лет (39,4 %) и от 30 до 40 лет (38,9 %).

Как показало исследование, среди респондентов 19,5 % имели высшее образование, 40 % — среднее специальное, в то время как 33,7 % получили только среднее образование, а 16,8 % опрошенных не окончили среднюю школу, только у 19 % респондентов квалификация до осуждения совпала с родом работ в ИК, что обусловлено спецификой трудовой деятельности колоний.

Большинство осужденных (55,8 %) хотели бы повысить свой уровень профессиональной подготовки, тем не менее ¼ часть респондентов дала отрицательный ответ, а 17,9 % вообще затруднились ответить. Следует отметить, однако, что руководство исправительных учреждений пыталось решить эту проблему, о чем свидетельствуют данные опроса.

Третья часть респондентов указала на положительные сдвиги в организации своей трудовой деятельности в исправительном учреждении — это повышение заработной платы (21 %), улучшение условий труда (11,7 %), улучшение оснащения оборудованием (2,1 %), тем не менее большая часть осужденных (58,9 %) отметила, что в организации их трудовой деятельности ничего не изменилось к лучшему.

Рассуждая о необходимости организации деятельности, направленной на решение проблем ресоциализации осужденных, следует отметить, что 37,9 % респондентов сказали, что с ними проводятся индивидуальные беседы относительно жизни после освобождения, последующего трудоустройства. Таким образом, только совместными усилиями отбывающих наказание и работников исправительных учреждений можно решить существующие проблемы организации труда осужденных, а это, в свою очередь, будет способствовать скорейшему процессу их ресоциализации и возвращению в общество полноценных трудоспособных граждан с определенным уровнем профессиональной подготовки.

На основании проведенного исследования к числу актуальных проблем организации труда осужденных мы отнесли вопросы повышения его эффективности, совершенствования системы материального стимулирования и т. д. Однако в условиях реформирования производственно-хозяйственной деятельности УИС данные проблемы приобретают еще и специфический социальный аспект, связанный с необходимостью осуществления деятельности в области трудовой адаптации и ресоциализации осужденных к лишению свободы. Реализация данной цели возможна в том случае, если совершенствуются и внедряются новые формы организации труда осужденных к лишению свободы; осуществляется развитие у осужденных основных трудовых навыков, происходит формирование у них потребности в труде, повышается уровень их профессиональной подготовки; присутствует рациональная расстановка рабочих кадров по рабочим местам; обеспечивается применение системы материального стимулирования труда осужденных; улучшаются безопасные для здоровья условия труда.

Следует отметить, что в настоящее время авторский коллектив продолжает научно-исследовательскую работу с целью изучения актуальных проблем пенитенциарной практики в области организации труда осужденных.

Правовые представления и установки осужденных к лишению свободы: диагностика и коррекция

Е. Л. СУЧКОВА — доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

Кафедра юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России с 2007 г. осуществляет научное исследование по теме «Правовые представления и установки осужденных к лишению свободы: диагностика и коррекция» (руководитель — Е. Л. Сучкова).

По результатам исследования подготовлен сборник апробированных методик психологического изучения правовых представлений осужденных. С учетом специфики изучаемых феноменов преимущество отдавалось качественным и качественно-количественным методам. Включенные в сборник методики прошли апробацию в исправительных учреждениях в разных регионах страны (в данной работе принимали участие курсанты и слушатели ВИПЭ ФСИН России) и были скорректированы с учетом полученных эмпирических данных. В сборник вошли: методики психологического изучения правовых представлений осужденных (методика Дж. Тапп, стандартизированное интервью по изучению представлений о правовой действительности); методики психологического изучения представлений о справедливости как составляющей правосознания (методика свободных ассоциаций, стандартизированное интервью по изучению представлений о справедливости, анкета «Справедливое судебное решение о наказании подсудимого»). Для изучения установок как структурного элемента социальных представлений в сборник включены методика психологического рисунка для изучения правовых установок несовершеннолетних осужденных и методика цветочных метафор для диагностики отношений к правовым понятиям.

Результаты эмпирического исследования показали, что, по мнению большинства осужденных, право — это то, «что можно делать и за что ничего не будет», также это «определенный свод законов». Существующая система права, на взгляд большей части опрошенных, достаточно легитимна и эффективна, а люди не всегда соблюдают законы, потому что «плохо их знают». Другая, меньшая, часть респондентов полагает, что действующая система права неэффективна, так как «люди не соблюдают законы», «закон не одинаков для всех».

Большая часть опрошенных считает, что обязательно соблюдать законы во всех случаях жизни, так как закон «не всегда в силе», также существуют различные обстоятельства, при которых человек вынужден нарушить закон, и иногда, по их мнению, нормы закона не совпадают с нормами морали. При этом практически все респонденты отметили, что законы нужно корректировать с тем условием, чтобы люди могли поступать так, «как требует жизнь».

Практически все респонденты указали на то, что судебная система эффективна, но несправедлива. Опрошенные были единодушны в том, что «в судебной системе доминирует обвинение (“им лишь бы дать срок”）」, «непонятна логика судей при вынесе-

нии наказаний», «не учитываются все обстоятельства дела». В целом, по мнению опрошенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, большинство граждан России негативно относится к деятельности судебных органов. Более половины респондентов (85 %) заявили о том, что им известны произошедшие за последние годы случаи необоснованного осуждения или оправдания людей. Подобные случаи, по их мнению, происходят из-за плохой работы прокуратуры, МВД, судов и из-за того, что в нашей стране «многого могут решить власть и деньги», «все покупается и продается».

Наиболее часто судебная система в высказываниях респондентов ассоциируется с понятиями «прокурор», «адвокат», «обвиняемый», «судья», «присяжные», «потерпевшие».

В свою очередь, слово «прокурор» чаще всего связывается в сознании опрошенных с обвинением, жесткостью, сроком, ненавистью; «адвокат» — с защитой, свободой, надеждой, вымогательством денег; «обвиняемый» — со сроком, приговором, тоской; «судья» — с женщиной, сроком, заключением, деньгами; «присяжные» — с людьми, состраданием, свободой; «потерпевшие» — с ущербом, обидой, ложью.

На вопрос «За какие виды преступлений вы смягчили бы наказание, если бы были судьей?» более половины респондентов ответили, что смягчили бы наказание за неосторожные преступления, преступления, связанные с хищением личного имущества (ст. 158, 159, 161–163 УК РФ). Вместе с тем опрошенные ужесточили бы наказание за изнасилование (ст. 131–133 УК РФ), сбыт и распространение наркотиков (ст. 228–230 УК РФ), взяточничество (ст. 290 УК РФ), злоупотребление служебным положением (ст. 285, 286 УК РФ), преступления, направленные против детей (ст. 134, 135 УК РФ).

Подавляющее большинство опрошенных считает, что меры, направленные на ужесточение наказания, оказываются неэффективными в борьбе с ростом преступности.

Анализ данных, полученных с помощью анкеты «Справедливое судебное решение», показал, что для осужденных наиболее значимыми (первое и второе место) при вынесении судебного приговора оказались такие нормы, как «законность доказательств» и «полнота информации», что в принципе связано с особенностью выбранного нами контекста — вынесения судебного приговора, где процедурные нормы имеют первостепенное значение и закреплены в законе. Этим же, по-видимому, объясняется и то, что в целом соблюдение процедурных норм является более значимыми, чем норм воздаяния. Таким образом, можно утверждать, что для опрошенных процедурные принципы являются центральными элементами когнитивного компонента представлений о справедливости в правовом контексте.

Интересно, что по значимости на третьем месте оказалась норма распределения по потребностям (учет состояния здоровья подсудимого и наличия у него малолетних детей), которая, по мнению законопослушных граждан, не является важной при принятии справедливого судебного решения. В интервью респонденты также отмечали, что, несмотря на то, что данное условие является законным обстоятельством, позволяющим смягчить подсудимому назначенное наказание, оно очень редко учитывается на практике. Неожиданным оказалось и то, что такая норма дистрибутивной справедливости, как учет позитивности подсудимого (наличие «благородного» мотива), оказалась лишь на восьмом месте. Это противоречит большинству исследований правосознания осужденных, в которых отмечается, что у них проявляется тенденция к акцентированию внимания на мотиве совершенного преступления, поскольку это позволяет им оправдать свои действия с помощью критериев морали и тем самым сохранить позитивную картину собственного «Я».

Как видно из результатов исследования, моральные представления у осужденных преобладают над правовыми даже в юридически значимых ситуациях. Таким образом, решающую роль в регулировании их правового поведения играют социальные представления о справедливости, которые достаточно специфичны. Так, отмечается двойственность стандартов справедливого поведения в отношении близких и остальных людей, неадекватной является самооценка собственного справедливого поведения (многие утверждают, что всегда поступают справедливо, в отличие от большинства осужденных). Все респонденты уверены, что именно их справедливость «обходит стороной», что это во многом определило их судьбу, что, вероятно, является одним из способов самозащиты, позволяющим сохранить позитивную самооценку.

В представлениях осужденных более эмоционально нагруженным является понятие несправед-

ливости, возможно, поэтому в процессе интервьюирования от темы справедливости они почти всегда переходили к теме несправедливости. Кроме того, закон и справедливость в их понимании являются вещами диаметрально противоположными, хотя без соблюдения и того и другого невозможен порядок в обществе. Возможно, описанные особенности представлений о справедливости у данной категории лиц и определяют выбор ими противоправных вариантов поведения, позволяя оправдывать такие действия нормами «собственной справедливости».

Таким образом, лица, отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы, негативно оценивают существующую правовую действительность, что существенно затрудняет исправительный процесс. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что у лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, наблюдается минимальная солидарность с нормами действующего права и практикой его применения. Негативное отношение к праву, правоохранительным органам и их деятельности является существенным препятствием для адекватной оценки собственного правового поведения. Кроме того, процесс исправления затрудняет система психологических механизмов защиты, которая препятствует осознанию преступником своей вины за совершенное деяние. Отсутствие в правосознании преступников положительного отношения к исполнению правовых предписаний неизбежно приведет к конфликтам с законом и после освобождения, что будет способствовать росту рецидивной преступности.

Психологическое обеспечение процесса правовой ресоциализации в местах лишения свободы должно заключаться, прежде всего, в поиске способов формирования внутренней позитивной позиции личности и готовности при любых условиях соблюдать требования законов, коррекции восприятия осужденными себя как людей, практически невиновных и отбывающих несправедливые наказания. ■

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемая часть которой — проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

За первое полугодие 2008 года сотрудниками института защищено 4 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в специальной библиотеке института.

Голиков Леонид Михайлович, преподаватель кафедры русского и иностранных языков. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — Русский язык (научный руководитель — д. ф. н., профессор Судаков Г. В.) состоялась в диссертационном совете Вологодского государственного педагогического университета 8 апреля 2008 г. Тема: «Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII века».

Целью диссертационного исследования является описание терминологической системы российского уголовного права XVIII в. в процессе ее формирования.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Определен состав специальных наименований уголовного права XVIII в., произведена классификация лексического материала на основе логической системы материального и процессуального уголовного законодательства; исследованы специальные наименования уголовного права с точки зрения времени и источника их происхождения; проанализирован характер терминологической мотивированности специальных наименований; описана семантическая структура специальных наименований; охарактеризована структуралексического значения специальных наименований; определены деривационные связи и словообразовательные возможности специальных наименований; определены принципы системной организации специальных наименований уголовного права XVIII в.; охарактеризованы синтагматические связи специальных наименований уголовного права; выявлена преемственность и новация в употреблении специальных наименований уголовного права XVIII в.

Косоногова Светлана Васильевна, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.14 — Административное право; финансовое право (научный руководитель — д. ю. н., доцент Покачалова Е. В.) состоялась в диссертационном совете Саратовской государственной академии права (г. Саратов) 15 апреля 2008 г. Тема: «Финансово-правовое регулирование организации страхования в Российской Федерации».

Целью диссертационного исследования является разработка теоретических положений о понятии «организация страхования», тенденциях развития финансовых отношений в сфере страхования, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию законодательства в области организации страхования.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Систематизированы исследования по определению понятия страхования как экономической и

юридической категории; определено место финансов страхования в финансовой системе Российской Федерации; проанализирован имеющийся исторический опыт становления страхового законодательства в России, а также его современное состояние и выявлены характерные особенности, присущие каждому периоду развития законодательства в сфере страхования; уточнено место института организации страхования в системе российского финансового права как отрасли российского права и отрасли законодательства; исследована правовая природа отношений в сфере страхования в целом и обязательного государственного страхования в частности, а также определены границы финансовых правоотношений в сфере страхования; рассмотрена сущность финансового контроля и надзора за деятельностью страховых организаций и сформулированы предложения по их реформированию; разработаны практические рекомендации по совершенствованию законодательства, призванного регулировать отношения в области организации страхования.

Белова Надежда Алексеевна, заведующая библиотекой. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история (научный руководитель — д. и. н., профессор Конасов В. Б.) состоялась в диссертационном совете Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова 11 июня 2008 г. Тема: «Деятельность пенитенциарных учреждений и их роль в репрессивной политике советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей)».

Целью диссертационного исследования является изучение развития и функционирования пенитенциарной системы на территории Архангельской и Вологодской областей в 1937–1953 гг., выявление ее роли в осуществлении репрессивной политики государства.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Рассмотрены организационно-правовые основы, виды и дислокация пенитенциарных учреждений на исследуемой территории, показана специфика размещения в них заключенных; выявлены особенности кадрового состава работников тюрем, лагерей и колоний региона, оценен их реальный вклад в реализацию репрессивной политики государства; проанализированы правовой статус, режим, бытовые условия и специфика трудового использования различных категорий заключенных, содержащихся в местах лишения свободы региона в 1937–1953 гг.; охарактеризованы меры и средства репрессивного воздействия на заключенных; выявлены особенности деятельности пенитенциарных учреждений региона в указанный период.

Миронов Алексей Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научный руководитель — к. ю. н., профессор, заслуженный юрист РФ Старков В. И.) состоялась в диссертационном совете Академии управления МВД России (г. Москва) 26 июня 2008 г. Тема: «Предупреждение рецидива преступлений среди лиц мужского пола, отбывших наказание в воспитательных колониях».

Целью диссертационного исследования является изучение причинно-следственного комплекса

рецидивных преступлений, совершаемых лицами, отбывшими наказание в воспитательных колониях, и выработка научно обоснованных мер нормативно-правового и организационного характера по предупреждению рецидивоопасного поведения указанной категории лиц.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Изучена правоприменительная деятельность судов, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, подразделений органов внутренних дел, иных органов государственной власти, местного управления в сфере предупреждения рецидива преступлений; признаки повторных преступлений, совершаемых лицами, освободившимися из воспитательных колоний, и возможность их соотношения с видами рецидива, принятыми в уголовном праве и криминологии; проанализирована существующая позиция законодателя в отношении понятия и содержания рецидива, изложенного в ч. 4 ст. 18 УК РФ, и изучена возможность применения криминологического подхода к проблеме признания рецидива в отношении лиц, совершивших преступление после отбывания наказания в воспитательной колонии, путем его законодательного закрепления в ст. 18 УК РФ; изучены уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и иные характеристики лиц, отбывших наказание в воспитательных колониях, и их влияние на эффективность исправительного процесса; на основе обобщения и анализа правоприменительной практики и статистики судов, исправительных учреждений, органов внутренних дел изучен причинно-следственный комплекс рецидивных преступлений, совершаемых лицами, отбывшими наказание в воспитательных колониях, на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах; выявлены и проанализированы проблемы нормативно-правового и организационного характера в сфере осуществления социальной работы, оказания социальной помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы, и осуществления контроля за их поведением на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах; разработаны научно обоснованные меры нормативно-правового и организационного характера по совершенствованию профилактики рецидивных преступлений, совершаемых лицами мужского пола, отбывшими наказание в воспитательных колониях, путем внесения изменений в федеральное законодательство и подзаконные нормативные акты в сфере предупреждения преступности среди несовершеннолетних и рецидива преступлений.

совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Работники правоохранительных органов, в том числе сотрудники оперативных подразделений ФСИН России, сталкиваются с серьезными сложностями при производстве предварительного расследования преступлений, совершенных в исправительных учреждениях. Эти сложности обусловлены целым комплексом факторов, которые уже исследовались в литературе и подробно рассмотрены в рецензируемой работе. Авторы предлагают логичную систему факторов, влияющих на расследование преступлений и производство отдельных следственных действий в органах и учреждениях ФСИН России.

Структура рецензируемой работы вполне обоснованна. В первой главе дана общая характеристика расследования преступлений в органах и учреждениях ФСИН России с точки зрения уголовно-процессуального права. Авторы проанализировали соответствующие нормы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, федеральных законов, ведомственных и межведомственных нормативных актов Минюста и ФСИН России, а также правоприменительную практику, в результате чего выявили особенности правового статуса учреждения и органа ФСИН России как органа дознания. В отдельных параграфах рассмотрены особенности стадии возбуждения уголовного дела о преступлении, совершенном в исправительном учреждении, а также проблемы организации их расследования.

Вторая глава работы посвящена криминологическим особенностям расследования пенитенциарных преступлений. Проанализированы особенности тактики наиболее распространенных следственных действий, проводимых в органах и учреждениях ФСИН России. Авторы разделили следственные действия, проводимые в условиях исправительного учреждения, на связанные с получением вещественных доказательств (обыск и выемка) и связанные с получением показаний (допрос и очная ставка, проверка показаний на месте). Рекомендации по подготовке и проведению указанных следственных действий в условиях исправительного учреждения представляются в целом верными.

Положительным аспектом работы является наличие анализа проблем использования результатов ОРД и режимных мероприятий в процессе расследования преступлений, совершенных в условиях исправительного учреждения.

Вместе с тем в работе имеется ряд недостатков:

1. К сожалению, остались без рассмотрения такие следственные действия, как осмотр места происшествия, следственный эксперимент, освидетельствование, контроль и запись переговоров, а также получение образцов для сравнительного исследования, имеющие в условиях исправительного учреждения весьма существенную специфику.

2. Целый ряд литературных источников издан достаточно давно. Вместе с тем посвященная данной проблематике работа В. В. Николайченко «Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминологического исследования» (под ред. В. И. Комиссарова. Ч. 1 и 2. Саратов, 2005, 2006) в монографии даже не упоминается, хотя в ней особенностям тактики производства следственных действий уделено значительное внимание (ч. 2, с. 172–207). Полезной была бы и монография Н. Н. Егорова «Вещественные доказательства: уголовно-процессуальные и криминологические аспекты» (М., 2007. С. 136–161) и др.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию А. С. Шаталова, А. А. Крымова, А. Т. Валева, А. М. Лютынского «Особенности производства предварительного расследования по делам о преступлениях, совершаемых в учреждениях УИС»

Е. П. ИЩЕНКО — заведующий кафедрой криминологии Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Рецензируемая работа представляет большой научный и практический интерес, поскольку посвящена важным проблемам расследования преступлений,

3. Представляется необходимым весь подстрочный материал вынести в конец работы и сосредоточить в примечаниях, перед библиографией.

4. Следовало бы обеспечить соответствие источников, указанных в подстрочнике, с источниками, приведенными в библиографии, где их заметно меньше.

Содержание монографии «Особенности производства предварительного расследования по делам о преступлениях, совершаемых в учреждениях УИС» в целом является актуальным как с точки зрения современной криминалистической науки, так и с точки зрения полезности для практических работников, занимающихся расследованием преступлений, совершенных в исправительных учреждениях. Она может быть использована в учебном процессе для обучающихся по специальности «Юриспруденция».

Отрецензированная монография заслуживает издания для использования в практической деятельности и учебном процессе юридических вузов.

**Рецензия на монографию Э. В. Зауторовой
«Нравственно-эстетическое воспитание
осужденных к лишению свободы»**

И. П. БАШКАТОВ — заведующий кафедрой психологии и педагогики Коломенского государственного педагогического института, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Изменение социально-экономической ситуации в обществе и правовых подходов к исполнению уголовного наказания повлекли за собой не только организационную реформу уголовно-исполнительной системы, выделение ее в самостоятельную федеральную службу, но и поиск новых подходов к исправлению и перевоспитанию осужденных, лишенных свободы, активизации их личностного потенциала. В связи с этим представленная монография, посвященная проблеме нравственно-эстетического воспитания правонарушителей в местах лишения свободы, представляется весьма актуальной.

В рецензируемой работе раскрывается содержательная и структурная характеристика нравственно-эстетического воспитания осужденных. В нравственно-эстетическом воспитании лиц, лишенных свободы, особое внимание уделяется эстетике поведения, коррекции асоциального поведения и активизации творческой деятельности личности в различных сферах жизнедеятельности.

Работа логически выстроена и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений. В первой главе автор дает обоснование совокупности положений, раскрывающих теоретико-методологические аспекты исследования нравственно-эстетического воспитания осужденных. Во второй главе работы показаны особенности данного процесса в условиях лишения свободы. Третья глава посвящена организации данного процесса в исправительных учреждениях. Автор пытается дать обоснование модели системы нравственно-эстетического воспитания осужденных, лишенных свободы. В четвертой главе Э. В. Зауторова показывает пути совершенствования изучаемого процесса, выделяет педагогические условия, способствующие эффективности нравственно-эстетического развития осужденных. В заключении даны основные выводы исследования.

Автором проработано достаточно большое количество библиографических источников, среди которых представлены диссертации психолого-педагогического направления, монографии, учебники и учебные пособия, статьи отечественных и зарубежных авторов.

Представляет интерес приложение: программа нравственно-эстетического развития осужденных к лишению свободы «В мире гармонии», авторский курс по повышению уровня готовности курсантов и слушателей к организации нравственно-эстетического воспитания в исправительных учреждениях, творческие работы осужденных, анкеты по изучению ценностных ориентаций, выявлению особенностей художественно-эстетических интересов и склонностей осужденных и др.

Монография Э. В. Зауторовой «Нравственно-эстетическое воспитание осужденных к лишению свободы» представляет теоретический и практический интерес для студентов, аспирантов, преподавателей ведомственных учебных заведений, а также сотрудников пенитенциарных учреждений, организующих воспитательный процесс в исправительных учреждениях. Представленная монография соответствует требованиям, предъявляемым к работам данного вида, и рекомендуется к изданию.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Особенности уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России: Сборник материалов международного научно-практического семинара (Вологда, 1 июня 2007 г.) / Под ред. канд. юрид. наук, доцента А. А. Крымова. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. — 269 с. — ISBN 978-5-94991-048-1.

В настоящий сборник вошли материалы, с которыми 1 июня 2007 г. выступили участники международного научно-практического семинара по проблемам уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России. В первом разделе содержатся статьи, посвященные проблемам совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения на современном этапе судебно-правовой реформы. Второй раздел составляют научные статьи, рассматривающие теоретико-прикладные основы криминалистики и судебной экспертизы.

Сборник материалов семинара будет интересен широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам юридических вузов и научно-исследовательских учреждений. Также может быть использован практическими работниками правоохранительных органов.

Подготовлен в соответствии с п. 1.2 Плана НИОКД института на 2007 г. и перспективу.

Проблемы правового регулирования и организации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов международного научно-практического семинара (Вологда, 25 апреля 2007 г.) / Под ред. канд. юрид. наук, доцента Р. В. Нагорных. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. — 128 с. — ISBN 978-5-94991-084-9.

В сборник вошли материалы семинара, организованного кафедрой административно-правовых

дисциплин в соответствии с п. 1.9 Плана НИОКД института на 2007 г. и перспективу. Авторы освещают современное состояние кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, некоторые проблемы правового регулирования и организации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях административной реформы, основные направления совершенствования кадровой политики государственного управления в рассматриваемой сфере.

Материалы могут быть использованы в работе кадровых подразделений органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, УИС и ОВД по организации совместной деятельности в сфере обеспечения прав и свобод личности, а также в обучении курсантов и слушателей по специальности 030501 — «Юриспруденция», для подготовки научных исследований в данной области.

Крымов А. А., Логинов А. Е., Логинов Е. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в исправительных учреждениях: Монография. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. — 158 с. — ISBN 978-5-94991-078-8.

В монографии, подготовленной в соответствии с п. 1.2 Плана НИОКД института на 2008 г. и перспективу, с учетом действующего уголовно-процессуального законодательства, криминалистической и судебной практики изложены некоторые аспекты методики раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в исправительных учреждениях. Кроме того, рассмотрена специфика расследования преступлений в системе исправительных учреждений, особое внимание уделено соблюдению конституционных прав личности при производстве следственных действий и совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности в исправительных учреждениях.

Издание предназначено для курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, практических работников исправительных учреждений ФСИН России, следствия, дознания и суда.

Валеев А. Т., Лютынский А. М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа осужденных к лишению свободы: Учебное пособие: Допущено Федеральной службой исполнения наказаний в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. — 100 с. — ISBN 978-5-94991-081-8.

Настоящее учебное пособие разработано для курсантов, обучающихся по специальности 030501 — «Юриспруденция», специализация — «Деятельность оперативных аппаратов УИС». Также может быть полезно для сотрудников ФСИН и ФСНК России, органов внутренних дел и прокуратуры, проводящих допросы лиц, содержащихся в местах лишения свободы, по уголовным делам о преступлениях, совершенных на территории исправительных учреждений.

Пособие подготовлено в соответствии с п. 1.2 Плана НИОКД института на 2007 г. и перспективу.

КОНСУЛЬТАЦИИ

Комплексное планирование НИРК

Непременным условием качественной подготовки специалиста является проведение самостоятельных научных исследований. Продуктивность научно-исследовательской работы курсантов, студентов и слушателей (НИРК) напрямую зависит от качества ее планирования. Можно выделить четыре относительно самостоятельных этапа планирования: комплексное, тематическое, календарное и оперативное.

Основным этапом в системе планирования НИРК в институте должно стать комплексное планирование, так как оно соединяет все мероприятия, формы и виды научно-исследовательской деятельности курсантов и студентов. В задачи комплексного планирования входит определение роли и места каждой из форм НИРК в системе ее организации на весь период обучения по каждой конкретной специальности. В разработке комплексного плана организации НИРК должны участвовать выпускающие кафедры совместно с общеинститутскими, обеспечивая тем самым взаимосвязанность комплексного плана организации НИРК по специальности с соответствующим учебным планом.

При планировании целесообразно учитывать две формы НИРК: включенную в учебный процесс и выполняемую во внеучебное время. На первом этапе необходимо на основе государственного образовательного стандарта специальности сформировать перечень знаний, умений и навыков, которыми должен обладать будущий специалист в сфере исследовательской деятельности. На его основе определяются оптимальные формы выполнения НИРК в учебное и внеучебное время, научные мероприятия, предусматриваются эффективные формы контроля.

Приведем примерный перечень знаний и умений учащихся по годам обучения. На первых курсах учащийся должен знать теоретические основы поиска, сбора и обработки информации, уметь использовать вычислительную технику в ходе научных исследований. На 3–4 курсе учащиеся должны знать структуру теоретического обоснования выбранного научного направления, методику проведения научного исследования, государственные стандарты, устанавливающие порядок проведения НИОКР и требования по оформлению результатов научной работы; уметь выбрать, обработать и передать научную информацию, с участием научного руководителя проводить исследование (курсовые, дипломные работы), анализировать и обобщать полученные результаты, принимать участие в организации и проведении научно-практических конференций и семинаров. Выпускник вуза должен знать основные принципы руководства научными коллективами, подходы к выбору актуальной проблемы, основы проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, внедрения полученных результатов, методики организации и проведения научных мероприятий; уметь провести самостоятельные исследования поставленной перед ним задачи (при соответствующих консультациях научного руководителя), оформлять результаты НИОКР в виде научного отчета, доклада, статьи, реферата, использовать стандартные пакеты программ, необходимые для научных исследований, при участии научного руководителя составлять программы исследований на-

учных проблем, разрабатывать инструментарий для их выполнения, внедрения полученных результатов в практику работы; исследовать, обобщать и внедрять передовой опыт в профессиональной и исследовательской деятельности.

На первых курсах формируются навыки работы с научной литературой, библиографического поиска, выполнения переводов научных статей. Необходимо планировать участие хорошо успевающих курсантов в научно-исследовательских работах кафедр.

На третьем курсе продолжается формирование навыков работы с научной литературой и проведения исследований. Планируется разработка отдельных вопросов из специальных дисциплин, недостаточно освещенных в учебной литературе, выполнение курсовых работ с элементами исследований по специальностям выпускающих кафедр, включение элементов исследований при прохождении практики, подготовка статей и научных работ на региональные и межведомственные конкурсы. Курсанты и студенты должны более широко привлекаться к работе научных кружков и исследовательских групп, а также к работе внештатных научно-исследовательских лабораторий.

На четвертом курсе необходимо планировать подготовку статей и научных докладов на всероссийские и международные конкурсы, выполнение курсовых работ по основным дисциплинам специальности с элементами исследований; выступление с научными докладами на студенческих конференциях и кафедральных семинарах, участие в авторских научно-исследовательских коллективах.

На пятом курсе кроме вышеуказанных пунктов планируется выполнение НИОКР в дипломном работе, оформление отчетов по НИОКР за весь период обучения, написание и подготовка статей, актов о внедрении результатов НИОКР и др.

Приведенная система формирования комплексных планов НИРК ориентирована на подготовку специалистов. При переходе на уровневую систему подготовки требуется внесение коррективов в перечень знаний и умений будущих специалистов и распределение форм НИРК по курсам.

Организационно-научный отдел

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Информация о международных научных мероприятиях 2008 г.

17–18 июня 2008 г. в институте состоялась международная научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России и актуальные проблемы применения УПК РФ на современном этапе».

Конференция стала ключевым научным мероприятием института в первом полугодии текущего года. Цель проведения конференции – исследование современного состояния уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России, определение перспективных направлений ее совершенствования

и путей повышения эффективности деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений в исправительных учреждениях. Особое внимание участниками конференции было уделено изучению зарубежного опыта в данной сфере, возможностям совершенствования системы подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы.

В ходе работы конференции были обсуждены актуальные вопросы уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России, среди которых особое внимание было уделено определению понятия и содержания данной деятельности; поиску вариантов разрешения процессуальных и криминалистических проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела в процессе предварительной проверки материалов; изучению процессуальных и криминалистических аспектов производства неотложных следственных действий в исправительных учреждениях; совершенствованию взаимодействия органов и учреждений ФСИН России с иными органами, осуществляющими предварительное расследование. Кроме того, участники конференции рассмотрели особенности осуществления прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля за уголовно-процессуальной деятельностью органов и учреждений ФСИН России, а также уделили внимание месту и роли оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений.

В рамках конференции была организована работа двух «круглых столов»: «Правовые и криминалистические аспекты уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России и иных органов» и «Деятельность оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений». В ходе работы «круглых столов» участники конференции детально рассмотрели отдельные аспекты обсуждаемой проблемы, высказали свое мнение относительно способов ее разрешения.

В работе конференции приняли участие представители образовательных учреждений Армении, Беларуси, Казахстана и Украины, ведущие ученые образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры и Минобрнауки России, практические работники органов и учреждений УИС, прокуратуры и суда. Все это наглядно демонстрирует актуальность обсуждавшихся проблем как для Федеральной службы исполнения наказаний, так и для других правоохранительных органов.

Хотелось бы отметить, что участники конференции достаточно серьезно отнеслись к изучению проблем, обозначенных в теме конференции, о чем свидетельствует разнообразие вопросов, выбранных для обсуждения, значительное количество предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Это подчеркивает значимость рассматриваемых на конференции проблем, желание ученых внести свой посильный вклад в развитие пенитенциарной науки и правоохранительной деятельности.

Обобщенные в ходе проведения конференции данные, а также сформулированные выводы и предложения образуют теоретическую и эмпирическую базу для проведения дальнейших исследований в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России. Принятые по итогам работы конференции рекомендации могут быть использованы при разработке законопроектов нор-

мативных правовых актов, а также в практической деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений в исправительных учреждениях. Выступления участников были обобщены в сборнике материалов конференции, в который также вошла прошедшая обсуждение на конференции памятка оперативным сотрудникам исправительных учреждений по действиям при обнаружении признаков преступлений.

Можно с уверенностью заключить, что проведение подобных мероприятий способствует совершенствованию законотворческой и правоприменительной практики в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений УИС, а также позволяет повысить качество подготовки специалистов в вузе и получить конкретные научные результаты.

5 сентября 2008 г. планируется проведение научно-практического семинара «Актуальные проблемы формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних». В его работе ожидается участие представителей образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД и Минобрнауки России, зарубежных пенитенциарных и образовательных учреждений, работников органов государственной власти и местного самоуправления, общественных правозащитных организаций.

В ходе семинара предполагается обсуждение широкого круга теоретических и прикладных проблем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства в отношении несовершеннолетних, современного состояния и перспектив развития уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практики в области противодействия подростковой преступности, вопросов совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы в рассматриваемой сфере.

По итогам семинара планируется издание сборника материалов.

По вопросам участия в семинаре и публикации материалов обращаться по тел. (8172) 53-60-79, факс (8172) 51-82-48, e-mail: ono-vipe@mail.ru. Статьи для опубликования принимаются до 20 августа 2008 г.

20–21 ноября 2008 г. институтом совместно со ФСИН России, НИИ ФСИН России, неправительственной организацией «Международная тюремная реформа (PRI)» проводится международная научно-практическая конференция по теме «Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: состояние и мировые тенденции». В работе конференции примут участие представители центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России, образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД и Минобрнауки России, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных правозащитных организаций. Согласие на участие в конференции дали представители образовательных учреждений Чехии, Казахстана, Украины, Швейцарии, а также практических органов Германии и Норвегии. Предполагается также участие представителей пенитенциарных и образовательных учреждений Польши, Беларуси, Кыргызстана и других государств.

Предметом обсуждения в ходе конференции станут теоретические и прикладные проблемы формирования и реализации государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказа-

ний, подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы России в контексте происходящих в стране социально-экономических, политико-правовых и духовных изменений.

В настоящее время сотрудниками института проводится исследование проблем государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний, материалы анкетирования подготовлены и направлены в правоохранительные органы 54 субъектов Российской Федерации. Сотрудники научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела осуществляют постоянный поиск и обобщение материалов по вопросам уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Сборник материалов конференции планируется издать до начала ее работы.

По вопросам участия в конференции и публикации материалов обращаться по тел. (8172) 53-60-79, факс (8172) 51-82-48, e-mail: ono-vipe@mail.ru. Статьи для опубликования принимаются до 1 октября 2008 г.

Факультет внебюджетного образования

В соответствии со ст. 29 Закона Российской Федерации «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» и в целях более полного использования возможностей учебного заведения по подготовке специалистов с высшим юридическим образованием в Вологодском институте права и экономики ФСИН России в июне 2000 г. открыто отделение платных образовательных услуг. В июне 2002 г. оно преобразовано в факультет внебюджетного образования.

Факультет готовит юристов с высшим профессиональным образованием по специальности 030501 — «Юриспруденция» (гражданско-правовая специализация). Учебный процесс обеспечивает профессорско-преподавательский состав института и ведущих вузов города. На факультете имеются лекционные залы, учебные аудитории, в распоряжении студентов учебно-материальная база института: библиотечный фонд, компьютерные классы, аудитории, оборудованные мультимедийными системами, спортивные сооружения.

Факультет использует редакционно-издательскую и полиграфическую базу института для обеспечения учащихся учебно-методической литературой. Занятия проводятся с применением технических средств обучения, компьютерных программ, современных педагогических технологий и активных форм обучения.

Сегодня на факультете обучаются студенты из 23 субъектов Российской Федерации, в том числе из Вологодской, Мурманской, Архангельской, Ярославской, Воронежской, Московской областей, Краснодарского края, республик Коми и Карелия — всего более 900 чел., из них 370 студентов проходят обучение по очной форме обучения, 540 — по заочной.

Студенты факультета участвуют в работе научно-практических конференций, проходящих на базе института, принимают активное участие в культурно-массовых мероприятиях, проводимых в учебном заведении, вместе с курсантами представляют институт в студенческой среде города и области.

В 2005–2007 гг. дипломы о высшем профессиональном образовании получили 317 выпускников очной и заочной форм обучения, из них 9 — с отличием.

На базе факультета внебюджетного образования работают платные подготовительные курсы: заочные, вечерние и летние двухнедельные.

Поступающие на факультет внебюджетного образования Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (специальность 030501 — «Юриспруденция», гражданско-правовая специализация) представляют в приемную комиссию **следующие документы**:

Очная форма обучения (срок обучения — 5 лет)

- заявление установленного образца;
- оригинал документа государственного образца о среднем (полном) общем образовании (аттестат, диплом);
- медицинскую справку ф. 086/у;
- фотографии — 6 штук (размер 3x4);
- характеристику с места учебы или работы;
- документ, удостоверяющий личность, для юношей — приписное свидетельство (военный билет).

Заочная форма обучения (срок обучения — 6 лет):

- заявление установленного образца;
- оригинал документа государственного образца о среднем (полном) общем образовании (аттестат, диплом);
- медицинскую справку ф. 086/у;
- фотографии — 6 штук (размер 3x4);
- характеристику с места учебы или работы;
- справку с места работы;
- документ, удостоверяющий личность.

Другие документы представляются поступающим, если он претендует на льготы, установленные законодательством Российской Федерации.

Вступительные испытания на очную и заочную формы обучения проводятся в августе по 3 предметам:

1. Обществознание (тестирование).
2. История России (тестирование).
3. Русский язык (ЕГЭ).

По сокращенной форме обучения проводится тестирование по обществознанию.

Общежитие на период сдачи вступительных испытаний и учебы не предоставляется.

По вопросам поступления на учебу следует обращаться по адресу:

г. Вологда, ул. Гагарина, 37а
тел. (8172) 53-77-19 (факс),
(8172) 51-72-46 — очное отделение,
(8172) 51-16-08 — заочное отделение,
(8172) 53-77-19 — подготовительные курсы.

Проезд автобусами № 1, 15 до остановки «Стадион «Витязь»» или троллейбусами № 1, 2, 3 до остановки «ул. Ярославская».

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

(лицензия от 04.02.2008 г. № А283497)

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР

1) В адъюнктуру (очная и заочная формы обучения) по специальностям:

- 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
- 12.00.11 — Судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура;
- 19.00.06 — Юридическая психология;
- 12.00.09 — Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность.

Требования к кандидатам: в адъюнктуру на бюджетной основе принимаются лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава ФСИН России, имеющие высшее образование, возраст до 39 лет, стаж службы в уголовно-исполнительной системе не менее 2 лет.

Возможно обучение на договорной основе по указанным научным специальностям в качестве соискателя ученой степени кандидата наук.

Срок подачи заявок на обучение (направляются территориальным органом ФСИН России в УКПО ФСИН России) — до 1 ноября.

Срок предоставления документов в институт — с 1 марта по 20 мая; вступительного реферата по специальности — до 20 июня.

Срок обучения по очной форме — 3 года, по заочной — 4 года.

Начало учебного года — с 1 октября.

Вступительные экзамены (специальная дисциплина, философия, иностранный язык) проводятся в сентябре.

Имеющиеся сданные кандидатские экзамены зачитываются за соответствующие вступительные.

2) Соискателей для сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку (английский, немецкий) и по истории и философии науки для соискателей по специальности по отраслям наук:

- 12.00.00 — Юридические науки;
- 19.00.00 — Психологические науки.

Требования к кандидатам: высшее образование.

Срок подачи документов на подготовительные курсы — до 1 ноября.

Срок подачи документов на прикрепление соискателем для сдачи кандидатских экзаменов — до 15 марта.

Срок прикрепления — 2 года.

Кандидатские экзамены проводятся ежегодно в мае.

Обращаться по тел.:

(8172) 51-82-50 — Крымов Александр Александрович, заместитель начальника института по научной работе

(8172) 51-44-67 — Ласточкин Александр Николаевич, начальник адъюнктуры

(8172) 53-01-42 — Климанов Дмитрий Александрович, начальник отдела кадров

Адрес: 160002 г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2.

Сайт в Интернете: WWW.VIPE-FSIN.RU

E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ-ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит два раза в год

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:
В. В. Попов

Ответственный секретарь:
А. Л. Санташов

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:
vestnikvipe@mail.ru

Подписано в печать 26.07.08
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Тираж 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

В дальнейшем планируется регистрация журнала в соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.91. № 2124-1.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и следующим требованиям в оформлении:

1. Рукопись должна предоставляться в одном экземпляре (формат А4) вместе с электронным вариантом на дискете с текстом в формате docWord.

2. Объем до 1 авторского листа.

3. Интервал - полуторный.

4. Размер шрифта - 14.

5. Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом употреблении в тексте.

6. Сноски на источники публикации нормативных актов, цитируемых книг и статей обязательны. Нумерация сносок сквозная, концевая.

7. Рукописи должны прилагаться:

— сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, основное место работы, должность, контактные телефоны;

— для аспирантов и соискателей дополнительно выписка из протокола заседания кафедры (подпись научного руководителя) с рекомендацией к опубликованию материала.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.